

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»**

**РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

***Материалы IV Всероссийской конференции
с международным участием***

(15-16 мая 2014 г.)

Орск 2014

УДК 930.8
ББК 63.3-7
Р76

Печатается по решению редакционно-издательского совета ОГТИ (филиала) ОГУ

Редакционная коллегия:

*Шебалин И. А., кандидат исторических наук, доцент,
декан исторического факультета
(ответственный редактор);*

*Вашурин А. Н., кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук;*

*Трофимова Г. П., кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук
(Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ)*

Р76 Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия : материалы IV Всероссийской конференции с международным участием / отв. ред. И. А. Шебалин. – Орск : Издательство ОГТИ (филиала) ОГУ, 2014. – 165 с. – ISBN 978-5-8424-0724-8.

В сборнике представлены материалы IV Всероссийской конференции с международным участием «Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия», прошедшей на базе ОГТИ (филиала) ОГУ 15-16 мая 2014 г.

ISBN 978-5-8424-0724-8

© Коллектив авторов, 2014

© Издательство ОГТИ (филиала) ОГУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	6
Абдрахманов К. А. Обострение социальных и национальных противоречий в Чехии на рубеже XIV-XV веков	7
Абдуллаев Н. А. К вопросу модернизации конструирования национальной истории	9
Бегимбаева Ж. С. Программы этнографического отделения Оренбургского отдела Русского географического общества как ценный источник изучения духовной культуры казахского народа во второй половине XIX века	16
Бегимбаева Ж. С., Абдрахманова Д. А. К истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса – первого светского учебного заведения на Южном Урале в XIX веке	22
Бегимбаева Ж. С., Давлеткереев Ч. С. К вопросу о принятии капитуляции японских войск во Второй мировой войне	25
Вашурин А. Н., Самсонова Е. В. Духовная культура евразийской цивилизации как альтернатива современной геополитике	28
Волков М. В. Ян Виткевич: за кулисами «теневой» войны	30
Воропаев А. Ю. Крымский вопрос во внешней политике России XVIII века	38
Глушан А. В. Проблема смерти и бессмертия в культуре Древнего мира	41
Дулина Л. М. Европеизация России в первой четверти XVIII века	44
Зибарев М. В. Герой, не ставший героем	47
Зибарев М. В. Почему Европа, а не Китай?	51
Иванова Е. Р. Восприятие событий великой французской революции в новелле немецкого романтика Й. фон Эйхендорфа «Замок Дюранд»	55
Игнатьева Е. С., Шебалин И. А. К вопросу о социально-политических предпосылках украинского фашизма	57
Иманбаева Д. С., Шебалин И. А. От Евразийского экономического сообщества – к Евразийскому Союзу	60
Ишкина Е. Л. Антисталинская тема в русской литературе 1960-1980-х гг.	62
Казакова-Апкаримова Е. Ю. Почитание Табынской иконы Божией Матери на Южном Урале в середине XIX – начале XX вв.	65

Карпенко Е. Е. Основные этапы российско-абхазских отношений в XX веке	69
Климова Н. Ю. Из истории образования зерносовхоза Таналыкский во второй половине XX века	71
Кожухова Л. Р. Об эвакуации населения в город Орск Чкаловской области	74
Коробецкий И. А. Трудоустройство как одно из направлений социальной политики государства в годы Великой Отечественной войны (на примере Южноуральского региона)	76
Коровкина В. О. Российско-польские отношения в первой четверти XIX века	80
Кремер К. В. Постройка здания для музея при Оренбургской ученой архивной комиссии	83
Крицкий В. М. Влияние Золотоордынского ига на политическое развитие Руси	85
Криченко В. А. Экономические предпосылки японской колониальной экспансии в 30-е гг. XX века	88
Кучма Т. А. Начало римской колонизации в Крыму	91
Мордвинцева Е. Д. Социальный аспект реформ С. Ю. Витте в отечественной историографии советского периода	93
Мухаметова Э. Н. Освоение Сибири	94
Нижник Е. В. Судьбы германских и австро-венгерских подданных польского происхождения, депортированных в Оренбургскую губернию в годы Первой мировой войны	96
Николаева Е. С. Остракизм как политический институт Афинского полиса VI – V вв. до н. э.	99
Николи В. К. Греческая колонизация Северного Причерноморья и Крыма	102
Никонорова И. А. История восстания декабристов в романе А. Дюма «Записки учителя фехтования»	105
Парсян А. Ш. Политическая система Японии в эпоху реставрации Мэйдзи (60-е гг. XIX – начало XX вв.)	107
Соловьев К. В. Краткий очерк античной историографии по истории Римской империи периода правления династии Северов	109
Суханов С. В. Северо-Западный Кавказ после окончания Крымской войны во второй половине 50-х гг. XIX в.	112

Сухомлина Е. Л. Деятельность А. И. Дутова на Урале	114
Сухомлина Е. Л., Сухолитко Д. А. Брестская церковная уния и ее влияние на этнокультурные факторы нарастания недовольства украинского народа и формирования предпосылок освободительного движения	119
Таран А. А. Диссидентство как общественно-политическое явление в СССР	123
Терехина Ю. В. Легизм как историко-правовая доктрина политического строя царства Цинь в Древнем Китае	124
Терехина М. И., Парсян А. Ш. Проблема взаимосвязи мифологии и философии	127
Трофимова Г. П. Этические проблемы вузовской науки	130
Тукушева М. Ж. Восточные связи ранних кочевников Южного Урала VI-II вв. до н. э. (по материалам находок бронзовых зеркал)	132
Фомичев А. В. Орудия горного дела и металлургии с поселенческих комплексов Алакульской культуры на Южном Урале	133
Фомичева О. А., Горюнова А. История развития конституционно-правовых основ регулирования правоотношений в сфере культуры	136
Фомичева О. А., Исмаилова А. Ф. Анализ конституционно-правовых основ регулирования процесса объединения Крыма и России	141
Фомичева О. А., Пахомова Д. В. Нормотворческие полномочия органов государственной власти Оренбургской области в сфере историко-культурного развития	146
Хаджаров М. Х. Критика и защита понятия «суверенитет» в условиях глобализации социальной реальности	154
Хамзин И. Р. Российско-британские противоречия в Центральной Азии во второй половине XIX века	161
Харитоновна Е. Ф. Меморандум 16 августа 1999 года как предпосылка установления партнерских отношений России и Японии	163

Предисловие редактора

15-16 мая 2014 г. на базе Орского гуманитарно-технологического института проводилась IV Всероссийская конференция с международным участием «Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия».

В конференции приняли участие доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Казахстана Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова Н. А. Абдуллаев; кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и исторических дисциплин Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова Ж. С. Бегимбаева; доктор исторических наук, профессор института истории и археологии Уро РАН г. Екатеринбурга Е. Ю. Казакова-Апкаримова; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии науки и социологии Оренбургского государственного университета М. Х. Хаджаров; кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Орского филиала Московской финансово-юридической академии О. А. Фомичева; заместитель директора Орского филиала ГБУ «Государственный архив Оренбургской области» Л. Р. Кожухова; старший научный сотрудник Орского краеведческого музея Е. В. Нижник, а также профессора, доценты, аспиранты и студенты ОГТИ (филиала) ОГУ.

Актуальность заявленной тематики связана с проблемой интеграционных процессов на евразийском пространстве. В докладах отражены важнейшие события и процессы, происходившие в различных странах и регионах Евразии в отдалённом историческом прошлом и в новейшее время.

Значимость конференции подчёркивается и тем, что укрепляется научное сотрудничество с учёными из Казахстана. Исследователи всё чаще поднимают вопросы о необходимости более вдумчивого изучения собственной «национальной» истории, о взаимоотношениях между странами Европы и Азии, об опасности роста фашистской идеологии в XXI столетии и т.д. Эти проблемы стали также предметом дискуссий круглого стола, проходившего в рамках конференции 16 мая 2014 г.

Обострение социальных и национальных противоречий в Чехии на рубеже XIV-XV веков

На рубеже XIV-XV веков в Чешском королевстве нарастает ряд противоречий социального, политического, религиозного и национального характера. Последние из них являются доминирующими. Подобная нестабильная обстановка культивировала в чешском обществе радикальные протестные настроения фактически во всех слоях населения, и в конечном итоге породила одно из самых ярких явлений средневековой истории западных славян – гуситское движение.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена современностью, так как на сегодняшний день в ряде некоторых стран происходит наступление на права отдельных этнических групп, попытки лишить их родного языка, изъять из их сознания понимание своей принадлежности к определённому этносу, по сути, привить им абсолютно чуждую ментальность. Кажется просто невероятным, что в современном нам мире, в считающих себя развитыми странах существует такая дискриминация населения, как деление на граждан и «неграждан», лишение последних политических прав. И борьба народа Чехии за национальную культуру, самосознание и права чешского языка – наиболее яркий пример того, к чему может привести неумение или нежелание мирного сосуществования различных этнических групп в пределах одного государства.

Вторая половина XIV столетия – период значительного экономического подъёма Чехии и усиления её внешнеполитического статуса. Но в недрах феодальной монархии Карла I и Вацлава IV создавались предпосылки гуситского движения. С развитием производительных сил обострялись классовые и национальные противоречия в городе и деревне. В связи с развитием рыночных отношений чешские деревни переводятся на немецкое право, разрушается сельская община и вводится индивидуальное землепользование. Землевладельцы, расширяя собственную запашку, широко применяли барщинный труд зависимого сельского населения, так что непосредственные производители находились под угрозой закрепощения. Немецкие и чешские чиншевики* были связаны с рынком. Они должны были для уплаты чинша продавать свою сельскохозяйственную продукцию. Землевладельцы в связи с общим экономическим оживлением значительно увеличили чинш чешских крестьян на немецком праве, в то время как чинш немецких крестьян оставался без изменений. Экономический подъём содействовал материальному обогащению немецкого колониста, в то время как положение чешского крестьянина стало более тяжёлым [1; 67]. Экономический подъём, в частности развитие сельского хозяйства? укреплял экономическое и социально-политическое положение крупных землевладель-

* Чинш (от нем. Zins) – оброк, платившийся с земли или дома, отданных в чужое продолжительное владение. Оброк деньгами или продуктами, который платился помещику.

цев. Располагая большими материальными средствами, паны представляли собой огромную политическую силу, от которой зависела королевская власть. Они заняли руководящее место в общественно-политической жизни страны. Группа крупных землевладельцев стремилась юридическими нормами закрепить своё привилегированное положение в стране. В национальном отношении она не была однородной. В её среде было много иностранцев, главным образом немцев, обладавших значительным земельным фондом, что вызывало большое недовольство чехов. С развитием товарных отношений росли богатства городского патрициата, по национальному составу бывшего преимущественно немецким. Вся внешняя торговля была в его руках. При посредстве агентов немецкие купцы скупали на местных рынках товары, нужные для экспорта, в то время как чешские купцы не располагали столь большими средствами. С развитием товарного хозяйства происходит расслоение ремесленников [2; 96]. Из их среды выделяются мастера, как правило, немцы, которые, располагая средствами, смогли организовать собственную большую мастерскую и держать в полной зависимости больше ремесленников-подмастерьев и учеников. Последние по национальному составу преимущественно были чехи. Поэтому в городах классовые противоречия осложнялись и облекались в формы национальной борьбы.

Также позиции немцев преобладали и в церковных институтах. Усматривая в католическом духовенстве важнейшую опору феодального строя, Карл I содействовал росту его влияния и увеличению его земельных владений, жестоко подавляя народные движения. Благодаря этому наметился сильный разрыв между материальным положением церковных иерархов и полуничих рядовых священников. Эти имущественные различия обострялись различиями национальными. В составе епископата и настоятелей крупных монастырей преобладали выходцы из Германии, а непосредственно с населением работали чешские священники. Они хорошо знали нужды рядовых чехов и нередко своими проповедями подготавливали оппозиционные настроения. Католицизм подавлял национальную культуру, которая в условиях роста национального самосознания формировалась на основе чешского языка.

Не обошла чехов участь дискриминации и в сфере образования. Так как в руководящие университетские органы выдвигалось равное количество лиц от каждой нации, руководство университетом оказалось в руках немцев и других иностранцев. Поэтому в университете возникли острые внутренние противоречия. Магистры-чехи, опираясь на поддержку студентов, вели борьбу против иноземного засилья в академической среде. Борьба внутри университета была составной частью борьбы чехов за свою национальную культуру [3; 42].

Также надо сказать и о важных чертах бытового поведения немецкой элиты, формировавших отрицательное восприятие немцев среди чешской знати. Немцы вели себя высокомерно по отношению к чехам. Они нередко глядели на чешских феодалов как на провинциальную знать империи. Редкими были факты вступления в брак, ибо немцы предпочитали составлять брачные партии с другими аристократическими семьями немецкого происхождения.

В конечном итоге калейдоскоп противоречий принял форму революционной борьбы чешских зависимых крестьян против немецких и онемеченных панов, чешских ремесленников против немецкого патрициата, чешских разорённых мелких феодалов против немецкой и онемеченной феодальной знати – светской и церковной. Как всякое социальное движение средневековья, протестное движение в Чехии было обличено в религиозную оболочку. «Революционная оппозиция против феодализма проходит через всё средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооружённого восстания», – говорит Энгельс [4; 56]. Злоупотребив гостеприимством, превратившись, по сути, из гостя в хозяина, германский элемент дал жизнь Реформации, основанной на национально-освободительной идеологии.

Библиографический список

1. Грацианский, Н. П. Новое наступление немецких захватчиков на славянские земли XIII по XV вв. / Н. П. Грацианский. – М., 1944.
2. Лившиц, Г. М. Реформационное движение в Чехии и Германии / Г. М. Лившиц. – Минск, 1978.
3. Рандин, А. В. Гуситская революция и Пражский университет / А. В. Рандин. – Йошкар-Ола, 1994.
4. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии / Ф. Энгельс. – М., 1952.

Н. А. Абдуллаев

*(Актюбинский региональный государственный университет
им. К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан)*

К вопросу модернизации конструирования национальной истории

Известный политик современности вполне объективно пишет, что «...Великая Степь всегда была перекрестком, на котором встречались различные культуры, языки, армии, религии, товары и идеи. На протяжении тысячелетий Степь была генератором народов» [1; 366]. В русле данного вывода отечественные историки проводят исследование национальной истории. Будет вполне правомерно утверждение о том, что определен вектор нового этапа в развитии исторической науки. В этом русле на протяжении последних двух десятилетий даны новые рекомендации по методологии и методике исследовательской работы и преподавания дисциплины в учебных заведениях. В этом ряду не является исключением Послание Президента 2014 года – Стратегия «Казахстан-2050»: единая цель, единые интересы, единое будущее, где достаточно четко обозначен алгоритм научных изысканий в сфере отечественной истории.

Как подчеркнуто в официальных документах: «Сегодня Казахстан – состоявшееся государство. Мы вышли на новый этап государственного строительства. Стратегия «Казахстан-2050» ...дает ответ на главные вопросы на новом этапе развития, а именно: куда мы идем и где хотим быть к 2050 году» [2].

Это позволяет всецело утверждать о явных перспективах формирования новой мировоззренческой модели научных изысканий в отечественной истории, определении главных ценностей и ориентиров. Данные факторы, как известно, формируют национальную идентичность в условиях мировой глобализации, возрождают духовные ценности нации: язык, традиций, культуру.

В этом русле весьма актуальным является поиск методологических ориентиров общетеоретического характера, которые радикально изменят подход к изложению отечественной истории. Конструирование национальной истории – целостного исторического нарратива, ставящего целью органично связать воедино прошлое и настоящее данного социума, а также определить основной вектор его самопроецирования в будущее, – является одним из стратегических направлений теории национального вопроса и практики государственной политики. Следует особо подчеркнуть, что национальная история – это далеко не синоним понятия «история нации». Если история нации есть последовательность объективно имевших место исторических событий, то национальная история есть общепринятая в данном обществе версия его истории – иначе говоря, это концепция написания учебников по истории.

Следует также заметить, что именно история является наиболее субъективной среди всех гуманитарных наук, вследствие чего при создании национальных историй во внимание всегда принимается не только объективная реальность (которую далеко не всегда возможно полностью восстановить применительно к историческому прошлому), но и соображения сугубо прагматического плана. Следует признать, что мифологизация истории и манипуляция историческими фактами в угоду конъюнктуре сегодняшнего дня в той или иной мере имеет место практически в любой государственной историографии. В этом ряду следует подчеркнуть, что в последние 30 лет отдельные авторы чрезмерно увлеклись научными изысканиями биографий личностей – батыров, биев, баев, предложениями по переименованию улиц, населенных пунктов и т. д. А ведь каждое действие в области истории имеет незамедлительную обратную реакцию.

И чтобы не повторять таких проявлений в науке, истории следует определиться с основными задачами нарратива национальной истории, которыми, на наш взгляд, являются нижеследующие ориентиры:

- а) органичная связь прошлого конкретного общества с его настоящим;
- б) определение основного вектора его самопроецирования в будущее.

Помимо этого, весьма актуальным является и неукоснительная выдержка важнейших требований к национальному историческому нарративу: внутренняя связь и непротиворечивость; определенный уровень научности – иначе говоря, отсутствие явного противоречия известным историческим фактам; всемерная поддержка формированию позитивной самооценки у членов конструируемой национальной общности («национальной гордости»); отсутствие явных противоречий с прагматическими интересами внутренней и внешней политики, независимости национального государства.

Как уже говорилось выше, конструирование национальной истории (национальная историография) является стратегическим направлением разви-

тия любого современного государства, выходящим далеко за рамки академической науки. Глубоко симптоматичным, в некотором смысле даже знаковым событием являются мероприятия по противодействию попыткам переписывания истории с заметной фальсификацией реальных фактов и выводов отечественных и зарубежных предыдущих исследователей. Вопрос этот и в теоретическом, и политическом аспекте весьма актуален начиная со второй половины 80-х гг. прошлого столетия данная проблема обрела тенденцию. В особенности им увлекается молодое поколение историков, следуя примеру отдельных легких представителей старшего поколения историков и представителей средств массовой информации.

Как общеизвестно кругу профессиональных историков и авторитетных научных школ, история, то есть коллективная память общества о своем прошлом, по сути своей виртуальна, в некотором смысле это даже воображаемый мир. Однако в этом виртуальном мире на наших глазах разыгрывается настоящая битва с участием настоящих (не виртуальных!) заинтересованных субъектов. Нечто подобное вряд ли было вообразимым в исторической реальности недавнего прошлого – в советский период и первые пятнадцать лет суверенитета, да и в современности, к примеру, на Украине. В этом можно видеть одно из ярких проявлений того факта, что человечество на самом деле вступило в информационную эру своей эволюции.

Возвращаясь к теме отечественной историографии в сопоставлении с реальностью межнациональных отношений, следует четко осознавать, что в споре об исторической принадлежности того или иного исторического источника на карту поставлено нечто гораздо большее, нежели просто вопрос о конкретном произведении или выводе, суждениях конкретного исследователя.

За годы провозглашения Независимости, на наш взгляд, в широкой аудитории известных историков республики удалось сравнительно конкретизировать аналитические выводы официальной государственной идеологии на национальную историографию не только как на одну из граней развития отечественной исторической науки, но и как на одно из стратегических направлений политики государства – как внутренней, так и внешней. Основные проблемные исторические блоки, в разработке которых нуждается сегодня отечественная историография, по нашему мнению, заключаются в нижеследующем:

- проблема конструирования «общего прошлого» для этнически гетерогенного сообщества граждан суверенного государства;
- критерии оценки советского периода отечественной истории в контексте формирования парадигмы «независимое Отечество»;
- определение задач научного обобщения периода формирования конкретного этноса и его государственности;
- проблематика цивилизационной («суперэтнической») ориентации этноса в истории, а также гражданского сообщества в настоящем и будущем.

Что касается первого пункта из перечисленных выше критериев, речь здесь идет о всестороннем взвешенном отображении такой версии истории для современных учебников, которая могла быть принята как своя история всеми гражданами, независимо от их этнических корней и конфессиональной принад-

лежности. Задача эта была и остается актуальной и злободневной сегодня, однако, по целому ряду объективных причин, весьма и весьма непроста в силу избирательности исторической памяти и ее разделения по «этническим квартирам». Фактически, приходится признать, что «общее прошлое» для соотечественников еще только предстоит «сконструировать»: на данный момент в таком качестве реально воспринимается только период после 1917 г. – фактически, это история СССР, большинство этносов которого проживает в определенном государстве. По нашему мнению, успешное решение данного аспекта отечественной истории зависит от решения последующих трех научных проблем, рассмотрение же ее как «отдельной задачи» малоперспективно.

По второму пункту следует заметить, что принятие парадигмы «независимая республика как Отечество» вместо прежней установки «СССР как Отечество», будучи само по себе неизбежным и необходимым, тем не менее, объективно порождает ряд весьма непростых вопросов, на которые отечественным историкам – в особенности, авторам школьных и вузовских учебников истории – неизбежно придется найти четкие, ясные ответы, требующие порой болезненного переосмысления ряда установок для поколений предыдущего периода нашей истории.

Весьма актуальной в современных научных изысканиях историков является официальная идеология государства, задача новой отечественной историографии. Смеем утверждать, что она состоит в том, чтобы, не впадая в деструктивные крайности, органично вписать советский период, во всей его противоречивости, в историю независимого государства, региона и т. д. В этой связи следует особо подчеркнуть специфичность роли советского периода как в историографии постсоветских стран, так и Казахстана, что существенно ограничивает возможность выработки «общей точки зрения», попытки каковой периодически предпринимаются частью историков. Переосмысление роли советского периода казахстанской истории в силу ряда причин является особо важным для конструирования внутренне связного, непротиворечивого нарратива отечественной истории в будущем.

Касательно третьего проблемного узла, на наш взгляд, следует ограничиться общим замечанием о том, что, как показывают исследования в области оптимальных национальных отношений, понятие «Золотого Века» является необходимым структурным элементом любого национального исторического сознания. Проблематика казахского «Золотого Века» в последние годы приобретает все большую актуальность. Особое внимание в этой связи привлекают имеющие в последнее время попытки «национализации» исторической фигуры отдельных личностей и создания представления о государственности как о прямом наследнике и правопреемнике предыдущих империи. При всем скептицизме, который может вызывать «мегаломания» такого рода, она лишь отражает реально существующую проблему – искусственную идеализацию историографии, оставшейся нам в наследство от советского периода, из общего контекста центральноазиатской и, шире, евразийской истории.

По нашему убеждению, проблема «Золотого Века» в казахстанской историографии должна быть увязана с идеологическим наследием евразийства и ис-

торией Золотой Орды (не империи Чингисхана), которую именно евразийская парадигма позволяет переосмыслить в продуктивном ракурсе. Изучение и осмысление золотоордынского периода истории Казахстана, незаслуженно забытого, является особо значимым для конструирования внутренне связного, непротиворечивого нарратива отечественной истории. По нашему мнению, сознательное принятие именно указанного периода за «отправную точку» истории казахской государственности является наиболее продуктивным подходом.

Задаче достижения указанной цели наиболее соответствует упомянутое выше конструирование общетюркского исторического нарратива, охватывающего, по крайней мере, период до позднего средневековья. В какой-то мере может быть задействовано также наследие евразийства, однако последнее, по нашему мнению, более приемлемо для «внутреннего» потребления, с одной стороны, а также может использоваться как эффективный политтехнологический продукт на ряде направлений внешней политики, с другой стороны. Однако, когда речь заходит о долгосрочном наднациональном историческом конструировании, понятие «евразийства» требует намного более осторожного обращения ввиду своей аморфности и, как следствие, чрезвычайного многообразия современных политических течений, а также проектов интегрированной истории, ассоциирующих себя с евразийством.

Новизной и многогранностью содержания и путей решения привлекают исследователя такие темы, как: «Проблемы методологии изучения новейшей истории», «Отечественная история: от мифа к истине», по которым во все времена не утихают дискуссии и обмен мнениями. И в этом аспекте путеводной были и остаются концепция и критерии исследования науки. Следует заметить, что цементирующей основой каждой науки, в том числе исторической, является ее методология. Маститым и начинающим исследователям постоянно приходится сталкиваться с необходимостью теоретического осмысления наиболее эффективных приемов исследования. Несмотря на то, что интерес к теоретическим вопросам в среде исследователей довольно высок и велико разнообразие методологических подходов, в вузовских курсах и специализированных научных публикациях проблемы теории и методологии, находящиеся на стыке истории, философии и социологии, на наш взгляд, в отечественной науке пока еще не наполнены достаточными фундаментальными трудами.

Вопросы о том, как писать историю, какова мера свободы размышляющего и рассказывающего о прошлом, как можно и нужно оценивать достоверность повествования о былых событиях, во все времена волновали и авторов исторических сочинений, и их читателей. Интерес к вопросам верификации исторического знания и ее методологии, как известно, актуализировался со второй половины XIX в. с появлением «позитивистской школы». С тех пор этот интерес не ослабевал, тем более, что обнаружилась несостоятельность «чистого описания» события, которого придерживались в прошлом позитивисты, так и в ряде публикации современности. Во всяком случае, историки постоянно сталкиваются с необходимостью теоретического осмысления наиболее употребляемых приемов исследования. Даже простое описание отдельных событий и фактов, а тем бо-

лее исторического процесса, требует осознанного историком выбора темы, источников, оценки трудов и выводов предшественников.

В реальной ситуации каждый исследователь часто сталкивается с легко-весным освещением проблем исторической науки. Ведь писать историю – дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь, наверное, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний. Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств события, так как они во многом противоречат друг другу и не поддаются согласованию.

Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять страстям и предрассудкам, интересам исследующего или препятствовать проявлениям постоянного сомнения, свойственного всем серьезным людям. Очевидно, поэтому события постоянно изображаются и толкуются либо пристрастно, либо слишком вольно...

Не секрет, что иногда приходит мысль о том, что стоит ли утруждать себя составлением исторического труда, когда можно попросту принять за истину наиболее известные имеющиеся материалы. Ведь если автор выскажет новую точку зрения или оригинальную мысль, а людей и обстоятельства изобразит в каком-нибудь неожиданном свете, читатель невольно приходит в удивление. А читатель не любит удивляться. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте его просвещать, он завопит, что вы оскорбляете его верования. Историки, переписывая друг друга, избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальны. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение [3; 7-8]. Литературный шарж с позиции романиста не умаляет достоинств историков, а лишь повышает интерес к особенностям их профессионального мастерства.

На наш взгляд, подход такого характера снимает с истории таинства алхимии. Здесь следует особо выделять проблемы этой науки, а в реальности они не так очевидны. Разнообразие ее методологических подходов удивляет. Отношение людей к истории было и является различным. Особенно это заметно в процессе радикальных общественно-политических событий, в итоге революционных преобразований в обществе.

Одни видят в истории мудрую «*magistra vitae*», которая раскрывает нам тайны прошлого, помогает нам понять настоящее и приподнимает перед взором исследователя завесы будущего, на которое одни глядят с унынием и страхом, другие – с надеждой или оптимистической уверенностью, но перед которым все испытывают волнение.

Вторые рассматривают ее как «самую строгую из всех муз», как бескомпромиссного в своей объективности судью социальных систем, народов, социальных групп, общественно-политических партий и исторических личностей, который может забыть, но никогда не забывает поставить всякого на свое вполне достойное и заслуженное место.

Третьи видят в ее лице и то, и другое.

Четвертые считают ее «"девицей для всех" и даже "блудницей", которая отдается всякому, кто обладает экономической и политической властью» [4; 9], – отмечается в одном из академических трудов, непосредственно посвященном данной проблеме.

Рядовой читатель и даже исследователи подчеркивают двойкий смысл понятия «история»: во-первых, это свидетельство о том, что произошло, а во-вторых, это объяснение или интерпретация событий и фактов [5; 5]. История не сводится к хронике, к перечню последовательных фактов – она призвана показывать развитие событий и происходящие изменения.

Уровень каждой науки не в последнюю очередь определяется состоянием ее методологии. **Методология** (от греч. *слово, понятие, учение*) это система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. В отечественной сравнительно молодой науке, если судить по публикациям, вышедшим в свет в условиях суверенного развития, интерес к теоретическим вопросам истории недостаточно высок.

Как склонны считать известные научные школы стран Евразии, в современном виде методология истории как часть общей методологии науки стала складываться не ранее первой половины XIX в. [6; 3]. Вступление человечества в эпоху информационной революции на ряд порядков расширяет и ускоряет доступ исследователей к банку данных по всем общественным наукам. Исторические знания образуют наиболее крупный пласт научных знаний мировой цивилизации.

Итак, наши суждения и выводы однозначно свидетельствуют о том, что сфера национальной историографии выходит по своей значимости далеко за рамки академической науки и имеет прямое отношение к сферам стратегических интересов и национальной безопасности любого современного государства. Последнее особо актуально для Казахстана и других государств постсоветского пространства, недавно обретших политическую независимость и в настоящий момент активно строящих свою национальную идентичность. Затягивание решения либо неэффективное решение ключевых историографических проблем в средне- и долгосрочной перспективе способно породить серьезные вызовы национальным интересам и даже государственной безопасности.

В этом аспекте было объективным то, что нужен современный и по-настоящему научный единый государственный стандарт исторического образования во всех видах учебных заведений. Стандарт, который базировался бы на самых современных методах исследования и методиках преподавания.

На наш взгляд, наверняка будет правильным выделить ряд основных позиций в воссоздании национальной истории, среди которых: а) национальная история должна стать центральным звеном среди общественных наук; б) необходимо создать на качественно новом уровне общую концепцию отечественной истории, которая должна быть тесно увязана с всемирной историей и убедительно показывать место государства в глобальных исторических процессах, системе их взаимосвязи и научной периодизации; в) первостепенное внимание

нужно уделять сбору, систематизации и классификации всего имеющегося за рубежом исторического материала об отечестве, при этом нужно скрупулезно исследовать все основные зарубежные хранилища исторических артефактов, а также изучить вопрос о возможности репатриации этих исторических материалов в страну либо, если это невозможно, осуществить их копирование с обеспечением последующего доступа для ученых и широкой публики; г) нужно изучать центрально-азиатскую номадическую цивилизацию; д) необходимо оперативно решать вопрос подготовки качественных учебников по истории.

Уверены, что только в русле освещенной парадигмы может быть осязаемый импульс в модернизации и обогащении отечественной истории, которая в свою очередь откроет новые ориентиры для ее исследователей.

Библиографический список

1. Назарбаев, Н. А. Казахстанский путь / Н. А. Назарбаев. – Караганда, 2006.
2. Тажин, М. Народ в потоке истории / М. Тажин // Казахстанская правда. – 6 июня 2013 г.
3. Франс, А. Собрание сочинений : в 4 т. / А. Франс. – М., 1984. – Т. 3.
4. Ирибаджаков, Н. Клио перед судом буржуазной философии (К критике современной идеалистической философии истории) / Н. Ирибаджаков. – М., 1972.
5. Kohn, H. Reflections on Modern History (The Historian and Human Responsibility) / H. Kohn. – Toronto ; New York ; London, 1963.
6. Топольски, Е. Методология истории и исторический материализм / Е. Топольски // Вопросы истории. – 1990. – № 5.

Ж. С. Бегимбаева

*(Актюбинский региональный государственный университет
им. К. Жубанова, г. Актюбе, Республика Казахстан)*

Программы этнографического отделения Оренбургского отдела Русского географического общества как ценный источник изучения духовной культуры казахского народа во второй половине XIX века

Одним из крупных научных учреждений России, внесших огромный вклад в научное изучение Казахского края, явилось Императорское Русское Географическое общество (ИРГО). Общество было создано 6 августа 1845 года и ставило очень широкие цели и обширные задачи по изучению России и населяющих ее народов [10; 87]. Деятельность этого научного учреждения в 1845-1861 годах протекала в условиях предреформенной обстановки, в тесной связи с социально-экономическим развитием Российской империи. Под воздействием этих факторов русская наука во второй половине XIX века достигла высокого уровня во многих отраслях знания [11; 59].

В середине XIX века внимание русских географов привлекала проблема научного исследования Центральной Азии, что связано с геополитическими интересами Российской империи и продвижением ее в Южную Азию. Включение Казахстана в экономическую и политическую жизнь Российской империи вызвало необходимость изучения географических особенностей, выявление природных ресурсов казахской степи, механизм кочевого быта. Активизация освоения Южного Урала в 1730-1740-е годы привела к учреждению в 1744 году Оренбургской губернии, которая охватывала огромную территорию, составлявшую 444 326 кв. верст [14; 27]. На востоке и северо-востоке Оренбургский край граничил с Сибирской губернией, на северо-западе и западе – Казанской, на юге – Астраханской. Юго-восточная часть была погранична с кочевьями казахов Младшего и части Среднего жузов. Административным центром губернии был город Оренбург.

На Южном Урале историко-культурное изучение региона было связано с возникновением в 1868 году Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. В связи с тем, что ширилось всестороннее изучение восточных районов Российской империи, в последующем были открыты отделы ИРГО: в 1877 году – Западно-Сибирский и в 1897 году – Туркестанский. С расширением объектов исследований Западно-Сибирского отдела ИРГО в 1902 году был открыт Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела, который по своей значимости перерос рамки своего статуса. В 1915 году ставился вопрос об открытии Семиреченского отдела ИРГО, что в свою очередь доказывало, какое значение имел для России в тот период этот регион [1; Л.27].

Инициатива создания Оренбургского отдела ИРГО принадлежала Оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому (1818-1888), видевшему серьезные проблемы в деле изучения края, особенно в вопросах, имевших практическую ценность. 17 июля 1867 года за № 4728 был издан Указ Российского императора Николая I о создании Оренбургского отдела ИРГО [1; Л.27-27об]. Это был четвертый по счету региональный отдел ИРГО после Сибирского в Иркутске, Кавказского в Тифлисе и Балтийского в Вильно. В сферу его влияния входила Оренбургская губерния, Урал, Казахстан и Средняя Азия.

14 января 1868 года состоялось первое заседание организованного отдела, который стал научным центром для изучения истории и культуры, этнографии и быта населения, природных ресурсов, экономики и торговли народов Южного Урала [5; Л.3]. Председателем Оренбургского отдела общества был избран генерал-майор Л. Ф. Баллюзек, являвшийся военным губернатором Тургайской области. На первом учредительном собрании общества генерал-губернатор Н. А. Крыжановский зачитал «Устав общества» и «Положение об отделе» [8; 26].

К этому времени накопились значительные сведения о крае, но все они были разбросаны по различным книгам и журналам, а интересы экономического и культурного развития края требовали их обобщения. Эта задача и входила в круг вопросов Оренбургского отдела ИРГО, который взял в свои руки инициативу научного изучения северо-западной части Казахстана. Руководство Оренбургского отдела ИРГО, и, в первую очередь, его председательствующий Л. Ф. Баллюзек понимали задачи отдела еще шире. В частности, у Л. Ф. Бал-

люзек была разработана определенная стратегия развития общества. Он был намерен создать на базе Оренбурга центральный пункт изучения Востока – Азиатское общество, по образцу аналогичных в Лондоне, Бомбее, Калькутте, Париже и Лейпциге, и сделать его шестым в мире и третьим в России (после Академии наук и Казанского университета) центром ориенталистики [13; 61]. Кроме того, изучение обширной территории Южного Урала имело значение не только относительно изучения Востока, но и касательно устройства Российской империи. Для этого важно было «привлечь и соединить в одно целое все отделения, хотя бы по себе малозначащие, действующие ныне силы во всей Центральной Азии, на всем протяжении между кругами деятельности Сибирского и Кавказского отделов, если мы возбудим новых деятелей и приищем себе корреспондентов в самых отдаленных местностях Азиатского континента» [3; Л. 21]. Поэтому параллельно с официальной политикой Российского государства, Русское Географическое Общество охватывало широкий спектр научных интересов, что позволило ему выполнять функции руководства наукой в масштабе географических знаний того времени.

Оренбургский отдел избирал в свои члены лиц, знающих историю, этнографию, экономику и географию Южного Урала. Организационная работа отделения общества строилась по Уставу, который регламентировал деятельность общества.

Первая плеяда национальной интеллигенции, воспитанники Оренбургского кадетского корпуса и Оренбургской школы для казахских детей при Пограничной комиссии, изучавшая историю и культуру казахского народа, была заинтересована в деятельности Общества и принимала в ней участие. Здесь произошло объединение целей российской политики и интересов представителей казахской интеллигенции, нашедшей нишу для реализации своего научного потенциала. Действительными членами Оренбургского отдела ИРГО были семь казахов: М.-С. Бабаджанов, И.-М. А. Асатов, Б. К. Карпыков, У. К. Кунтеков, Н. М. Саванбаев, С. Т. Тлемисов, М. Я. Яраспаев; членами-сотрудниками являлись пять казахов: И. Алтынсарин, Д. Б. Беркинбаев, Б. Д. Даулбаев, Б. Н. Наурызбаев, Т. А. Сейдалин [9; 1-2]. Членами Оренбургского отдела ИРГО были и башкиры, выпускники Оренбургского кадетского корпуса, среди них ставшие впоследствии видными общественными деятелями, просветитель-поэт М. И. Уметбаев (1841-1907), ученый-лингвист М. М. Бекчурин (1819-1887), исследователь-востоковед А. А. Диваев (1855-1933), внесшие определенный вклад в изучение истории и культуры казахского и башкирского народов [14; 124].

На одном из первых заседаний 23 февраля 1868 года определились основные направления деятельности Оренбургского отдела ИРГО. Он имел четыре отделения: 1) географии, 2) этнографии, 3) естественно-историческое и 4) статистики [2; Л.22].

Уже на первых заседаниях было принято решение «о полезности составления программ для будущих действий отдела по изучению Оренбургского края» [2; Л.13]. Первой была представлена и одобрена программа этнографического отделения, разработанная его руководителями, коллежскими советника-

ми Н. П. Георгиевским и И. П. Покровским. Эта программа стала научным руководством для членов ОО ИРГО, занимающихся этнографическим изучением многонационального населения края и прилегающих к нему территорий Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана. Текст программы сохранился в фондах Государственного архива Оренбургской области и датирован 17 декабря 1868 года [3; Л.35-36].

Программа включала направления по изучению этнической истории казахского и башкирского народов, Оренбургского и Уральского казачества, финно-угорских (мордва, мари, чуваша) и восточнославянских народов (русские, украинцы). Кроме того, этнографический отдел предложил, в первую очередь, организацию экспедиций, сбор этнографического материала. При этом приоритетным направлением было изучение этнографии и истории казахского, татарского и башкирского народов как представителей нерусского населения, составляющих наиболее крупный массив в регионе.

Исследователь Г. С. Султангалиева отмечает, что с XVIII века Российское государство законодательно стимулировало и регулировало перемещение людских потоков на территории Южного Урала, в Зауралье и в Западный Казахстан. С этой целью в 30-50-е годы XVIII века были созданы определенные условия, такие как, например, освоение транспортных коммуникаций между Казанью и Оренбургом, обозначивших направление миграционных потоков населения и приведших к его уплотнению и соседскому проживанию в одной местности различных этнических групп, что способствовало тесным контактам между ними, расширяло постепенно границы хозяйственного и культурного общения народов региона [14; 39-50]. Так, по переписи 1897 года, в Уральской области проживало 463187 казахов, 23521 татарин, 763 башкира; в Тургайской области – 410904 казаха, 3197 татар, 1598 башкир [12].

В разделе по этнографическому изучению казахов главное внимание обращалось на изучение изменений в занятиях, промыслах, обычаях, хозяйстве и других сторонах жизни под влиянием общения с «оседлыми обывателями края» – казахами, кочевавшими в районах, прилегавших с юга к Оренбургской пограничной линии прилинейных казахов. Очень важно, что программа ставила задачи сбора данных по социально-экономическим вопросам: «распределению и пользованию земельными угодиями, перекочевкам из одной местности и переходам из одного общества в другие, делам в наследстве, обмену произведений труда, договорам по найму рабочих, по временным тебеневкам скота, купле и продаже, семейным, сословным и родовым отношениям» [3; Л.35].

В программе по отношению к башкирам ставились две главные задачи: изучить этнический состав башкирского народа и изменения прежнего быта башкир, «испытанное ими в последнее время под влиянием различных преобразований в их администрации и поземельном быту». Кроме того, в разделе программы, относящемся как к казахам, так и башкирам, ставился ряд других задач – изучить причины барамты, развивать народное образование, религию, нравственность, положительное отношение к правительству, к русскому населению.

Кратким, лаконичным был раздел программы, посвященной изучению Оренбургского и Уральского казачества. В нем указывалось три задачи: изучить этнический состав этих войск, отношение к соседним народам и собрать материал по расколу. Более широким, многоаспектным был заключительный раздел программы, касающийся изучения всех народностей края. Среди поставленных задач – изучение обрядов, обычаев, празднеств, свадеб, похорон, описание жилищ, одежды, пищи, сбор и изучение произведений устного народного творчества. Причем предписывалось эти исследования проводить «по разным сословиям отдельно». Иными словами, ставились задачи не просто этнографического, а этносоциологического изучения населения края.

В журнале заседаний Общего собрания членов отдела было отмечено, что эта программа по важности поставленных в ней задач в деле изучения этнографии Оренбургского края, по полноте, с которой она изложена, вполне соответствует целям Географического Общества и современным знаниям этнографических особенностей народностей, населяющих Оренбургский край [2; Л.13об]. К 1876 году завершилась работа по составлению программ и по другим направлениям исследовательской деятельности отдела. Были составлены также программы по общей географии, исторической географии, статистике, народной медицине. Сотрудники ОО ИРГО от составления программ перешли к работе по реализации разработанных научных исследований.

На протяжении всего периода деятельности Общества было распространено большое количество программ и инструкций по разнообразию научных изысканий. 27 мая 1880 года Оренбургский отдел ИРГО разослал программы по сбору сведений об исторической географии и быте казахов [6; Л.303-304]. К каждой программе прилагалась инструкция по заполнению, и указывался определенный срок сдачи документа. Программа была заверена Правителем дел Оренбургского отдела ИРГО А. Оводовым [6]. В Государственном архиве Оренбургской области имеются рапорты, адресованные Оренбургскому отделу ИРГО, от составителей ответов на предложенные программы вопросов. Например, рапорт старшины № 5 аула Туз-тюбинской волости, Илецкого уезда султана Султангали Кучангалиева, рапорт старшины № 4 аула Таупской волости Иргизского уезда Алчаева Салтыбека [6; Л.264-265].

Для проведения конкретных этнографических исследований членами Оренбургского отдела ИРГО были разработаны специальные вопросники, анкеты, изданы специальные блокноты для записи ответов. Они рассылались учителям, священникам, представителям местной администрации, в казачьи станицы, казахские аулы, города. Была создана разветвленная сеть корреспондентов из представителей местного населения, которые лучше могли ответить на вопросы об особенностях быта казахского народа.

Анализ рассылки программ показывает широту географического охвата территории, на которой действовал Оренбургский отдел ИРГО. В Оренбургском отделе общества представлен список казахов, которым были разосланы конверты с циркулярными письмами и программой вопросов для сообщения по ним географических сведений о местных жителях Николаевского уезда. Список казахов был составлен уездным начальником А. Михайловым и включал 50 че-

ловек. Это свидетельствует о том, что в первую очередь он включил казахов, получивших светское образование и занимающих определенную должность: Хамза Карджасова, Баймухамеда Асатова-Кунанбаева, Демейсина Найманова, Танаткана Самаева, Малдыбая Италмасова, Сандыбая и Дандыбая Тлемисовых, Иманбая Кудайбергенова, Баймухамеда Наурызбаева и др. Здесь также приведены имена и фамилии Сарке Карагузина, аульного старшины; Аскара Сасыкова, судебного бия; Даутпая Нарбутина, казначея; Чопана Чалабаева, судебного бия; султана Махмуда Джантюрина, султана Даулетгирея Ахмедова, султана Чалабаева [6; Л.120-121]. Хамза Карджасов сообщал в Оренбургский отдел ИРГО географические сведения о местности реки Аятан, в последующем эти знания он использовал в статье о топонимике Тургайской области.

Для более четкой работы с местными корреспондентами в Оренбургском отделе ИРГО была заведена специальная разносная книга для регистрации корреспондентов. В разносной книге, которая была начата 8 февраля 1889 года и закончена 14 февраля 1894 года, отмечены следующие корреспонденты: Н. Саванбаев, Б. Даулбаев, Б. Наурызбаев, С. Тлемисов, М. Яраспаев, У. Кунтеков, Т. Сейдалин, Б. Карпыков, И. Асатов [7].

Как правило, инструкции и программы проходили цензуру и в центре, и у местной администрации. Такому подходу способствовало наличие большого количества фактического материала, предоставляемого местными корреспондентами Оренбургского края. Оформление ответов соответствовало предлагаемым формам, программы и инструкции были написаны доступным для местных корреспондентов языком. В то же самое время они составлялись на уровне научных достижений своего времени [6; Л.303-304, 35-39].

Именно 70-е годы XIX века являются самым ярким и плодотворным периодом в истории Оренбургского отдела ИРГО. В 1868-1870 годах число членов ОО ИРГО увеличилось от 42 до 89 человек. Была создана корреспондентская сеть, накоплен значительный материал для издания первого выпуска научных трудов, направленных в Казань в типографию университета [4; Л.7].

Большим достижением научной деятельности Оренбургского отдела ИРГО была разработка программ и инструкций, где углубленная специализация и профессионализм сыграли значительную роль. Именно через эти программы местные корреспонденты Оренбургского отдела Русского географического общества познакомились с культурой и научными достижениями Российской империи.

Библиографический список

1. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.2.
2. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.6.
3. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.8.
4. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.16.
5. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.17.
6. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.43.
7. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.88.
8. Записки Оренбургского отдела ИРГО. – Казань, 1870. – Вып. 1. – 300 с.

9. Известия Оренбургского отдела ИРГО. Приложение к отчету за 1899 г. № 1. – Оренбург : Типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900. – Вып. 15. – 124 с.
10. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М. : «Восточная литература» РАН, 1997. – 536 с.
11. Козыбаев, М. К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2 кн. / М. К. Козыбаев. – Алматы : Фылым, 2000. – Кн. 1. – 420 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание Центрального Статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. – М., 1904. – Т. 38. Уральская область ; Т. 37. Тургайская область.
13. Сафонов, Д. Историческая тема в изданиях Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического общества (ОО ИРГО) / Д. Сафонов // Оренбургский край : альманах Оренбургского областного краеведческого музея. – 1994. – № 1/2.
14. Султангалиева, Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.) : монография / Г. С. Султангалиева. – Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. – 262 с.

Ж. С. Бегимбаева, Д. А. Абдрахманова
(Актюбинский региональный государственный университет
им. К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан)

К истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса – первого светского учебного заведения на Южном Урале в XIX веке

Формирование системы народного образования является ярким показателем и отражением тех общественно-политических процессов, которые происходили в российском обществе во второй половине XIX века. Именно этот период отечественной истории, насыщенный кардинальными изменениями во всех сферах, определял развитие российской народной школы. Реформы образования во второй половине XIX в. повлекли крупные преобразования как в России в целом, так и на Южном Урале и Северо-Западном Казахстане [4].

Начало народного образования в Оренбургской губернии восходит ранее XIX столетия. Раскрывая летописи Оренбургской губернии, находим, что до 1800 года здесь было только три учебных заведения – народные училища в Уфе, Бузулуке, открытые между 1785 и 1795 гг. [5].

2 января 1825 года в Оренбурге после большой подготовительной работы, проведенной губернаторами края Г. С. Волконским и П. К. Эссеном, по изысканию финансовых средств и разработке концепции нового учебного заведения, по «соизволению Государя Императора Александра I» было открыто первое среднее учебное заведение – знаменитое Неплюевское военное училище, преобразованное в 1844 году в Неплюевский кадетский корпус. С этого момента в Оренбургской губернии наряду с начальным образованием начинается этап развития среднего общего и среднего профессионального образования [1].

Главной задачей кадетского корпуса была подготовка офицерских и административных кадров для нужд Оренбургского края и прилегающих пригра-

ничных территорий Центральной Азии. Воспитанники корпуса избирались в основном из детей офицеров, гражданских чиновников, часть мест замещалась представителями состоятельных слоев инородческого населения, в первую очередь казахского населения. Во всех учебных планах корпуса в разные периоды его существования широко были представлены программы по изучению иностранных языков и особенно восточных: арабского, тюркского, персидского.

Кадетскому корпусу уделялось постоянное внимание со стороны администрации губернии. Ярким примером является поездка по поручению губернатора П. П. Сухтелена чиновника администрации Н. Д. Гартинга в 1831-1834 годах в Харьков, Одессу, Константинополь для закупки учебной литературы, пособий, рукописей на персидском, турецком, арабском языках [3].

Неплюевский кадетский корпус плодотворно работал в Оренбурге до 1918 года. Многие его руководители, преподаватели, выпускники оставили заметный след в истории России и Оренбургского края. По подсчетам известного оренбургского историка В. Семенова, более 50 выпускников Неплюевского кадетского корпуса на 1 августа 1914 года имели генеральские звания. Среди выпускников корпуса: Дмитрий Савельевич Шуваев – военный министр России с 14 марта 1916 года по 9 января 1917 года, Александр Ильич Дутов – генерал-лейтенант, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска в годы гражданской войны, генерал М. Ханжин – командующий западным фронтом армии Колчака. Подробные записки о годах обучения в корпусе опубликовал генерал-от-инфантерии Николай Гаврилович Залесов.

Свидетельством плодотворности замысла организации системы обучения и воспитания в корпусе и практического воплощения его в жизнь является тот факт, что 29 мая 1887 году в Оренбурге на базе школьных военных кантонистов был открыт второй кадетский корпус для обучения детей офицеров и чиновников, служащих в Туркестанском военном округе и Закаспийской области. Обучение во втором Оренбургском кадетском корпусе началось в 1887/88 учебном году. В составе второго Оренбургского кадетского корпуса был подготовительный класс, рассчитанный на 20 человек, в возрасте от 9 до 11 лет.

1 августа 1887 года в Оренбург прибыло 15 несовершеннолетних детей, набранных командующим войском Туркестанского военного округа зачисленных в подготовительный класс. Затем 13 августа прибыло 5 несовершеннолетних детей, избранных командующим войском Закаспийской области и также зачисленных в подготовительный класс. Все эти дети были распределены сначала в запасной лазарет и находились под общим надзором ротного командира подполковника Оландера. С 20 августа кадеты уже находились в своем помещении, расположенном на нижнем этаже корпуса. 25 августа после молебна начались классные занятия. Ученики продолжали прибывать по назначению Главного Управления военно-учебных заведений, так что за первый год существования корпуса в нем обучалось 25 человек в подготовительном классе, 26 человек – в 1 классе.

Первым директором вновь учрежденного заведения был назначен генерал-майор И. Н. Боголюбов. Избранные офицеры-воспитатели прибыли несколько позже и приняли кадетов под свой присмотр: поручик Александров и

поручик Энвальд – 1 класс, а поручик Дударь и ротмистр Ховрин – подготовительный класс. Инспектором учебного корпуса был назначен полковник Н. К. Смирнов, прибывший в Оренбург из Воронежа 4 ноября [2].

6 декабря 1832 года в Оренбурге было учреждено «отделение Неплюевского военного училища для воспитания девиц» – специальный девичий институт, преобразованный в 1848 году Оренбургский женский институт имени императора Николая I. Институт вошел в систему специальных женских учебных заведений ведомства императрицы Марии. При институте был организован пансион, где проживала большая часть воспитанниц.

В течение всего XIX века учебные планы, программы обучения в институте неоднократно менялись, развивалась и укреплялась материальная база, постоянно росло число воспитанниц. В 1913 году в институте обучались 202 воспитанницы. Из всех руководительниц института особо стоит отметить госпожу П. П. Жакмон, внесшую большой вклад в развитие института на его начальном пути [1].

Таким образом, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус – первое учебное заведение на Южном Урале разряда среднеспециальных, дававшее систематизированные знания и принимавшее на обучение казахскую молодежь. Неплюевское учебное заведение должно было соответствовать поставленным задачам привлечения казахов к делу проведения интеграционной политики России со Степью.

Библиографический список

1. Болодурин, В. С. История становления и развития образования в Оренбуржье (XVIII-XXI вв.) / В. С. Болодурин. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. – 464 с.

2. Второй Оренбургский кадетский корпус [1887-1894] в ряду других военно-учебных заведений. – СПб. : Тип. Стасюлевича, 1894 [на обл. 1884]. – 80 с.

3. Мирсаитова, С. Г. Народное образование в Южном Урале в первой половине XIX века / С. Г. Мирсаитова. – Екатеринбург : Урал наука, 2000. – 195 с.

4. Савицкий, Г. В. Начальное народное образование в Южном Урале и Северо-Западном Казахстане в 1851-1917 гг. : автореф. дисс. канд. ист. наук / Г. В. Савицкий. – Оренбург, 2004.

5. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях / В. М. Черемшанский. – Уфа : Тип. Оренбург. Губернского Правления, 1859. – 472 с.

Ж. С. Бегимбаева, Ч. С. Давлеткереев
(Актюбинский региональный государственный университет
им. К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан)

К вопросу о принятии капитуляции японских войск во Второй мировой войне

27 августа 1945 года американские войска начали высадку в Японии. 2 сентября 1945 года ввиду сильных разрушений в Токио на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе, напротив столицы, был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. От имени императора и правительства Японии акт подписали начальник генерального штаба Йосидзиро Умэдзу и министр иностранных дел Мамору Сигэмицу. От имени союзного командования свою подпись поставил Д. Макартур. Советский Союз представлял генерал К. Н. Деревянко. Акт также подписали представители Китая, Великобритании, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии. Война на Тихом океане завершилась. С ней закончилась и вторая мировая война.

Военные переговоры в ходе Потсдамской конференции по вопросам дальнего Востока показали: США и Англия по-прежнему заинтересованы во вступлении СССР в войну против Японии. Это стало еще более очевидным после отклонения Японией Потсдамской декларации США, Англии, Китая. Декларация, носившая ультимативный характер, была предъявлена Японии 26 июля 1945 г. СССР не подписал в тот период декларации, поскольку не находился в состоянии войны с Японией. Да и подготовка декларации трех держав проходила без участия СССР. Государственный секретарь Бирнс направил ее копию правительству СССР «для сведения» в день ее подписания. Было отклонено пожелание советской делегации в Потсдаме отложить опубликование документа на три дня. В этом отражалось стремление политиков США отстранить СССР от решения проблем дальнего Востока, Японии [4].

Главы правительств США, Англии и Китая заявляли в декларации: «Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской империи и Китая... изготовились для нанесения окончательных ударов по Японии... Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил и столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии. Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристских советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет она по пути, указанному разумом». Потсдамская декларация формулировала основные политические принципы, которые должны были применяться к Японии после ее безоговорочной капитуляции. Они предусматривали: полное искоренение милитаризма; оккупацию японской территории; выполнение условий Каирской декларации и ограничение суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны союзниками; разоружение японской армии; суровое наказание во-

енных преступников; устранение всех препятствий к возрождению и укреплению в стране демократических тенденций; установление свободы слова, религии и мышления, а также уважение к основным правам человека [3].

Японии разрешалось иметь только мирные отрасли промышленности, но не те, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны». Союзники обязались вывести оккупационные войска из Японии, «как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство». Декларация заканчивалась словами:

«Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром». Таким образом, Потсдамская декларация не только требовала безоговорочной капитуляции Японии, но и определяла политику союзников после ее разгрома. Она определяла принципы демилитаризации демократизации Японии, отражала антифашистский освободительный характер второй мировой войны. Решающую роль в победоносном для союзников исходе играл СССР. Содержание Потсдамской декларации в полной мере соответствовало интересам народов СССР, и 8 августа Советский Союз присоединился к декларации. После опубликования Потсдамской декларации в Токио состоялся ряд совещаний Высшего совета по руководству войной и кабинета министров. Того считал необходимым принять декларацию. Однако на совещании в императорском дворце, происходившем 28 июля, военный министр Анами, морской министр Ионай, Умедзу заставили премьера Судзуки выступить на пресс-конференции с заявлением об отказе принять Потсдамскую декларацию. «Мы, – сказал он, – игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Японская военщина была намерена продолжать безнадежную войну в метрополии и оккупированных ею территориях Юго-Восточной Азии, обрекая сотни миллионов людей самой Японии, а также Китая, Кореи, Индонезии и других стран на новые жертвы и страдания. Империалисты США использовали этот отказ для того, чтобы применить атомное оружие против мирного населения Японии, хотя в этом и не было военной необходимости. Утром 15 августа по японскому радио было сообщено, что ровно в полдень будет передано особо важное сообщение. За минуту до начала передачи диктор взволнованным голосом оповестил: «Всех радиослушателей просят встать. Его величество император зачитает сейчас рескрипта». По всей стране остановилось всякое движение, замерли фабрики и заводы. «Ра-са Ямато» услышала высокий дрожащий голос «Тэн но-хейко», обратившегося к своим подданным. Император объявил о капитуляции Японии: «Я отдал приказ вооруженным силам о прекращении войны». Характерно, что он ни словом не упомянул об атомных бомбах, но зато наступление советских войск охарактеризовал как основную причину окончания войны. «Советский Союз, – гласило обращение Хирохито, – вступил в войну, и, принимая во внимание положение дел в стране и за границей, мы полагаем, что продолжать борьбу – значит служить дальнейшему бедствию... Поэтому, несмотря на высокий боевой дух императорской армии и флота, мы намерены начать переговоры о мире... во

имя спасения нашего государственного строя». Поскольку обращение императора по радио могло показаться недостаточным и чтобы лишить фашиствующих военных фанатиков выдавать его за фальшивку «предателей», Хирохито направил ближайших родственников убедить сомневающих и скептиков в подлинности его решения о капитуляции. Принц Такеда вылетел в штаб Квантунской армии, принц Канин отправился в штаб южной армии, принц Асака был послан в штабы армии и флота, находившийся в Китае [1].

В армии и военно-морском флоте были изданы инструкции для офицеров и солдат о немедленном выполнении приказа императора об окончании войны. Квантунская армия, командование которой находилось в руках наиболее оголтелых милитаристов во главе с Ямада, патологически враждебных СССР, несмотря на полученный приказ капитуляции, продолжала отчаянное сопротивление Красной Армии. Военные действия продолжались до конца августа. В ходе боев наши войска освободили основные центры Северо-Восточного Китая, высадили десанты в Корею, на Южном Сахалине и Курильских островах. За 23 дня боев с Квантунской армией враг потерял 677 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, 148 генералов. Советские войска успешно завершили Сахалинскую и Курильскую операции [2].

«Наступление вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке – это подлинно молниеносный удар, закончившийся полным окружением всей Квантунской армии и уничтожением ее по частям». Большой вклад в разгром Квантунской армии внесла Монгольская Народная Республика. Советский Союз и его союзники США и Англия разошлись в оценке, связанной с окончанием войны. Политики США и Англии считали 14 и 15 августа последними днями войны, как дни «победы над Японией». Действительно, к середине августа Япония прекратила военные действия против американско-английских войск. Но она продолжала вести военные действия против СССР. Только завершающие мощные удары Красной Армии в конце августа вынудили японских захватчиков капитулировать. Задача огромной исторической важности, выпавшая на долю Советского Союза и его доблестных Вооруженных Сил, была успешно решена. Для принятия общей капитуляции японских вооруженных сил, по согласованию между СССР, США и Англией, генерал Дуглас Макартур был назначен Верховным командующим союзных держав на Дальнем Востоке. Советское правительство назначило генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко своим представителем в контрольном органе союзников по Японии. Вся подготовительная работа по организации подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии проводилась штабом генерала Макатура в Маниле (Филиппины). 19 августа сюда прибыла японская делегация – представители главной ставки во главе с генерал-лейтенантом Кавабе для получения соответствующих указаний, связанных с подписанием акта о капитуляции и практическим осуществлением оккупации Японии армиями союзников.

Таким образом, 2 сентября 1945 года в 9 часов утра на борту американского линкора «Миссури», стоявшего на рейде Токийской бухты, состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Библиографический список

- Адамчик, В. В. Итоги Второй мировой войны / В. В. Адамчик, М. В. Адамчик. – М. : Аст Мина Харвест, 2001. – 351 с.
- Кузнецов, Ю. Д. История Японии / Ю. Д. Кузнецов. – М. : ИД «Норма», 2003. – 455 с.
- Такусибо, Х. Япония в войне 1941-1945 / Х. Такусибо. – СПб. : Полигон, 2000. – С. 200.
- Функен, Ф. Вторая мировая война 1939-1945. США-Япония-Китай / Ф. Функен. – М. : Астрель, 2002. – 104 с.

*А. Н. Вашурин, Е. В. Самсонова
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)*

Духовная культура евразийской цивилизации как альтернатива современной геополитике

В современном мире духовная культура европейской цивилизации может рассматриваться как одна из альтернатив современной геополитике.

Духовная культура – это совокупность нематериальных элементов культуры: норм поведения, нравственности, ценностей, символов, знаний, мифов, идей, обычаев, традиций, языка.

Цивилизация, согласно Тойнби, – это есть некая целостность, части которой друг с другом взаимозависимы.

Отношения России к Западу давно уже стали отдельной и обширной отраслью философской компаративистики, накопившей практически большую литературу. Актуальность проблемы заключается во взаимной соотнесенности российской и западной цивилизаций, проникновении из Европы в Россию культурных новаций, укоренением их в российском обществе и дальнейшем независимом развитии.

Вопросы о роли России в судьбах Европы, о формировании духовной Евразийской цивилизации обусловлены целым рядом причин. Сегодня многие недуги социальной жизни: преступность, аморальность, проституция, алкоголизм, наркомания и так далее – объясняются состоянием бездуховности в современном российском обществе. Экономические и политические реформы социума характерны для человеческого труда, совершенствования личности. Каковы же особенности развития культуры Евразийской цивилизации? Для этого необходимо сравнить качественные характеристики Западной и Евразийской цивилизаций.

Цель компаративистского анализа заключается в том, чтобы доказать, что Евразия – это отдельная культура, и поэтому полная диффузия Западных и Евразийских ценностей не возможна. Кто мы? Запад, Евразия или другая цивилизация? Ученые на этот вопрос отвечают по-разному.

Так, в частности, П. Я. Чадаев высказывал идею о возможности России стать мостом между Западом и Востоком, так как она имеет возможность соче-

тать в своей культуре оба великих начала духовной природы – разум и воображение, тем самым поставить вопрос о «третьей силе» во всемирной истории.

П. Савицкий же говорил о единстве России-Евразии в том смысле, что в «православии русском» должна выделяться единая симфоническая культура, где руководящая роль принадлежит русской культуре. Он понимал исторический и географический мир как особый мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии, как неповторимую историческую и географическую индивидуальность.

Таким образом, в вопросе взаимодействия культур Запада и Евразии нет единой точки зрения. В качестве доказательства различия Западной и Евразийской цивилизаций приводятся следующие аргументы.

Славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, братья И. С. и К. С. Аксаковы) утверждали, что Россия слишком самобытная страна, чтобы можно было считать, что она пойдет тем же путем, что и европейские страны. Уникальность исторического пути России они видели в отсутствии классовой борьбы, наличии крепкого сословного строя, существовании сельской общины, пронизанной духом коллективизма. Россия должна стать покровительницей и объединительницей всего мирового славянства.

Западники (З. П. Боткин, И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский) считали, что Россия должна идти тем же путем, что и западноевропейские страны. Изменения неизбежны, необходимы, и чем быстрее в России будет как в Европе, тем лучше. Западники идеализировали западный путь развития. Подход к развитию евразийской цивилизации как раньше, так и сегодня неоднозначен.

В частности, Н. Я. Данилевский, представитель позднего славянофильства, выделяет пять законов культурно-исторического движения или различия. Он не считал возможной передачу начал цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Однако передавать можно лишь то, что находится вне сферы «народности» то есть это наука, технические приемы, промышленность.

Н. С. Трубецкой говорил, что «великие державы», которые вели мировые войны, смыли белила и румяна на лицах гуманной романо-германской цивилизации и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами. Этот зверь – настоящий, реальный политик.

Таким образом, Россия не может восприниматься как часть европейской цивилизации, но может позиционироваться как евразийская цивилизация, которая может существовать без культурных традиций Запада.

Н. С. Трубецкой считал, что народный быт не может быть обусловлен иностранными формами, иначе это может привести к расколу евразийской культуры. На основании вышеизложенных теорий можно утверждать о различии Западной и Евразийской культур.

В основе Западной культуры лежит широко понимаемый принцип индивидуализма, существенно отличающий новый европейский тип культуры от всех других культур. Для Евразии характерен коллективизм. Как утверждает профес-

сор С. А. Голубков, западный человек постепенно утрачивает нравственность как автономную волю к добру. Она становится делом правовой техники.

Запад отдает предпочтение экономическому росту, а Россия прежде всего апеллирует к культуре, к ее моральным основаниям и духовным ценностям, стремясь именно их сделать критериями общественного прогресса.

Одной из основ евразийской культуры является православие. Оно характеризуется стремлением к всеединству и соборности. Евразия никогда не отступает от существующих в ее духовном мире заповедей. Западный человек в своей духовной культуре отталкивается от индивидуалистической традиции, в основе которой лежит материальное бытие, рациональность и разум. Россия же является «семейной страной», страной коллективных ценностей и идейной соборности. В Западной культуре социальное общение отталкивается от принципа утилитаризма, что предполагает холодность и расчет.

Взаимосвязь человека и природы сложна. Для Запада природа стала вроде врага. В западной цивилизации человек относится к природе как потребитель, особенно в чужих странах. В евразийском духовном контексте мир воспринимается как единое целое. Человек в нем не «царь природы», а лишь одна из составных частей. Стремление быть с природой в гармонии, познав ее основные законы, стараться не противоречить им. В европейском искусстве человек выступает как творец нового мира. Европейская культура больше уделяет внимание не результату, а процессу.

Так, например, на Западе система образования строится на основе Болонской системы обучения: бакалавриат, который дает общее образование (срок обучения 4 года). Бакалавриат, а в дальнейшем магистр – это специалист. В России же срок получения высшего образования составляет 5 лет и готовят специалистов широкого профиля. В советско-российской системе обучения уделяют внимание не только получению знаний, но и всесторонне нравственной духовно развитой личности.

Таким образом, рассмотрев различия в традициях, культуре, образовании западной и евразийской цивилизаций, можно сделать вывод, что Европа и Евразия – это разные цивилизации, которые могут учиться друг у друга, а не идти к объединению культур.

М. В. Волков

(МАОУ «Гимназия № 1 г. Орска», г. Орск, Россия)

Ян Виткевич: за кулисами «теневого» войны

175 лет назад в Петербурге в гостинице «Париж» на Малой Морской улице скончался при невыясненных обстоятельствах молодой российский офицер польского происхождения Ян (Иван Викторович) Виткевич. Ему было всего 30... А ведь во многом благодаря именно его заслугам, не оцененным при жизни, Средняя Азия в конце 19 века все же стала частью Российской империи.

Скромный поручик явился одной из ключевых фигур в грандиозном геополитическом противостоянии Российской и Британской империй, вошедшем в

историю как «большая игра» (русский вариант – «турниры теней»). Современный британский историк Питер Хопкирк, специализирующийся на изучении стран Центральной Азии, посвятил ему одну из глав своей книги «"Большая игра" против России. Азиатский синдром»: «Осенью 1837 года путешествующий по удаленным пограничным областям Персии молодой английский младший офицер был поражен, увидев далеко перед собой в степи отряд одетых в форму казаков, движущийся к афганской границе. Было совершенно ясно, что они надеются проникнуть в страну незамеченными: застигнутые на бивуаке у ручья, о причинах своего нахождения в этих диких местах они отвечали уклончиво и неохотно. Лейтенанту Генри Роулинсону, политическому советнику службы сэра Джона Макнейла в Тегеране, стало совершенно ясно, что пришли они сюда не с добром, хотя, с чем именно, он точно сказать не мог.

«Их офицер, – сообщал он, – был молодым человеком изящного телосложения, с прекрасным цветом лица, яркими глазами и очень живым взглядом». Когда англичанин подъехал поближе и вежливо откозырял, русский встал и поклонился. Однако ничего не сказал, явно ожидая, что гость заговорит первым. Роулинсон сначала обратился к нему по-французски – этим языком чаще всего пользовались европейцы на Востоке, но русский только покачал головой. Роулинсон попробовал заговорить по-английски, а затем и по-персидски, но безуспешно. Наконец русский заговорил на тюркском, который Роулинсон знал только поверхностно. «Я знал его достаточно, – писал он позднее, – чтобы вести простой разговор, но недостаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство. Было совершенно ясно, что именно этого хотел мой собеседник».

Русский сказал Роулинсону, что везет подарки царя Николая новому шаху Персии, который только что унаследовал трон покойного отца после семейной борьбы за власть», – таким Хопкирк рисует портрет Виткевича со слов видного деятеля британской военной разведки, а также писателя и историка сэра Генри Роулинсона.

Ян Виткевич родился 24 июня 1808 года в местечке Крож Шавельского уезда Виленской губернии в старинной, но обедневшей дворянской семье, имевшей литовские, польские и белорусские корни. В 1823 году, учащийся 6-го класса крожской гимназии Виткевич вместе с несколькими товарищами создают тайную организацию «Черные братья», которая провозглашала революционные и национально-освободительные идеи. Так в 15 лет началась политическая жизнь Виткевича. По характеру он был скромным и довольно замкнутым, но в то же время обладал прекрасной памятью, любил литературу и языки и имел артистический талант. Также его характеру были присущи романтизм и тяга к приключениям. «Черные братья» называли себя так потому, что свои листовки и прокламации они распространяли по ночам. Но это не помогло, и их все же удалось выявить и арестовать. Попечитель Виленского учебного округа настоял на строжайшем наказании «крамольников» и все они предстали перед военным судом. Двое из них были приговорены к пожизненному тюремному заключению, а остальные – к отдаче в солдаты. На «деле» Виткевича императорский наместник в Царстве Польском Великий князь Константин Павлович

собственноручно наложил резолюцию «В солдаты. Без выслуги. С лишением дворянства. Навечно. Конст.».

Так 16-летний юноша в марте 1824 г. оказался рядовым 5-го линейного батальона ООК, стоявшего в крепости Орской. Любопытный и пытливый от природы, Виткевич в свободное от службы время за несколько лет овладел персидским, узбекским и казахским языками, в дополнение к немецкому, французскому и английскому, которые он знал ранее. В 1829 г. по приглашению русского правительства Оренбуржье посетил известный немецкий естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт, переводчиком к которому был представлен И. В. Виткевич. К немалому своему изумлению, на квартире Виткевича ученый обнаружил хорошую библиотеку по ориенталистике, которую тот собирал на деньги, присылаемые ему родственниками, в том числе и собрание собственных сочинений. Тронутый судьбой молодого человека, Гумбольдт по прибытию в Оренбург хлопотал о смягчении его участи перед оренбургским губернатором, а затем и в Петербурге. В силу этой протекции, в 1831 г. Виткевич был переведен в Оренбург и прикомандирован переводчиком к Пограничной комиссии, где и началась его разведывательная деятельность. Уже в августе того же года он ведет переговоры с прибывшим афганским принцем Шах-Заде и впоследствии докладывает генерал-губернатору о личности самого принца, его родственников и других связях в Афганистане и Бухаре, степени их влияния там на государственные дела, а также характеризующие данные на членов его свиты. Перовский планировал отправить Виткевича в Бухару еще в 1832 г. в качестве своего личного посланца, но кандидатура эта была отклонена Николаем I. Через два года прапорщик Виткевич командируется в глубь «киргизской» степи для разбора различного рода претензий между казахскими родами, причем Перовский писал, что «пребывание его, в особенности на Сырдарье, может доставить нам полезные сведения и о странах Средней Азии».

В инструкции, разработанной для него лично начальником Оренбургской пограничной линии Г. Ф. Генсом, Виткевичу предписывалось «личными внушениями и советами направить ордынцев к преданности правительству, покорности законам и послушанию начальству; ...для успешнейшего принятия мер к упрочению спокойствия в самой Орде и для ограждения ее от смущения со стороны внешних врагов... и притворных доброжелателей;... Самое бдительное внимание обратить на слухи и сведения о Средней Азии». 2 января 1836 г. Виткевич прибыл в Бухару, где занимался сбором информации о положении в Средней Азии, взаимоотношениях между ханствами, об отношении их правителей к России, и о британских агентах. Одновременно с ним там находился и британский агент Низаметдин, ежедневно направлявший сведения своему резиденту в Кабуле. Встретившись с ним, Виткевич получил информацию о конкретных интересах англичан к российскому приграничью. Также он вел переговоры и с куш-беги бухарского эмира, настаивая на выдаче русских пленников. Куш-беги лавировал, угрожал сближением с Англией, ссылаясь при этом на ранее побывавшую здесь миссию Александра Бернса. Но Виткевичу удалось изменить настрой куш-беги, разъяснив ему, что англичане не станут покупать хлопок и сушеные фрукты, а больше Бухаре торговать нечем, но тогда эмир

лишится железа, меди и других российских товаров, чего англичане ему доставлять не станут. Так, за тысячи километров от Петербурга, Лондона, Кабула и Калькутты, где располагалась штаб-квартира британской колониальной администрации, впервые пересеклись пути двух разведчиков. В апреле 1837 г. Виткевич возвращается в Оренбург, но не один, а с послом кабульского шаха Хуссейн-Али, с которым он был знаком еще с 1831 г., со времени пребывания последнего в России. В мае Перовский направляет главе Азиатского департамента МИДа К. К. Родофиникину письмо с предложением поддержать предлагаемый кабульским шахом Дост-Мухаммедом договор о дружбе и помощи, отмечая, что «англичане имеют агентов своих в Кабуле и даже в Бухаре, которые действуют там совершенно против нас и поэтому необходимо... чтобы наше правительство вошло в ближайшие связи с владельцами азиатскими, сопредельными владениям Ост-Индской компании, а ближайших к нам удерживало непрерывным наблюдением за действиями их и мерами твердыми в пределах уважения к могуществу и достоинству империи Всероссийской». Репутация Доста была хорошо известна за границей. Британский агент Александр Бернс оставил следующую его характеристику: «Справедливость этого вождя являлась постоянной темой гордости всех слоев общества. Крестьяне радовались отсутствию тирании, горожане – безопасности своих жилищ и строгому соблюдению городских правил, купцы – справедливости его решений и защите их собственности. Властитель не может снискать более высокой похвалы, чем эта». После визита совместно с Хуссейном-Али в Петербург, Виткевич получает назначение от Азиатского департамента МИДа в Афганистан. Но там при дворе Дост-Мухаммеда, казалось, прочно обосновался хорошо известный в Оренбурге и Петербурге британский капитан А. Бернс. Целью миссии Бернса было склонить Дост-Мухаммеда принять покровительство британской короны и превратить, тем самым, Афганистан в форпост и плацдарм для продвижения британского влияния в Среднюю Азию.

Осенью 1837 г. лейтенант Генри Роулинсон, советник политической службы, прикомандированный к британскому посольству в Персии, будущий председатель Королевского географического общества Великобритании, с удивлением и тревогой обнаружил недалеко от Герата отряд казаков. Отрядом командовал «молодой человек, изящного телосложения, с прекрасным цветом лица, яркими глазами и очень живым взглядом». В результате короткого обмена любезностями, Роулинсон узнал, что русский офицер направляется в лагерь персидского шаха. Встреча показалась ему подозрительной, и Роулинсон поспешил проинформировать о таинственном русском своего посла в Тегеране, а тот – британского резидента в Кабуле. Лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, получив сообщение о таинственном русском, крайне встревожился. Казалось, начали сбываться самые страшные предсказания о гипотетической угрозе со стороны далекой России. Этим «таинственным русским» был отправлявшийся в Кабул Виткевич. Так британская разведка начала изучение первой российской дипломатической миссии в Афганистане. В декабре 1837 г. отряд Виткевича прибыл в Кабул и представился при дворце шаха. Христианского единоверца пригласил на рождественский ужин советник шаха и по совмести-

тельству британский резидент в Афганистане уже подполковник Александр Бернс. Эта многозначительная встреча двух дипломатов-разведчиков перед их решающей схваткой вдали от родины, но во имя ее интересов, стала единственной. О Виткевиче Бернс написал, что он «вполне джентльмен, приятен, интеллигентен и хорошо информирован». К тому же бывший «бессрочный рядовой» оренбургского корпуса по месту службы-ссылки выучил турецкий и персидский языки. Хозяин был очень любезен, ведь он надеялся вызвать гостя на ответную откровенность, вызвать ответный поток честолюбивых признаний и стремление также похвалиться личной осведомленностью и значимостью – ведь Бернсу было чем поразить воображение и чувства молодого русского. Он красочно описал, как прибыл в Кабул в сентябре, хотя бывал здесь и ранее, а с шахом Дост-Мохаммедом вообще близко знаком более 5 лет. В знак особого уважения со стороны шаха Бернса усадили на слона и торжественно провезли по городу к его резиденции в известной на всю Азию крепости Бела Хиссар. До Кабула владевший персидским, арабским языками и хинди Бернс побывал также в Пенджабе и в Бухаре, но был разочарован, узнав, что его русский гость бывал в Бухаре трижды – ведь его первому визиту в сердце Азии придавалось столь важно значение, что Бернс был вызван для доклада в Лондон и даже удостоился аудиенции у короля. Выпущенная в Лондоне в рекордные сроки книга Бернса «Путешествие в Бухару» принесла автору известность и славу, а Королевское географическое общество наградило его золотой медалью. Умолчал гостеприимный хозяин лишь о том, что в приложение к своей книге для соответствующих ведомств его величества были представлены военный и политико-экономический доклады о путешествии, где доказывал необходимость расширения британского присутствия в Центральной Азии и ограничения «экспансии русского царя». Бернс с уважением отзывался о храбрости афганских солдат, но в то же время предлагал открыть в Кабуле миссию, которая помимо политической и разведывательной работы должна была содействовать продвижению британских товаров на Туркестанский рынок. Умолчал перед гостем Бернс и о том, что уже в следующем 1835 году в Лондоне появилась книга Дэвида Укварта, ранее тайно совершившего нелегальное путешествие в Черкессию, «Британия и Россия», в которой также отстаивалась идея необходимости борьбы с «русской экспансией».

А накануне прибытия Виткевича в Кабул лондонская «Таймс» так писала о России: «От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала русский дьявол неотступно преследует и терзает весь человеческий род и неустанно совершает свои злобные аферы, раздражая нашу трудолюбивую и исключительно мирную империю». Ведя ни о чем конкретном не говорящую беседу, гость также сдержанно рассказал гостеприимному хозяину о своих многочисленных путешествиях по приграничным землям Оренбургского края, хотя главного – цели его миссии в Кабул – любопытному англичанину узнать не удалось. В начале января русский посланник посетил шахский дворец и передал свою верительную грамоту. Афганцы столь мало знали о России, а влияние советника Бернса столь велико, что шах решил даже проконсультироваться у него по поводу подлинности верительной грамоты Виткевича и личного письма Нессельроде, с которых были

сняты копии и отправлены в Бомбей. Таким образом, как окажется впоследствии, шах Дост-Мухаммед подорвал собственные позиции в глазах англичан, а Бернс станет заложником британских амбиций и еще невиданного в истории британского поражения и унижения. Из разных источников осведомленный о таинственной миссии русских в Кабуле, британский генерал-губернатор Индии лорд Окленд, наделенный всей полнотой власти в регионе, направил через Бернса Дост-Мухаммеду резкое письмо, в котором весьма недипломатичным тоном требовал «не иметь с русскими посланцами никаких дел без одобрения подполковника Бернса». А самому Бернсу предписывалось дополнительно устно предупредить правителя Кабула о крайне неблагоприятных для него лично последствиях его возможных «недружественных» действий в отношении интересов Британии. Бернс признавался впоследствии, что был поражен вызывающе-ультимативным тоном письма, но был вынужден подчиниться указаниям своего шефа. Российский капитан при личной аудиенции 21 апреля 1838 г. произвел крайне благоприятное впечатление на шаха, и последний удостоил его чести стать постоянным собеседником. Так начался первый закат счастливой звезды подполковника Бернса. Вынужденный подчиниться указаниям лорда Окленда, Бернс прибегнул к откровенным угрозам шаху и шантажу, но в ответ последовало лишь холодное повеление покинуть Афганистан. В то же время кабульский правитель принял предложение российского посланника о союзе с Россией, гарантировавшем независимость и целостность Афганистана. Уже через неделю после приема Виткевича шахом, 27 апреля, разгневанный своей неудачей, Бернс вынужден был оставить Кабул. Впрочем, здесь для наблюдения за русскими и шахом остался другой опытный британский агент – Чарльз Мессон, известный антиквар, историк-любитель, знаток и коллекционер древностей, едва ли не единственный европеец, проживавший в столице Афганистана уже 6 лет. Но победителем в разгоревшейся в далеком Кабуле политико-дипломатической схватке вышел российский разведчик и дипломат поручик Виткевич. И не вина Виткевича в том, что позднее Петербург, под давлением англичан, отказался от достигнутых им договоренностей, дезавуировав заключенный им договор и тем самым открыв дорогу британскому вторжению в Афганистан. Обеспокоенный фиаско в Кабуле, только что проведя вполне успешную «малую военную акцию» против Персии, когда англичанам удалось заставить войска шаха отступить от осажденного ими Герата (его оборона была организована британским офицером Элдредом Поттиджером), в сентябре 1838 г. Форрин Офис заявил российскому послу в Лондоне весьма энергичный протест против «враждебной деятельности» Виткевича, что «серьезно угрожает отношениям между двумя державами». Британский министр Пальмерстон потребовал отзыва Виткевича, а также и российского посла в Персии Симонича. 1 мая 1839 г. с обширным архивом Виткевич прибыл в Санкт-Петербург и поселился в гостинице «Париж» на Малой Морской улице.

Советские историки писали, что в МИДе Виткевич был принят благосклонно, хотя его и обвинили в том, что он явно превысил свои полномочия, что вполне объяснимо в реально существовавших тогда условиях, в которых он один находился в Кабуле за тысячи километров от столицы империи. Хопкирк,

ссылаясь на донесения британской агентуры в Петербурге, отмечал, что, наоборот, Виткевич был принят Нессельроде весьма холодно, что представляется нам вполне вероятным в свете произошедшего позже [23; 236-237]. Утром 9 мая Виткевич был обнаружен в своем номере застреленным, а привезенные им из Афганистана бумаги бесследно исчезли. Некоторые историки, в том числе и Ю. С. Семенов, придерживаются той версии, что это была запоздалая британская месть за поединок, проигранный в Кабуле. Но, помимо Виткевича, британское правительство не забыло и о «недружественном» Дост Мухаммеде. Небезынтересен тот факт, что авторы британской энциклопедии «Хатчинсон», в 2004 г. изданной в Москве, откровенно признают, что все три англо-афганские войны – 1838-1842, 1878-1880 и 1919 годов – были начаты «с целью ликвидации угрозы возрастающего российского влияния в Афганистане» (энциклопедия «Хатчинсон» была издана под названием «Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь» (М., 2004. – С. 72-73). Подлинным «автором» и сценаристом первой афганской войны стал секретарь политического департамента британской администрации в Индии Уильям Макнатен. Жаждавший реванша за понесенные унижение и оскорбление, подполковник Бернс весной 1838 г. направился в Кабул с одним из отрядов британской армии. Хотя даже союзник, хан белуджей, предупреждал англичан, что они «затеяли дело огромных размеров и трудное для исполнения». 1 июля 1839 г., после ряда кровопролитных стычек, англичане вступили в Кабул.

Осведомленный о вероломстве англичан, Дост-Мухаммед сначала скрывался в отрядах своих сторонников, а затем посчитал за благоразумие сдаться победителям, которые отправили его в «почетную» ссылку в Индию, подальше от Афганистана. Однако возведенный англичанами на трон шах Шудшук своей жестокостью и мздоимством даже слишком быстро обратил против себя своих подданных. 1 ноября 1841 г. в Кабуле началось восстание, первыми жертвами которого стали Александр Бернс и его брат Чарльз. Восставшие не только разгромили кабульский гарнизон англичан, но и казнили ненавистного им фактического правителя-временщика Макнатена. Поражение англичан было столь значительным, что единственным подходящим вариантом сохранения своего «политического лица» в Азии они посчитали возвращение на трон... свергнутого ими же тремя годами ранее Дост-Мухаммеда. После понесенного поражения в Афганистане, пишет Хопкирк, «последовал период разрядки в британо-российских отношениях в Азии, который, несмотря на взаимные опасения и подозрения, продлился целое десятилетие. Но в борьбе за господство в Центральной Азии это была просто короткая передышка». В 1858 г. Александр II миссию возобновления дипломатических отношений с Афганистаном возложил на Николая Ханыкова. Но, ставший осторожным, Дост-Мухаммед, к тому времени уже осведомленный о печальных для России итогах Крымской войны, отклонил «дружеское предложение русского царя», даже не приняв его посланника.

В 1865 г., когда русские войска овладели городами и крепостями Кокандского ханства Аулие-Ата, Туркестан, Чимкент и Ташкент, на присоединенных землях была образована Туркестанская область, вошедшая в состав Оренбург-

ского генерал-губернаторства. С этого момента масштабы и объем разведывательной работы, проводившейся с позиций Оренбуржья, резко снижается, так как ведение разведки переносится в штабы войск, передислоцировавшихся в названные города. В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Оренбургский край перестал быть приграничным, в связи с чем он утратил и свое бывшее военно-политическое значение как оплот империи на ее юго-восточных границах. Вся разведывательная работа переносится в Ташкент, ставший главным военно-политическим и административным центром России в Туркестане. В следующем году Бухарский эмират стал вассалом Российской империи. А в 1873 году Хива также признала протекторат России, сохранив при этом – до 1920 г. – внутреннюю автономию. Кокандское ханство в 1876 г. вошло в состав Российской империи как Ферганская область. Эти серьезные геополитические перемены на политической карте мира XIX века вряд ли стали бы возможными без самоотверженного, кропотливого, но незаметного и ныне почти забытого труда российских разведчиков и пограничников, в том числе и Яна Виткевича.

Библиографический список

1. Бларамберг, И. Ф. Воспоминания / И. Ф. Бларамберг. – М. : Наука, 1978.
2. Виткевич, И. В. Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно / И. В. Виткевич. – [Б. г.], 1836.
3. Гумбольдт, фон А. Центральная Азия / А. фон Гумбольдт. – [Б. г.], 1832.
4. Гус, М. С. Дуэль в Кабуле / М. С. Гус. – Нукус, 1969.
5. Демезон, П. И. Записки о Бухарском ханстве / П. И. Демезон. – [Б. г.], 1836.
6. Дубовицкий, В. И. Не скрывая имени и звания. К 200-летию со дня рождения И. В. Виткевича / В. И. Дубовицкий. – [Б. г.].
7. Дубовицкий, В. И. Александр Бернс – «купец с компасом» / В. И. Дубовицкий. – [Б. г.].
8. Жуковский, В. С. Сношения России с Хивой и Бухарой за последние три столетия / В. С. Жуковский. – СПб., 1915.
9. Мартенс, Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии / Ф. Ф. Мартенс. – СПб., 1880.
10. Матвиевский, П. Е. Гумбольдт и Виткевич / П. Е. Матвиевский // Гостинный двор. – 1997. – № 4.
11. Нейманн, К.-Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 гг. / К.-Ф. Нейманн. – М., 1848.
12. Попов, А. Л. Борьба за Среднеазиатский плацдарм / А. Л. Попов // Исторические записки. – 1940. – № 7.
13. Попов, А. Л. Из истории завоевания Средней Азии / А. Л. Попов // Исторические записки. – 1940. – № 9.
14. Семенов, Ю. С. Дипломатический агент / Ю. С. Семенов. – М., 1959.

15. Снесарев, А. Е. Афганистанъ / А. Е. Снесарев. – СПб., 1906.
16. Снесарев, А. Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе / А. Е. Снесарев. – СПб., 1906.
17. Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии : в 3 т. / М. А. Терентьев. – СПб., 1906. – Т. 1.
18. Халфин, Н. А. Политика России в Средней Азии / Н. А. Халфин. – М., 1960.
19. Халфин, Н. А. Присоединение Средней Азии к России / Н. А. Халфин. – М., 1965.
20. Халфин, Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане / Н. А. Халфин. – М., 1959.
21. Халфин, Н. А. Россия и ханства Средней Азии / Н. А. Халфин. – М., 1974.
22. Хлобустов, О. С. Судьбы разведчиков: капитан Иван Виткевич / О. С. Хлобустов. – [Б. г.].
23. Хопкирк, П. «Большая игра» против России. Азиатский синдром / П. Хопкирк. – М. : Рипол классик, 2004.
24. Штейнберг, Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» в Индии в XIX-XX вв. / Е. Л. Штейнберг // Исторические записки. – 1950. – Т. 33.
25. Штейнберг, Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке / Е. Л. Штейнберг. – М., 1951.
26. «Я удовлетворяю совершенно мою страсть к приключениям...». Письма И. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор. – 2005. – № 16.
27. Burnes, A. Travels into Bokhara. Being an account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia. Also, narrative of a Voyage on the Indus from the Sea to Lahore / A. Burnes. – London : John Murray, 1834. – Vols. 3.
28. Burnes, A. «On the Commerce of Shikarpur and Upper Scinde» Transactions of the Bombay Geographical Society Vol. II 1836-8 / A. Burnes. – Bombay : American Mission Press : Reprinted, 1844. – P. 315-319.
29. Burnes, A. Cabool. Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in that City in the years 1836, 7, and 8 / A. Burnes. – London : John Murray, 1842. – (Posthumous)
30. Rawlinson, H. C. England and Russia in the East / H. C. Rawlinson. – 1875.

А. Ю. Воронаев
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Крымский вопрос во внешней политике России XVIII века

В статье рассматриваются причины и цели присоединения Крыма Российской империей в конце XVIII века, основные черты и особенности политики России в этом регионе, значение присоединения Крыма.

На протяжении последних десятилетий Россия и Украина находятся в определенном противостоянии, одной из причин которого является спор о гос-

ударственным статусе Крыма. Вопрос о территориальной принадлежности региона возник после распада СССР и остается одной из серьезных проблем внешней политики современной России. Крым и в прошлом являлся одним из важнейших направлений внешней политики Российской империи, территорией, которую Россия стремилась закрепить за собой. Вопрос о её принадлежности не может быть решен однозначно, Россия может претендовать на совместное использование с Украиной берегов Крыма, и изучение истории вхождения Крымского полуострова в состав нашей державы может дать теоретическое обоснование решению вопроса о совместном использовании Крыма двумя государствами или иных формах сотрудничества в регионе.

Проблема присоединения Крыма и взаимоотношений России и Турции в связи с этим изучалась такими исследователями, как Н. Ф. Дубровин [3], В. Д. Смирнов [6], которые охарактеризовали основные события, происходившие в политике великих держав по отношению к Крымскому полуострову. В современной историографии проблемами Крыма занимается В. А. Сидоренко [5].

Крымское ханство возникло в начале XIII века, затем полуостров был захвачен татарами Золотой орды, центром его стал город Крым, название это в XIV веке закрепилось на всей территории полуострова. Население Крыма было разнообразно, наиболее древние из них «киммерийцы, тавры (по имени которых в древности Крым называли Таврикой) и скифы» [2; 5]. Здесь соприкасались цивилизации античной Греции и Рима, Древней Руси и Византии, Хазарии и Балканских стран. Таким образом, Крым был своеобразным центром взаимодействия различных народов и культур.

С распадом Золотой Орды полуостров получил независимость, в результате чего на карте мира появилось Крымское ханство. В состав ханства вошли Крым, «где обосновались татары, и Северное Причерноморье и Таманский полуостров» [2; 5]. Основу населения составляли полукочевники, проживавшие грабежом и разбоем, торговлей людьми, оказавшимися в плену в результате набегов на приграничные с Литвой и Россией территории. По мере усиления Османской империи, Крымское ханство было вынуждено войти в 1475 году в её состав. В XVI веке в ситуацию в регионе стало вмешиваться Российское государство, перед которым стояла задача обеспечения безопасности с востока, в результате отношения с Крымом осложнились. Россия усиливает свои позиции на Востоке. В 1552 году в результате успешных военных действий русских войск в её состав вошло Казанское ханство, а в 1572 году сдалась и Астрахань. Очевидно, что со временем Россия стала бы претендовать и на Крымское ханство, но для этого требовалось военное могущество империи, поэтому проблема Крыма возникла во внешней политике нашей страны только в XVIII веке.

В течение XVI-XVII веков крымские татары совершали набеги на приграничные зоны с Россией, доходили до Серпухова, Рязани и Коломны. Воевать с Крымом в то время Россия ещё не могла, потому что за ним стояла Турция, поэтому дело ограничивалось строительством засечных полос. В 1630-1650 годах русское правительство создало «белгородскую черту, состоявшую из лесных засек, валов и рвов», так же создавались и другие засеки [2; 7]. Создание подобных черт сделало Россию менее уязвимой от татарских набегов на протя-

жении нескольких лет. В 1796 году, во время Азовских походов Петра I, Россия приобрела выход к Азовскому морю, после чего Крымское ханство утратило возможность совершать Генные набеги на её территорию. Дальнейшие отношения Российского государства и Турции в течение XVIII века привели к череде войн, в результате которых Османская империя утратила свое влияние в Черноморском регионе, а Крым вошел в состав России.

В начале своего царствования Екатерина II дала России передышку для восстановления и сохранения в наилучшем состоянии сил, чтобы в последующем своем правлении утверждать Российское государство как военно-морскую державу, способную на защиту собственных границ и интересов в мире. Императрица проводила активную внешнюю политику, она прекрасно понимала, как нужно вести себя в политических кругах: «Екатерина любила действовать самостоятельно» [1; 14]. Правительство Екатерины II решало несколько внешне-политических задач. Одна из важнейших задач сводилась к тому, чтобы выйти к берегам Черного моря и закрепиться там, защитив южные границы государства от Турции и Крыма и обеспечив выход к Черному морю. Также это позволяло обезопасить границы от набегов крымских татар, сопровождавшихся разорением городов и сел, уводом русских подданных в плен с целью продажи. Вот как об этом отзывался фаворит Екатерины II, Григорий Александрович Потемкин: «Татарское гнездо в сем полуострове от давних времен есть причиною войны, беспокойств, разорения границ наших и издержек несносных, которых уже в царствование Вашего Величества перешло только для сего места более двенадцати миллионов, выключая людей, коим цену положить трудно. ... Представьте же сие место в своих руках, увидите вдруг перемену счастливую для Государства Вашего: граница не будет разорвана между двух веки с нами враждующихся соседств еще третьим, и который, просто сказать, у нас почти за пазухой; сколько проистечет от того выгодностей: изобилие, спокойствие жителей, а от того и население, умножение доходов, господство непрекословное Черным морем, соединение Имеретии, а чрез то непрерывная граница всегда союзных нам народов между обоих морей. Устье Дуная будет в Вашей воле (лучше будет, есть ли флот, не вводя в Средиземное море, держать готовым). Не Вы от Турков станете искать дозволения проходить Воспор, но они будут просить о выпуске судов их из Дуная» [4; 1].

Крымский полуостров был присоединен, по манифесту Екатерины II, в 1783 году в результате активной деятельности в Новороссии фаворита императрицы графа А. Г. Потемкина, после успешной русско-турецкой войны 1768-1774 годов. После подписания Кучук-Кайнарджийского мира Турецкая Порта отказалась от прав на Крымский полуостров, в результате чего Россия начала проводить активную политику по вхождению Крыма в состав России. Ставленник России, Шахин Гирей, последний хан Крыма, проводил реформы, вызвавшие восстание, под предлогом усмирения которого в Крым без предупреждения были введены русские войска и Екатерина II подписала манифест, в котором объявила Крым, Таманский полуостров и Кубань русскими областями.

Значение присоединения Крыма состояло в том, что с приобретением черноморского побережья Россия получила не только богатство полуострова,

но и возможность развивать внешнюю торговлю в Черноморском регионе, а также возможность иметь собственный флот на Черном море, что положительно сказывалось на геополитическом положении России в Европе. Александр Григорьевич Потемкин прекрасно понимал, что может дать России присоединение Крыма и в силу своего влияния при Дворе писал Екатерине II в записке «Новое о планах князя А. Г. Потемкина по присоединению Крыма...», что «с приобретением Крыма, вы приобретете только спокойствие» [4].

Присоединение Крыма изменило геополитическое положение России в Европе и мире, укрепило её статус великой державы. Положительно повлияло это и на развитие экономики. Российская империя вошла в число держав, контролирующих Средиземноморско-Черноморский регион, активизировала внешнюю торговлю по Черному морю, стала более активно развивать южные регионы страны. Присоединение Крыма сыграло положительную роль в социальной истории России, самобытная культура, традиции и обычаи крымских татар, караимов, крымчаков способствовали духовному обогащению российской культуры.

Библиографический список

1. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй : в 3 т. / А. Г. Брикнер. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 3. – 287 с.
2. Водарский, Я. Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков: численность, размещение, этнический состав / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан ; РАН Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2003. – 159 с.
3. Дубровин, Н. Ф. Присоединение Крыма к России / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : Императорской Академии Наук, 1885. – 760 с.
4. Новое о планах князя Г. А. Потемкина по присоединению Крыма к России. Крымское ханство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wiki.ru/si.tes/krymskoe_khanstvo/id-articles-40X039.himl.
5. Сидоренко, В. А. Политическая история Крымского ханства / В. А. Сидоренко // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. Л. В. Чижова. – М. : Наука, 2003. – 459 с. – С. 157-177.
6. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России / В. Д. Смирнов. – Одесса : Тип. А. Шульце, 1898. – 253 с.

А. В. Глушан

(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Проблема смерти и бессмертия в культуре Древнего мира

Смерть и бессмертие – нравственная, философская, религиозная и богословская проблема, связанная с пониманием сущности и смысла жизни человека.

В нерелигиозном мировоззрении понимание смерти как естественного и необходимого для продолжения жизни процесса не обесценивает земную

жизнь, но подчеркивает значимость каждой личности, вносящей неповторимый вклад в историю человечества.

Идея смерти и, соответственно, стремление к бессмертию, попытки наглядно представить, каким может быть бессмертие – одна из устойчивых тенденций человеческого существования, свойственная различным культурам и религиям.

Все основные мировые религии обещают своим последователям бессмертие, и даже самым большим грешникам, только одним – вечное блаженство в раю, а другим – вечные муки в аду, но при этом ни тем, ни другим не отказывается в бессмертии.

Пути обретения человеком бессмертия в разных религиях можно условно разделить на три категории: 1) человек должен пройти определённый магический ритуал, например, церемониальный обряд посвящения – такой способ обретения личного бессмертия характерен для наиболее древних религий; 2) обретение личного бессмертия собственными усилиями через получение эзотерических знаний и аскетический образ жизни, как, например, в орфизме (древнегреческих верованиях) или индуизме либо через героическую смерть в войне за веру, как в исламе; 3) получение бессмертия как Божественной награды за соблюдение канонической религии – этот путь обещают иудаизм, христианство и ислам.

Бессмертие в древней Греции было одной из основных тем как для религиозного мифотворчества, так и для построения философских систем.

Древнегреческая мифология истолковывает бессмертие не только как атрибут богов, но и как награду, дарованную богами героям за подвиги и человеческое совершенство, как, например, Гераклу или Менелаю. Обычные же люди в представлении древних греков уходят в могилу, их тело превращается в тлен, а безликие и бессильные души вечно скитаются призраками в подземном царстве.

Во времена Гомера вместо того, чтобы сказать «умереть», говорили «уйти в дом Аида». Аид – преисподняя, царство мертвых. По античной традиции, Аид находился далеко на западе, за рекой Океан. Здесь души умерших продолжают свое существование. Охраняет врата Аида трехглавый свирепый и злобный сторожевой пес Цербер, на шее которого ошейник из движущихся с грозным шипением змей. Цербер впускает сюда всех и не выпускает никого. Властители Аида – Бог подземного царства Аид и его жена Персефона.

В Аиде души усопших караются за совершенные при жизни преступления. Сошествие душ умерших в загробный мир происходит через входы, расположенные у Тенарского мыса в Лаконии, в Пилосе, на западе Пелопоннеса, у озера Аверн, в Италии, и других местах.

Души умерших предстают перед судьями – Миносом, Эаком и Радамантом, облеченными богами правом судить поступки людей, которые они совершили при жизни. Души людей, не совершивших тяжких грехов, без страданий, но и без радости, испив воды из реки Леты, один глоток которой заставляет забыть земную жизнь. Только глоток теплой крови на время возвращает им память об их земной жизни.

В Аиде, кроме Ахеронта и Леты, протекает река Стикс, девять раз опоясывающая Аид, притоки Стикса реки Кокит и Пирифлегетон. На берегах этих рек терпят мучения те, кто оскорбил богов, а также убийцы и клятвопреступники (Тантал, Сизиф, Иксион, Данаиды...). Их мучения вечны, лишь некоторые души получают разрешение раз в год проплыть по Ахеронту в озеро Ахерусию, куда к ним приходят, предварительно напившись крови, те, против кого они совершили преступление. Если тень преступника вымаливает прощение у жертвы, то, напившись из Леты, она уходит на Асфоделиев луг, если прощения не получает – возвращается к месту своих мучений.

Аид населен многочисленными демонами и чудовищами. Там постоянно обитают Геката, Эринии, Танатос, Эмпуса и другие. Лишь немногим смертным было дозволено богами сойти в Аид и живыми уйти оттуда (Орфей, Геракл, Одиссей, Тесей, Эней).

Гомер называет в Аиде место для праведников – Елисейские поля, или «элизиум». В античной мифологии элизиум – страна блаженных, находящаяся далеко на западе. В элизиуме царит вечная весна.

Чудесные яблоки, произрастающие на острове, даруют бессмертие. Там изредка выпадают слабые дожди, постоянно дуют мягкие и влажные ветры; души, обитающие в Элизиуме, в изобилии собирают сладкие плоды, которые растут сами по себе. Воздух на островах животворен благодаря мягкости климата и отсутствию резкой разницы меж временами года, а дующие с моря южные и западные ветры изредка приносят слабый дождь, чаще же их влажное и прохладное дыхание только смягчает зной и питает землю.

На Елисейских полях без печали и забот проводят время выдающиеся герои Древней Греции: Диомед Тидид, Телегон, Пенелопа и перенесённые сюда после смерти Ахилл, Менелай, Медея и другие, а также люди, которые вели праведный образ жизни, и освобождённые из Тартара титаны. Царствует в Элизиуме бог Кронос, а помогает ему сын Миноса Радамант.

Ниже Аида, за несокрушимыми медными вратами, на страже которых стоят три чудовищных сына Урана и Геи Бриарей, Гиес и Котт – сторукие и пяти-, десятиглавые гиганты гекатонхейры – находится ужасная бездна, полная вечной тьмы, царство мрачного Тартара. Там залегают корни земли и моря, все концы и начала. Он огорожен медной стеной, и ночь окружает его в три ряда. В Тартаре заточены древние хтонические чудовища, циклопы, низверженные титаны и самые великие грешники и святотатцы.

Бессмертие в древнем Египте было той идеологической основой, на которой Египетская империя существовала 4 тысячелетия.

Впервые идея личного бессмертия каждого человека сформулирована в египетской культуре, самым ранним описанием способа достижения личного бессмертия является древнеегипетский культ Осириса с его обещанием вечной жизни в загробном мире. Тексты пирамид позволяют считать, что уже 2400 лет до нашей эры в Древнем Египте существовала сложная система тайных знаний и обрядов, связанная с божественным царствованием фараонов, которая, по мнению жрецов, позволяла обрести бессмертие после смерти.

Постепенно культ Осириса, связанные с ним обряды и идея бессмертия становятся доступными всем слоям общества. К 1400 году до нашей эры это учение превращается в сложную систему тайных религиозных знаний, с помощью которой все, кто мог заплатить за её исполнение, могли надеяться на обретение бессмертия, предлагаемое этим обрядом.

Одной из важнейших частей культа Осириса и связанных с ним ритуалов был ритуал бальзамирования, целью которого было предотвратить физический распад тела, без чего воскресение из мертвых считалось невозможным.

После бальзамирования и погребения, гарантирующего сохранность тела, наступал завершающий этап обретения бессмертия. Умерший, руководствуясь указаниями «Книги мёртвых», текст которой либо вырезался на самом саркофаге, либо вкладывался в него написанным на пергаменте, с помощью гимнов, молитв и заклинаний должен был предстать перед судом Осириса и 42 богов. Представ перед судом, умерший должен был произнести две оправдательных речи, записанных в 125 главе «Книги мертвых».

В первой оправдательной речи умерший обращается непосредственно к Осирису.

Во второй оправдательной речи умерший обращается к каждому из 42 богов-судей, каждый из которых выносит свой приговор.

И только в том случае, если человек вел на земле праведный образ жизни, соответствующий этим двум оправдательным речам, Осирис даровал ему бессмертие и отправлял его в рай. Если же жизнь человека не соответствовала этим двум оправдательным речам, то он лишался права на бессмертие, и грешника подало чудовище Амаат (лев с головой крокодила), что становилось его окончательной и бесповоротной смертью.

Таким образом, впервые в мировой истории бессмертие и религия слились в единую мировоззренческую и идеологическую структуру в верованиях Древнего Египта и Древней Греции.

Л. М. Дулина

*(«Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС"»
Новотроицкий филиал, г. Новотроицк, Россия)*

Европеизация России в первой четверти XVIII века

В наше время повысился интерес к истории России. Меня заинтересовал вопрос, как изменился быт русский людей в начале XVIII века под влиянием европейской культуры.

Петровские реформы кардинально изменили русскую культуру. Причем термин «культура» здесь понимается в самом широком смысле: от быта и речи до высокого искусства.

Следует отметить, что на протяжении всего XVII века наблюдалось активное проникновение западноевропейской культуры на Русь. Тем не менее, в петровскую эпоху изменяется направленность западноевропейского влияния, а новые идеи и ценности насильственно внедряются, насаждаются во все сферы

жизнедеятельности русского дворянства – главного объекта преобразовательной политики Петра I. Такого рода ситуация во многом объяснялась государственными целями: будущему императору были необходимы достижения и опыт Европы для проведения реформ, для решения задач внешней политики. Успех своих преобразований Петр связывал с формированием нового мировоззрения, перестройкой культуры и быта русского дворянства в соответствии с европейскими ценностями.

Большое влияние на характер реформ оказала симпатия Петра к западному образу жизни и быту, зародившаяся еще в годы ранней юности, во время частых его визитов в Немецкую слободу в Москве.

После первого путешествия за границу Петр задался целью перенести в Россию европейские институты, обычаи, формы общения и развлечений.

Указ 1705 года обязывал все мужское население страны, за исключением священников, монахов и крестьян, брить бороды и усы. Для Петра борода стала символом ненавистной старины, несущей угрозу ему и его планам. Борода издавна считалась неприкосновенным украшением, признаком чести, родовитости, предметом гордости, поэтому этот указ вызвал сопротивление. Так изначально русское общество оказалось разделенным на две неравные части: для одной (дворянство и верхушка городского населения) предназначалась насаждаемая сверху европеизированная культура, другая сохраняла традиционный уклад жизни.

Борьба шла и с широкорукавным платьем. Вскоре после возвращения «великого посольства» 12 февраля 1699 года состоялось шуточное освящение Лефортова дворца. Многие гости прибыли на пир в традиционной русской одежде: в сорочках с вышитым воротником, шелковых зипунах яркого цвета, поверх которых были надеты кафтаны с длинными рукавами, стянутыми у запястья нарукавниками. Поверх кафтана было длинное платье из бархата, сверху донизу застегнутое на множество пуговиц. Шуба и меховая шапка с высокой тульей и бархатным верхом завершали наряд знати (такой наряд был совершенно не удобен для работы). На пиру Петр I взял ножницы и лично принялся укорачивать рукава. А в 1701 году было запрещено носить русское платье, его изготовление и продажа карались законом, предписывалось носить немецкую обувь – сапоги и башмаки. Это было сознательное противопоставление нового, современного, удобного – старому, архаичному.

Эти перемены повлияли и на русскую легкую промышленность, стали развиваться мастерские и фабрики, производящие новые виды тканей, кружева, обувь, головные уборы, пряжки, застежки и другие украшения. Петр и здесь не остался равнодушным к происходящему. Производители предметов обихода для нового быта, предметов роскоши пользовались его покровительством и надзором. Иногда царь специальными указами обязывал фабрикантов прежде производить и пускать в продажу предметы для нового быта, а затем, при выполнении этих условий, они могли производить и продавать другие промышленные товары.

Продавцам длинного платья и сапог, лицам, беспощинно носившим бороды, угрожала ссылка на каторгу и конфискация имущества. В 1700 г. у ворот

Кремля были выставлены манекены с образцами новой одежды. Жители сибирских городов выпросили освобождение от новой одежды «по скудости своей». В конечном счете, камзолы, галстуки, жабо, чулки, башмаки и парики вытеснили старую русскую одежду. Быстрее всего утвердилась западная одежда среди женщин. Очевидно, долгие годы только насилием можно было поддерживать новые моды и нравы. Не раз публиковались указы, угрожавшие нарушителям различными карами, вплоть до каторги.

Разительные перемены произошли и в дворцовом быту. Этому способствовала личность царя. Упрощались традиции, исчезала скованность. В городской быт в петровское время вошли гуляния по торжественным датам, в честь той или иной победы – взятие Азова, победа под Полтавой, годовщина Ништадтского мира и др. В эти дни устраивались торжественные процессии с множеством украшений. В моде были праздничные фейерверки, на площадях выставляли угощение, разрешалось курение. Местом встреч и развлечений привилегированных сословий стали ассамблеи, где могли появляться и женщины. С 1 января 1700 г. в России начал праздноваться Новый год и вводилось новое летоисчисление от Рождества Христова, как в большинстве европейских стран.

Европеизация воспринималась русскими дворянами субъективно, поскольку главным критерием европеизированного быта у них считалось отличие от крестьянской жизни. Для русского дворянина быть европейцем означало изменить одежду, прическу, манеры. И это можно было сделать путем обучения европейской культуре.

Русским дворянам нелегко давалось такое обучение, так как они родились и выросли еще в допетровской Руси и воспитывались в соответствии с традиционными ценностями. Поэтому русский дворянин в петровскую эпоху оказался у себя на родине в положении иностранца, которому во взрослом состоянии искусственными методами следует обучаться тому, что люди обычно получают в раннем детстве непосредственным опытом. Петр понимал, что обучить своих подданных новому «языку» с помощью одних только угроз и указов невозможно, поэтому под его непосредственным руководством выходили пособия и руководства по обучению «правильному» поведению.

Подлинным пособием для дворянина стало так называемое «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». Это сочинение формирует новый стереотип поведения светского человека, избегающего дурных компаний, мотовства, пьянства, грубости, придерживающегося европейских манер. Основная мораль данного произведения: молодость – подготовка к службе, а счастье – следствие прилежной службы.

Изучение данного текста интересно с точки зрения выявления противоречий между традиционными и новыми ценностями и рассмотрения процесса адаптации на русской почве европейской культуры. Так, книга внушала, что благовоспитанный молодой человек должен отличаться тремя добродетелями: приветливостью, смирением и учтивостью. Чтобы пользоваться успехом в обществе, он должен владеть иностранными языками, уметь танцевать, ездить верхом, фехтовать, быть начитанным и т. д. В заключение перечислялись 20 добродетелей, которые украшают благородных девиц.

В петровскую эпоху ускорились темпы культурного развития России, причем ведущим стало светское направление, хотя роль церкви в жизни страны оставалась значительной.

Таким образом, реформы Петра I оказали значительное влияние на изменение русского быта и культуры России.

М. В. Зибарев
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Герой, не ставший героем

18 (по другим источникам – 19) августа 1941 года командир 3-й танковой роты 1-го танкового батальона 1-й Краснознаменной танковой дивизии старший лейтенант Зиновий Григорьевич Колобанов получил приказ от командира дивизии генерала В. И. Баранова поставить заслон противнику на трех дорогах, ведущих к Красногвардейску (ныне Гатчина) со стороны Луги, Волосово и Кингисеппа. В роте Колобанова было пять танков КВ-1. В каждый танк было загружено по два боекомплекта бронебойных и немного осколочно-фугасных снарядов.

Рис. 1. Экипаж КВ-1 старшего лейтенанта Колобанова получает боевую задачу. Ленинградский фронт, август – сентябрь 1941 г.

В тот же день Колобанов выдвинул свою роту навстречу наступающему противнику. Старший лейтенант направил два танка – лейтенанта Сергеева и младшего лейтенанта Евдокименко – на лужскую дорогу. Еще два КВ под командованием лейтенанта Ласточкина и младшего лейтенанта Дегтяря направились защищать дорогу, ведущую на Волосово. Танк самого командира роты встал в засаду у дороги, соединяющей таллинское шоссе с дорогой на Мариенбург – северной окраиной Красногвардейска.

Колобанов провел с командирами всех экипажей рекогносцировку, указал места огневых позиций и приказал отрыть для каждой машины по два укрытия

– основное и запасное, а потом тщательно замаскировать их. Связь с командиром роты экипажи должны были поддерживать по радио.

Для своего КВ Колобанов определил позицию таким образом, чтобы в секторе огня был самый длинный, хорошо открытый участок дороги. По обеим сторонам дороги, ведущей к Мариенбургу, тянулись обширные болотины.

К вечеру экипажу удалось упрятать танк в открытом по самую башню капонира. Была оборудована и запасная позиция. После этого тщательно замаскировали не только сам танк, но даже следы от его гусениц.

На следующий день, часов в десять, раздались выстрелы со стороны дороги, идущей на Волосово. По радио пришло сообщение, что один из экипажей вступил в бой с немецкими танками.

Во втором часу дня на дороге, возле которой затаился танк Колобанова, один за другим стали выползать окрашенные в темно-серый цвет танки. Они шли на сокращенных дистанциях, подставляя свои левые борта почти под прямым углом к орудию КВ, тем самым представляя собой идеальные мишени. Люки были открыты, часть немцев сидела на броне. Экипаж даже различал их лица, так как расстояние между КВ и вражеской колонной было невелико – всего около ста пятидесяти метров.

Как только головной танк подъехал к намеченной цели, по нему из танка Колобанова был осуществлен первый залп. Головной танк загорелся с первого выстрела. Вторым выстрелом был разбит второй танк. Образовалась пробка. Колонна сжалась, как пружина. Танки встали почти вплотную друг к другу. Колобанов приказал перенести огонь на хвост колонны, чтобы окончательно запереть ее на дороге.

Но на этот раз наводчику орудия Андрею Усову не удалось с первого выстрела поразить замыкающий танк – снаряд не долетел до цели. Старший сержант откорректировал прицел и произвел еще четыре выстрела, уничтожив два последних в колонне танка. Противник оказался в ловушке.

Первое время немцы не могли определить, откуда ведется стрельба, и открыли огонь из своих орудий по копнам сена, которые были вокруг. Но вскоре они обнаружили засаду. Началась танковая дуэль одного КВ-1 против восемнадцати немецких танков.

На машину Колобанова обрушился целый град бронебойных снарядов. Один за другим они долбили по 25-миллиметровой броне дополнительных экранов, установленных на башне КВ. Танкисты задыхались от пороховых газов и глохли от многочисленных ударов болванок о броню танка. Заряжающий красноармеец Николай Роденков работал в бешеном темпе, загоняя в казенник пушки снаряд за снарядом. Усов, не отрываясь от прицела, продолжал вести огонь по вражеской колонне.

Немцы, понимая, что попали в западню, пытались маневрировать, но снаряды КВ поражали танки один за другим. А вот многочисленные прямые попадания вражеских снарядов не причиняли особого вреда советской машине. Сказывалось явное превосходство КВ над немецкими танками по силе огня и в толщине брони. Бронирование лобовых и бортовых листов корпуса и башни советского тяжелого танка КВ-1 достигало 75 мм, а у экранированных машин –

100 мм, поэтому броню танка Колобанова не могли пробить короткоствольные 75-мм и 50-мм пушки немецких танков.

На помощь немецким танкистам пришли двигавшиеся вслед за колонной пехотные подразделения. Под прикрытием огня из танковых пушек, для более эффективной стрельбы по КВ, немцы выкатили на дорогу противотанковые орудия. Колобанов заметил приготовления противника и приказал Усову ударить осколочно-фугасным снарядом по противотанковым пушкам. С немецкой пехотой вступило в бой находившееся позади КВ боевое охранение.

Усову удалось уничтожить одно орудие вместе с расчетом, но второе успело произвести несколько выстрелов. Один из них разбил панорамный перископ, из которого вел наблюдение за полем боя Колобанов, а другой, ударив в башню, заклинил ее. Наводчику удалось разбить и эту пушку, но КВ потерял возможность маневрировать огнем. Большие довороты орудия вправо и влево можно было теперь делать только путем поворота всего корпуса танка. По существу, КВ превратился в самоходную артиллерийскую установку. Николай Кисельков вылез на броню и установил вместо поврежденного перископа запасной.

Колобанов приказал механику-водителю старшине Николаю Никифорову вывести танк из капонира и занять запасную огневую позицию. На глазах у немцев танк задним ходом выбрался из своего укрытия, отъехал в сторону, встал в кустах и вновь открыл огонь по колонне. Теперь пришлось усердно потрудиться механику-водителю. Выполняя распоряжения Усова, он поворачивал КВ в нужном направлении.

Наконец последний танк был подбит. Бой длился больше часа. Всего экипажем Колобанова было уничтожено 22 немецких танка. За время боя старший сержант Андрей Усов выпустил по танкам и противотанковым орудиям противника 98 снарядов, из них бронебойные были израсходованы все.

Экипаж танка вернулся в расположение части для ремонта. Когда танкисты стали осматривать свою машину, на броне КВ насчитали 156 следов от попаданий бронебойных снарядов.

На лужской дороге экипажем лейтенанта Федора Сергеева было уничтожено восемь немецких танков, экипажем младшего лейтенанта Максима Евдокименко – пять. Младший лейтенант в этом бою погиб, трое членов его экипажа ранены. Уцелел лишь механик-водитель Сидиков. Танки младшего лейтенанта Дегтяря и лейтенанта Ласточкина в этот день сожгли по четыре вражеских танка каждый. Всего 19 (по другим источникам – 20) августа 1941 года танковой ротой Колобанова было уничтожено 43 танка противника.

За этот бой командир 3-й танковой роты старший лейтенант З. Г. Колобанов был награжден орденом Боевого Красного знамени, а командир орудия его танка старший сержант А. М. Усов – орденом Ленина.

Так умелые действия танкистов 1-й Краснознаменной танковой дивизии на рубежах Красногвардейского укрепрайона помогли впоследствии стабилизировать фронт у Пулковских высот и не пустить врага в Ленинград.

Впоследствии Колобанов был контужен, но в конце 1944 года вступил в строй командиром дивизиона СУ-76. За бои на Магнушевском плацдарме по-

лучил орден Красной Звезды, а за Берлинскую операцию – второй орден Боевого Красного Знамени.

После войны, проходя службу в одной из армий на территории Германии, Колобанов принимает батальон тяжелых танков ИС-2. За очень короткий срок его батальон становится лучшим в армии.

Но судьбе казалось, что она не до конца испытала этого человека. Из батальона дезертировал солдат, впоследствии он объявился в английской оккупационной зоне. Над комбатом нависла угроза военного трибунала. Спас Колобанова командарм: объявив о неполном служебном соответствии, перевел его в Белорусский военный округ. Все случившееся не прошло для офицера бесследно – обострились последствия контузии. По инвалидности он увольняется в запас. В 1994 году Зиновий Григорьевич Колобанов, так и не став Героем Советского Союза, скончался.

На месте боя экипажа Колобанова с немецкой танковой колонной установлен памятник – танк.

Рис. 2. Памятник-танк ИС вместо КВ-1.

Экипаж старшего лейтенанта З. Колобанова (в центре) у своей боевой машины, август 1941 года. Памятная доска на пьедестале

Возникает вопрос, почему советские идеологи обошли стороной подвиг экипажа танка Колобанова? Ведь ничего подобного во время Великой Отечественной войны не было. Из экипажа Колобанова можно было сделать живых (!) героев номер один. Вероятно, дело в том, что еще на фронте во время войны с финнами, в ночь с 12 на 13 марта 1940 года, когда был подписан мирный договор между СССР и Финляндией, Колобанов допустил братание солдат. К несчастью, это самое «братание» очень дорого обошлось капитану Колобанову: его понизили в звании и, лишив всех наград, уволили в запас. Да еще и этот неприятный случай в Германии с перебежкой его солдата в английскую оккупационную зону. Может, поэтому, с идеологической точки зрения, героизм Колобанова перестал иметь цену? Но эту историческую несправедливость необходимо исправить!

Уже много лет ветераны и общественные организации просят присвоить Зиновию Григорьевичу Колобанову звание Героя посмертно. К сожалению, пока безрезультатно. В июле 2011 года начальник Главного управления кадров Министерства обороны В. П. Горемыкин отказался наградить танкиста Зиновия

Колобанова Звездой Героя, посчитав награждение нецелесообразным: «В настоящее время подвергать сомнению и пересматривать решение о награждении З. Г. Колобанова, а также определить мотивы, которыми руководствовало вышестоящее командование при изменении вида награды офицеру, не представляется возможным».

Библиографический список

1. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://virtldom2.mybb.ru/viewtopic.php?id=214&p=47>. – Раздел 468: 2012-12-31. Герой, не ставший героем. Танк КВ в начале Великой Отечественной войны.

2. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%ED%D0%E2,%D0%9C%D0%9E%D0%9F%D0%FC%D0%E5%D0%E8%D0%F7>.

3. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://bazuev.spb.ru/Kolobanov.htm>.

М. В. Зибарев

(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Почему Европа, а не Китай?

С Древних времен до середины XV в., исключая Древнеримскую и Древнегреческие цивилизации, Европа была позади всех. Европа к северу и западу от Альпийских гор не сделала ни одного значительного вклада в развитие технологии и цивилизации, лишь перенимала достижения обществ восточного Средиземноморья, Плодородного полумесяца и Китая. С X в. до середины XV в. научные и инженерные новации чаще попадали в Европу из мусульманских стран, а самым технологически передовым регионом в это время был Китай. Так почему же Плодородный полумесяц и Китай уступили свое многотысячелетнее лидерство поздно стартовавшей Европе? Непосредственные факторы возвышения Европы – формирование купеческого класса и капиталистической организации хозяйства. Но почему эти факторы возникли именно в Европе, а не в Китае или Плодородном полумесяце?

После образования первых государств в IV тысячелетии до н. э. центр могущества долго оставался в Плодородном полумесяце, но экологическая катастрофа впоследствии привела к смещению цивилизации на запад. Передав Европе растительные культуры, домашний скот, технологии и письменность, сам Ближний Восток постепенно утратил значение ведущего политического и инновационного центра. Но почему уступил свое лидерство Китай?

У Китая были бесспорные преимущества: почти столь же древняя, как в Плодородном полумесяце, традиция сельского хозяйства; экологическое, растительное, животное и технологическое разнообразие; обширная и плодородная территория, способная прокормить самую многочисленную региональную популяцию в мире. Но у Китая есть преимущество перед Плодородным полумесяцем: влажный климат, экологическая устойчивость, благодаря которым Ки-

тай и теперь остается регионом интенсивного земледелия. Китай был лидером средневекового мира. На его счету длинный перечень исторически важных открытий: чугунное литье, компас, порох, бумага, книгопечатание. Китай имел самое крупное государство в мире, самый мощный флот и контролировал самое обширное морское пространство. Китайская империя организовала несколько флотоводческих экспедиций до восточных берегов Африки. Это было в начале XV века, за несколько десятков лет до Колумба. Но почему китайские корабли не отправились дальше колонизировать Европу? Почему китайские суда не пересекли Тихий океан и не колонизировали западное побережье Америки? Почему Китай уступил технологическое первенство столь отсталой в прошлом Европе?

Непосредственная причина следующая. После семи крупных экспедиций, организованных с 1405 по 1433 гг., морская экспансия Китая была приостановлена в результате внутривосточного кризиса, который мог бы случиться где угодно в мире. В данном случае речь шла о борьбе за влияние между двумя дворцовыми фракциями. Когда противоборствующая фракция взяла верх, экспедиции были прекращены, судостроительные верфи вскоре были разобраны, а дальнейшее мореплавание попало под запрет. Подобные явления были распространены в мире: это и действия британских законодателей в 80-х гг. XIX века, на десятилетия отсрочивших внедрение электрического освещения общественных мест, и изоляционистская политика США в период между мировыми войнами, самоизоляция Японии в XVII-XVIII вв. и, вообще, всякое другое попятное движение, продиктованное текущими внутривосточными соображениями. Китайский регион представлял собой политическое целое. Раз высказанное решение привело к прекращению морских экспедиций во всем Китае, а со временем сделалось необратимым.

Сравним процессы, происходящие в Европе. Христофор Колумб, уроженец Италии, в начале своей карьеры успел послужить герцогу Анжуйскому, а впоследствии присягнул португальскому королю. Когда король отверг его прошение о финансировании морской экспедиции на запад, Колумб обратился к герцогу Медины – Сидонии, который тоже ответил отказом, затем к графу Мединасели, поступившему так же, и, наконец, к королю и королеве Испании, которые отвергли первое прошение Колумба, но после повторного обращения дали согласие. Если бы Европа была объединена под началом любого из первых трех правителей, колонизация Америки могла быть закончена не начавшись. Именно потому, что Европа была раздробленной, Колумб с пятой попытки сумел убедить одного из сотен европейских князей профинансировать свое предприятие. Стоило Испании тем самым положить начало европейской колонизации Америки, поток богатства, хлынувший в метрополию, не мог не обратить на себя внимание остальных европейских стран, шесть из которых последовали испанскому примеру.

Пушки, электрическое освещение, книгопечатание и многое другое внедрялись в Европе по одному и тому же шаблону: где-то по какой-то причине каждое из них сперва отвергали, однако, как только в одной из стран изобретению давали ход, его скоро осваивали все остальные. Такие последствия евро-

пейской раздробленности резко отличались от последствий китайского единства. В XIV веке в Китае отказывались от разработки и внедрения сложного прядильного станка, приводимого в движение энергией воды. Это было остановкой на пороге промышленной революции. В XIV веке были уничтожены и изъяты из обихода механические часы, свернута разработка и применение механических приспособлений. Политическое единство Китая наглядно продемонстрировало свой губительный потенциал в период «культурной революции» XX века.

Рассмотрим исторические корни единства Китая и раздробленности Европы. Наиболее производительные территории Китая были объединены в политическое целое еще в 221 г. до н.э. и оставались в таком состоянии почти все время. Культурная консолидация произошла две тысячи лет назад. Европа, напротив, никогда даже отдаленно не приближалась к политическому единству. В XIV веке она была расколота на 1000 мелких независимых государств, к 1450 г. – на 500, к 80-м гг. XX в. – 25 государств, к 90-м – до 40.

Следовательно, чтобы ответить на вопрос, почему Китай уступил Европе, необходимо указать на причины хронического китайского единства и хронической европейской раздробленности. Ответ бросается в глаза при разглядывании географических карт. Европа имеет чрезвычайно изломанную береговую линию, с пятью крупными полуостровами, которые по степени изолированности приближаются к островам и на каждом из которых развились собственные языки, этнические группы и политические образования: Греция, Италия, Португалия+Испания, Дания, Норвегия+Швеция. Береговая линия Китая намного ровнее, и только Корейский полуостров приобрел в истории отдельное значение. Европейские острова Британия и Ирландия крупнее китайских островов Тайвань и Хайнань. Европейские острова имеют политическую самостоятельность, в то время как китайские острова этим не обладали, до возвышения Тайваня в последние десятилетия.

Горные массивы Европы – Альпы, Пиренеи, Карпаты – разделяют на самостоятельные лингвистические, этнические и политические сегменты. Напротив, китайские возвышенности к востоку от Тибетского нагорья никогда не были серьезной географической преградой. Западные и восточные области материковой части Китая соединены двумя протяженными судоходными речными системами, по сути, параллельными – Янцзы и Хуанхе. В Китае с ранних пор доминировали эти два крупных географических центра с благоприятными условиями для ведения хозяйства. Вскоре они слились в единое целое.

В Европе две крупнейшие реки Рейн и Дунай текут в разных направлениях. Они короче китайских рек. Ни та, ни другая не объединяют своим бассейном Европу. По этим и другим причинам в Европе, в отличие от Китая, издавна существует несколько разрозненных областей – центров, тяготеющих к независимости государств, ни одна из которых не способна долго доминировать над соседями. В Китае с 221 г. до н.э. несколько периодов раздробленности государства всегда заканчивались восстановлением единовластия. Политическая консолидация Европы, напротив, оказалась не под силу никому – ни Карлу Ве-

ликому, ни Наполеону, ни Гитлеру. Даже Римская империя в период своего наибольшего могущества контролировала меньше половины Европы.

Китай получил первоначальное преимущество перед Европой в виде отсутствия существенных внутренних барьеров и легкого сообщения между внутренними областями. На севере Китая культивировали просо, открыли бронзовое литье, письменность. На юге – культивировали рис и производство чугуна. В результате диффузии разные культурные растения, животные и технологии сравнительно быстро стали общим достоянием Китая. Однако географическая однородность китайского региона в какой-то момент стала ему вредить. В условиях единовластия решение одного деспота могло заморозить целое направление технологии, что неоднократно и происходило.

В условиях дождевого орошения европейское земледелие могло обходиться без вмешательства государства. Поэтому, когда сельскохозяйственная революция в Европе начала производить все больше сельскохозяйственных излишков, ее непосредственным следствием стал рост относительно автономных городов с городскими институтами. Напротив, основанное на контроле за водными ресурсами ирригационное земледелие в долинах крупных китайских рек способствовало раннему зарождению государств с традицией вмешательства и принуждения, тогда как китайские города и городские институты никогда не имели локальной автономии европейского типа. География Китая, в отличие от Европы, не способствовала долгому и стабильному сосуществованию нескольких независимых государств. Наоборот, она облегчала завоевание и консолидацию огромной территории под началом одного правителя, после которой в империи наступала долгая эпоха относительной стабильности.

Напротив, географический раскол Европы породил десятки или сотни мелких соперничающих государств и центров инновационной деятельности. Если одно государство не давало ход какому-то изобретению, то находилось другое государство, которое его продвигало. Остальные, глядя на успех одних, внедряли новшество и у себя. Географические барьеры в Европе были достаточно серьезными, чтобы помешать политическому объединению, но достаточно преодолимыми, чтобы не мешать распространению идей и технологий. В отличие от Китая, история Европы не знала деспотов, способных единым решением прервать развитие какой-то отрасли технологии на всей ее территории. Таким образом, наибольшая скорость технологического развития была характерна для регионов, географически не слишком цельных и не слишком раздробленных. Китай же представлял собой огромный внутриконтинентальный остров, удаленный от других передовых цивилизаций.

Инновационный прогресс, по мнению Дж. Даймонда, быстрее всего происходит в обществе с некоей оптимальной промежуточной степенью фрагментации – и избыточная консолидация, и избыточная раздробленность для него вредны. Билл Гейтс и другие управляющие разных фирм дали положительную оценку «принципу оптимальной фрагментации» Даймонда. Они согласились с тем, что ключевое влияние на развитие инноваций играет степень конкуренции и размер участвующих в ней групп. Именно этим и можно объяснить, почему

центр инноваций переместился из Бостона в Силиконовую долину, а «Майкрософт» обошел когда-то успешную «Ай-Би-Эм».

На основе всего сказанного Даймонд формулирует общий принцип эффективной групповой организации. Для достижения максимального успеха необходима не избыточная сплоченность, не избыточная фрагментация. Необходимо, чтобы страна, отрасль, регион или компания были разбиты на группы, которые конкурируют друг с другом, в то же время поддерживая между собой свободное сообщение. Думается, что подобные рецепты в какой-то мере объясняют неудачную судьбу Советского Союза и могут быть полезны в развитии федеративного устройства современной России.

Библиографический список

1. Даймонд, Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / Джаред Даймонд ; пер. с англ. М. Колопотина. – М. : АСТ, 2010. – 604 с.

Е. Р. Иванова
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Восприятие событий великой французской революции в новелле немецкого романтика Й. фон Эйхендорфа «Замок Дюранд»

Великая Французская революция стала важнейшим событием в европейской истории конца XVIII – начала XIX вв. Она явилась основным импульсом для появления романтизма как значимого направления в искусстве и литературе Западной Европы. Своеобразную интерпретацию событиям революции дал немецкий романтик Эйхендорф в своей новелле «Замок Дюранд» («Das Schlob Durande», 1837).

В основу новеллы положены события начала французской революции 1789 года, в которых Эйхендорф видел историческую параллель Июльской революции 1830 года. К теме французской революции, ставшей решающей социальной предпосылкой интенсивного развития романтизма, прямо или косвенно обращались все немецкие романтики. Упоминания, рассуждения об этом историческом событии содержатся в письмах и теоретических работах Тика, Новалиса, Ваккенродера, Ф. Шлегеля, Brentano, А. Моллера, Клейста, Герреса и других. Французская революция упоминалась и Эйхендорфом ранее в романах и теоретических трудах, но это носило эпизодический характер. Теперь ей романтик посвящает новеллу, хотя, как справедливо замечает исследователь

К. Кёнке, трудно определить, что это: история любви на фоне революции, или взгляд на революцию через призму чувств, или ещё что-то другое.

Важно отметить, что новелла «Замок Дюранд» не единственное произведение Эйхендорфа этого периода, в котором автор обращается к исторической тематике: в 1820-1830 гг. им были написаны исторические трагедии «Эдзелино Романский» и «Последний герой Мариенбурга», в которых писатель на основе

исторического материала решает проблемы личностного, индивидуального характера.

Бурные события наполеоновских войн также послужили причиной обращения Эйхендорфа к исторической проблематике. Однако, в отличие от поздних произведений, стихотворения военных лет, объединённые позже в поэтический цикл «Песни нашего времени», носят оперативный, «сиюминутный» характер: содержащиеся в них многочисленные призывы, а также их декларативность привели к тому, что с течением времени ценность этих произведений утрачивалась.

В новелле «Замок Дюранд» Эйхендорф обращается к событиям почти полувековой давности и, осмысливая исторический процесс, пытается понять современную ему действительность. Однако он был далёк от той степени освоения жизненного материала, которой требовали младогерманцы, поскольку, как романтик, он сохранил субъективные позиции по отношению к реальности, которая не становится для него существующей данностью, которую необходимо изображать во всех проявлениях и в её развитии, а «представляется ему исходным материалом, который необходимо облагораживать».

Новелла «Замок Дюранд» – наиболее яркий пример того подхода к действительности. В произведении, посвящённом революции, революции как таковой ещё нет. В новелле она подобна огромному далёкому пожару, отсветы которого уже видны на горизонте и на фоне которого развиваются события частного порядка, ибо Эйхендорф воспринимал революцию как «результат неправильных человеческих отношений». Поэтому внимание автора сосредоточено на личностном конфликте, а историческое событие рассматривается через призму страстей, в чём и заключается исторический субъективизм Эйхендорфа.

Основой сюжетной линии новеллы является история любви молодого графа Дюранда и простой девушки Габриэлы. Главный герой новеллы – брат девушки – противостоит этой любви. Ренальд служит охотником у графа и уверен, что любовь молодого хозяина замка не может быть искренней. Однако события разворачиваются вопреки желаниям Ренальда, и постепенное первоначальное недоверие к графу перерастает в открытую ненависть, а конфликт приобретает социальный характер.

История любви разворачивается на фоне политических событий революции во Франции. Эйхендорф видит в революции разрушительную силу, несущую в общество дисгармонию и зло и противостоящую государству, а значит, по мнению писателя, разуму. Не случайно в новелле в символическом изображении революции постоянно присутствует лейтмотив огня, пожара, красного цвета: на вывеске дома, где собираются «враги тиранов», изображён красный лев; комната, где этих людей впервые увидел Ренальд, была освещена красным отблеском огня (*von dem Kaminfeuer erleuchtet wurde*); красное вино, которое они пили, напоминало Ренальду кровь (*Wein, als schlurft' er Blut*); главным оратором был «сильный парень с красным лицом и волосами, как горящий терновник» (*ein starker Kerl mit rotem Gesicht und Haar, wie ein brennender Dornbusch*); страшный пожар мятежа подбирается к замку Дюранд, пожирая на своём пути другие имения.

Для Эйхендорфа революция – это ещё и время, когда с особой силой проявляются отрицательные стороны человеческой природы. Носителем этой идеи автора является Ренальд. На протяжении всего произведения писатель сравнивает его с диким зверем, со львом, и это сравнение носит в новелле градационный характер: когда в начале этой истории Ренальд, пытаясь уладить конфликт мирным путём, ни с чем уходит от графа, его «трясло, как закованного в кандалы льва» (*schüttelte sich wie ein defesselter Lowe*), постепенно, с развитием событий, в характеристике героя всё чаще появляется слово «дикий» (*wild*), и вот уже старый испуганный Дюранд говорит о нём: «Вы не знаете Ренальда, ... разве выпускают на волю диких животных?» – Прекрасен лев, когда он трясёт гривой – если бы он не был так кровожаден», а в конце новеллы, когда погибают главные герои, Эйхендорф пишет: «Остерегайся разбудить в своей душе дикого тигра, он может вырваться и разорвать самого тебя». «Дикий зверь» – это та отрицательная сторона, которая проявилась в личности благородного и спокойного Ренальда под воздействием революционных событий.

Отрицая насилие, которое обязательно влечёт за собой революция, Эйхендорф решает проблему преодоления мировой и общественной дисгармонии в традиционном для него религиозном ключе: колесо истории вращается по Божьей воле, считает романтик, и, уповая на Бога, люди мирным путём могут достичь согласия.

Новелла «Замок Дюранд» – это попытка Эйхендорфа приблизить своё творчество к действительности, к истории, попытка освоения реального жизненного материала писателем-романтиком. Обращение к исторической тематике выделяет это произведение из общего ряда новелл Эйхендорфа.

*Е. С. Игнатьева, И. А. Шебалин
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)*

К вопросу о социально-политических предпосылках украинского фашизма

Потрясающий XX век социальное явление, названное фашизмом, до сих пор вызывает широкие дискуссии в научном мире, и в особенности у историков и политологов. Тема фашизма и тоталитаризма, действительно, очень привлекательна для исследователя, особенно в свете переживаемого Россией перехода к демократическому обществу.

Термин «фашизм» происходит от итальянского *fascio* (фáшо) – «союз» (название политической радикальной организации Б. Муссолини – *Fascio di combattimento* – «Союз борьбы»). Это слово, в свою очередь, восходит к латинскому *fascis* – «связка, пучок», которым, в частности обозначались символы магистратской власти – фасции, связки розог с воткнутым в неё топором. Этот топор носили ликторы – почётная стража высших магистратов Римской республики, которые в период ранней республики выполняли роль палачей и всегда, на протяжении всего республиканского периода, исполняли вердикты магистратов, которым были подчинены. С тех пор изображение фасций присутствует в символах государственной власти многих стран [1].

Сегодня угроза фашизма вновь становится реальностью. Но он исходит не от Германии или Италии, а от Украины – «близкой, но такой далекой» [3]. Смутные времена в истории любого государства всегда отличаются одним характерным признаком: если в стране слабая власть, которая сосредоточена на своих, как говорят сегодня в Украине, «акцептах», то буржуазия расслабляется, а народ не знает, где выход из тупика. Подобное уже случалось в насквозь прогнившей Российской империи в начале двадцатого века, в Германии 1930-х гг., и теперь мы можем это наблюдать на Украине в начале двадцать первого столетия.

Разного рода «красно-коричневые» на украинской земле все уверенней поднимают голову. Выбор между ними и «красными» определили два обстоятельства. Первое – самый уязвимый для коммунистических идей класс, то есть пролетариат, оказался не готов «воспылать» революционной идеей, так как после экономического кризиса девяностых годов, когда в промышленных регионах народ столкнулся с безработицей и нищетой, никто не хочет радикальных перемен. Жители городов (расположенных в основном на левом берегу Днепра) не хотят воевать. Они хотят работать и жить в мире. А вот крестьяне (преимущественно с правого берега Днепра) депрессию девяностых пережили спокойно. Именно у них бережно тлел вирус фашизма с середины прошлого века, когда в каждом селе находились добровольцы-полицаи и прочая «коричневая прослойка немецко-фашистского пирога». Они не получили прививки от радикализма и готовы сегодня отстаивать коричневую идеологию на Майданах и в органах власти. Раньше такое возрождение античеловеческой идеологии расизма остановила бы власть. Но с приходом сельского паренька в главное кресло страны все радикально изменилось. Гонения на городскую идеологию радикалов – коммунизм – усилились [4].

Во-вторых, фашизм на Украине получил официальное прощение и даже признание. Впрочем, ничего неожиданного в этом нет: на Украине в специфическом «галицко-украинском формате» фашизм возрождался давно и достаточно успешно [1]. Это происходило через пышную героизацию гитлеровских пособников из ОУН-УПА, в том числе на официальном, правительственном уровне. Присвоение звания «Героя Украины» гитлеровским пособникам Бандере и Шухевичу тому наглядный пример. Количество разного рода пропагандистских материалов, героизирующих «подвиги» ОУН-УПА, просто зашкаливает. Фашизация украинского общества осуществлялась агрессивно, наступательно, в том числе с применением пропагандистских приемов, позаимствованных у геббельсовских агитаторов, которые иначе как примерами историко-политического идиотизма назвать нельзя. Например, партия «Свобода» разместила следующий текст: «Перемогли фашизм – переможемо сталінізм! Наш прапор синьо-жовтий!» («Победили фашизм – победим сталинизм! Наш флаг сине-желтый!») [2]. У любого здравомыслящего человека при прочтении такого утверждения сразу неизбежно возникнет вполне закономерный вопрос: а каким боком партия, основанная в октябре 1991 года, причастна к победе над фашизмом в 1945-м?! При сохранении таких способов и темпов наглого и агрессивного оболванивания населения члены партии «Свобода» будут абсолютно искренне полагать, что именно «воякі» дивизии СС «Галичина» вкупе с амери-

канскими войсками брали Берлин, который обороняли Красная армия и войска Гитлера, а флаг, водруженный над Рейхстагом, был именно «синьо-жовтий»! И в этом нет ничего удивительного, поскольку в настоящее время средний американец в результате длительной идеологической обработки абсолютно искренне утверждает, что именно американские войска освободили Европу от фашизма, поскольку он не имеет ни малейшего понятия о том, что только досрочное наступление советских войск, о котором умоляли Сталина руководители США и Великобритании, спасло их войска от полного разгрома [1].

Правоведы из «Свободы» не хотят понимать, что, согласно п. 1 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, любой человек имеет полное право на свободу выражения мнения и никто не вправе его за это преследовать, в том числе в судебном порядке. Это и не удивительно: в фашистской Германии на такие «мелочи», как право на свободу выражения мнения, тоже внимания не обращали. К сожалению, на Украине (за исключением партии «Родина», и то только в Одессе) практически полностью отсутствовали общественно-политические силы и организации, способные и имеющие возможность вести действенную антифашистскую пропаганду. А те, кто ее декларируют, в реальной жизни поступают с точностью до наоборот: «борцы с фашизмом» из Партии регионов раздавали в школах книги о «подвигах» ОУН-УПА, возлагая цветы к памятнику Бандере и проводя концерты песен о подвигах УПА. Первый заместитель председателя Партии регионов В. Рыбак вообще заявлял, что руководитель ВО «Свобода» О. Тягнибок – «это образец националиста, который болеет за Украину». Вследствие такого разительного расхождения между словом и делом «заклятых антифашистов» у граждан Украины регулярно снижался порог критического отношения к преступлениям националистов и «героизаторам» фашистских пособников. Поэтому не удивительно, что от принципиального невосприятия их позиции постепенно отходило все большее количество населения Украины, и не только молодежь [2].

Некоторые общественные организации, позиционирующие себя как антифашистские, распространяли до сегодняшнего момента заявления, содержащие откровенную дезинформацию. А тем временем украинские национал-фашисты откровенно лгали, так как у них не было другого выхода, поскольку историческая правда об их «героях» из прошлого весьма наглядно показывала их звериный оскал в настоящем, слегка прикрытый откровенной ложью и лицемерием. Их разоблачителям нельзя было ни на йоту отступать от правдивого изложения событий, иначе общество не могло заметить между обеими сторонами никакой разницы [4].

Таким образом, фашизация Украины осуществлялась как по инициативе националистов западных регионов, так и при попустительстве и непоследовательности тех политических сил, которые должны были воспитывать общественное мнение более целенаправленно. К тому же аналогичную позицию проявляли президенты Украины и её высшее руководство.

Библиографический список

1. Желев, Ж. Фашизм. Тоталитарное государство / Ж. Желев ; пер. с болг. – М. : Изд-во «Новости», 1991. – 336 с.
2. Мерль, Р. Смерть – моё ремесло / Р. Мерль // Полес. – 1991.
3. Милза, П. Что такое фашизм? / П. Милза // Полис. – 1995.
4. Рахшмир, П. Ю. Происхождение фашизма / П. Ю. Рахшмир. – М. : Наука, 1981. – 184 с. – (История и современность).
5. Филатов, С. Новое рождение старой идеи: православие как национальный символ / С. Филатов // Полис (политические исследования). – 1999. – № 3.
6. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / под ред. А. М. Верховского. – М. : РОО «Панорама», 2014.

*Д. С. Иманбаева, И. А. Шебалин
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)*

От Евразийского экономического сообщества – к Евразийскому Союзу

В связи с обострением международной обстановки и усилением противостояния России и Запада в условиях украинского политического кризиса повышается актуальность теории евразийства. Ее основателями и интеллектуальными вождями были российские учёные-эмигранты: философы Н. Трубецкой, Л. Карсавин, Н. Лосский, Б. Вышеславцев; правоведы В. Ильин и Н. Алексеев; богословы Г. Флоровский, В. Зеновский, Г. Федотов; географ П. Савицкий; историки Г. Вернадский, М. Шахматов и др. Концепция евразийства, сформулированная ими, во многом послужила основой для строительства наднационального евразийского государства.

Сегодня их идеи переживают второе рождение, находя свое реальное воплощение в проекте Евразийского Союза, главным вдохновителем которого является президент Казахстана – Н. Назарбаев. Он впервые выступил с инициативой евразийской реинтеграции, заключающейся в создании совершенно нового объединения стран – участниц СНГ, и он же предложил в 1994 году назвать его Евразийским союзом – ЕАС. Этот проект подразумевал создание государства с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством.

Изначально предполагалось, что в союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан. А затем уже другие государства – Армения, Узбекистан, возможно, Украина, Абхазия, Приднестровье.

Реальным шагом в осуществлении этой стратегии стало формирование ЕврАзЭС (Евразийского экономического сообщества), начало которому было положено созданием в 1995 году Таможенного союза. Первыми международными договорами, заложившими правовой фундамент для формирования союза, являются Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией

и Республикой Беларусь от 6 января 1995 года, Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 года и Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года. Данные международные договоры определили цели, принципы и механизм функционирования таможенного союза, этапы его создания. Однако непосредственное формирование и развитие международно-правовой базы таможенного союза началось с 2007 года, когда Межгоссовет ЕврАзЭС в рамках трех государств – Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации – был наделен статусом высшего органа таможенного союза и создана Комиссия таможенного союза, единый постоянно действующий регулирующий орган таможенного союза, основной задачей которого является обеспечение условий функционирования и развития таможенного союза.

К настоящему времени достигнуты заметные результаты в формировании договорно-правовой базы таможенного союза: принято более 70 международных соглашений, многие из которых уже вступили в силу или временно применяются. Еще большее число нормативных правовых актов, в том числе актов Комиссии таможенного союза, приняты и утверждены в развитие международных договоров таможенного союза, что соответствует требованиям, установленным в Плане действий по формированию таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, Плане мероприятий по введению в действие Таможенного кодекса таможенного союза, Этапах и сроках формирования единой таможенной территории таможенного союза и Плане действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации на 2010-2011 годы.

Подводя итоги евразийской интеграции в 2012 году, Н. Назарбаев отмечал, что доминирующей тенденцией мирового развития становится глобализация, под влиянием которой будет происходить рост мировой экономики, главным образом, за счет стран Евразии. Но одновременно будет нарастать неравномерность мирового развития, нестабильность, жесткая глобальная конкуренция. В этих условиях для стран Содружества существует опасность остаться на обочине мирового развития в качестве источников сырьевых ресурсов, рынков сбыта, производителей низкотехнологичной продукции. Для того чтобы избежать такой участи, динамично и полноценно развиваться в перспективе, необходимо наращивать интеграционные усилия, объединить научно-технический и человеческий потенциал, выступить единой силой в мировой экономике. По его словам, сегодня на страны ЕврАзЭС приходится более 80% внешнеторговых операций в рамках СНГ, согласовано более 60% ставок таможенных тарифов. В настоящее время ЕврАзЭС – это жизнеспособная, развивающаяся организация.

В то же время президент Казахстана всегда подчеркивает, что процесс формирования Евразийского союза продвигается медленно. Причина этого заключается в том, что «в Западной Европе политики идут впереди в объединении, а народы отстают, а у нас в СНГ наоборот: народы хотят объединения, а политики отстают». Сегодня эти слова звучат очень актуально. Возможно, нарастание мирового политического кризиса будет способствовать ускоренной интеграции евразийских государств и, прежде всего, России и Казахстана. Пер-

спектива создания не только единого экономического евразийского союза, но и прочного политического сообщества станет реальностью. Это объединение, о котором мечтали многие политики ещё в 20-е гг. XX века, станет реальной силой и противовесом Евросоюзу.

Е. Л. Ишкина
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Антисталинская тема в русской литературе 1960-1980-х гг.

К теме истории, событиям недавнего прошлого (1920-1960 гг.) в России обращались многие писатели, показывая негативные явления общественной жизни. По мнению критиков, современные писатели выполняют в своих произведениях работу историков, так как исследуют причины и следствия глубоких социальных деформаций. Это В. Дудинцев («Белые одежды»), Б. Можяев («Мужики и бабы»), Д. Гранин («Зубр»), А. Приставкин («Ночевала тучка золотая»), С. Антонов («Васька»), В. Тендряков («Покушение на миражи»), А. Рыбаков («Дети Арбата»), Ю. Домбровский («Факт...»).

В литературе 1970-1980-х гг. появляется ряд произведений, отражающих зловещую роль для науки сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзная Академия с/х им. Ленина) по генетике, которая проходила в 1948 г.: «Зубр» Гранина, «Оправдан каждый час» Амлинского, «Белые одежды» Вл. Дудинцева.

В последнем романе Вл. Дудинцев обратился к концу 1940-х годов, когда шла борьба между академиком Лысенко и его противниками. Действие романа начинается в 1948 г., когда на сессии ВАСХНИЛ была осуждена наука генетика как реакционное учение, после чего по всей стране развернулась кампания по искоренению генетики. Это был еще один штрих к портрету культа личности.

Дудинцев показывает, что в науку пришел лжеученый, так как в общественной жизни смещены нравственные нормы. По мнению критиков, писателя волнует не столько судьбы генетиков, сколько судьбы идей в условиях беспрекословного подчинения единовластной воле.

В центре романа – проблема духовного противостояния, борьбы человека с идеями, рожденными государственной системой. Автор использует традиционную жанровую модель идеологии романа и обогащает ее благодаря особой притчевой двуплановости, которая придает произведению философичность. Притчевая двуплановость ярко проявляется:

- в построении сюжета;
- создании характеров;
- на уровне идеологической концепции героев;
- в пространственно-временной организации.

Персонажи выступают в романе как носители добра и зла. Так, академик Касиан Дамианович Рядно и его соратник Саул Брузжак олицетворяют зло. Рядно – личность незаурядная. Было время, когда он щеголял в косоворотке, клялся в вечной любви к народу и вел снисходительно барственные беседы со

студентами. Но все это было циничной ложью карьериста. Он сумел втереться в доверие к Сталину, стал «кумиром» науки. Чтобы раскрыть тайное общество генетиков, Рядно отправляет в провинциальный институт Федора Ивановича Дежкина. Как человек честный, Дежкин идет на двойную игру и переходит на сторону генетиков. Каждый из персонажей романа в ситуации идеологической борьбы так или иначе приспособляется, образ оказался типично притчевым, двухплановым. Всякий характер у Дудинцева несет в себе две философии: первую – для внешнего мира; вторую – для внутреннего самооправдания. Для одних (Рядно, Краснов, Ассикритов) такая двуликость – способ самоутверждения, личного возвышения, подавления идейных противников.

Для Стригалева и академика Посошкова – тактика приспособления к условиям среды, чтобы спастись и выжить. Для других (Дежкин, Свешников) – способ борьбы, противостояния злу, так как они находятся в стане врагов и вынуждены скрывать свои «белые одежды» (высота, благородство, самопожертвование). Лишь в процессе нравственного противоборства, главного поступка обнаруживается истинное лицо героев.

Дудинцев считает, что результаты приспособленчества и двуликости – психологические. На примере Ф. Дежкина автор показывает, как психологически сложен процесс трансформации, ломки сознания, как непросто честному человеку лицедействовать, подавлять естественные эмоции и чувства.

С идеей «двойничества» связана и сюжетная организация романа. Наряду с внешней, событийной линией развивается другая, интеллектуально-философская линия, которая представляет цепь диалогов, диспутов между героями. Параллельно событийной линии и философской линии развивается и притчевый сюжет, включающий и библейские, и собственно авторские притчи, которые подчеркивают бытийный характер изображаемого и являются средством психологического анализа. Дудинцев показывает, что добро вынуждено использовать методы зла, если нет – то в условиях общественной лжи бескомпромиссный путь невозможен (линия Стригалева, который погибает за научную истину).

Целый ряд произведений воссоздает эпоху 1930-х гг., механизм репрессий. Наиболее полно и правдиво это время отражено в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» и трилогии А. Рыбакова «Дети Арбата».

В основу сюжета «Детей Арбата» положен обычный 1934 год. Герои – простые юноши и девушки, первое советское поколение. Автор рисует его психологический портрет и дал ему имя – дети Арбата – образ большого художественного обобщения. В качестве главного героя Рыбаков выдвигает красивого, умного, обаятельного Сашу Панкратова, способного постоять за правду и добро. Прототипом героя является сам автор: «Частично моя жизнь и жизнь Саши Панкратова совпадает». Но художественный образ шире своего прототипа. Герой проходит через все круги ада сталинской эпохи, но не ломается. В центре романа – образ Сталина, по воле которого идут судьбы героев. Не случайно критики к заслугам писателя относят изображение становления Административной Системы, которая позволила Сталину удержать и завоевать личную власть. Впервые в литературе суть сталинского характера извлечена не из порт-

ретных деталей, а из его поступков, хода мыслей. Рыбаков показал взгляды Сталина на роль и место государственного аппарата как инструмента укоренения его личной власти. Наиболее убедительным получились сцены с Кировым и его размышления о стратегических целях Сталина, «перекраивающего» историю, чтобы не только возвеличить свою личность, но и оправдать все прошлые, настоящие и будущие жестокости. Поэтому Сталин задумал и осуществил убийство Кирова.

Рыбаков показывает, что у вождя рождается своя философия власти. В молодости он понял, что демократия в России лишь свобода для развязывания силы. Через тонкую стимуляцию речи, манеру говорить, внутренние монологи писатель передает образ его мышления. Думая о себе, Сталин размышляет, что история остановила свой выбор на нем, так как он единственный знает секреты государственной власти, достоинства и недостатки народа. Сталин убежден, что страна нуждается в нем.

Автор передает и саму атмосферу 1930-х годов, «промежуточное состояние» между еще сильным революционным кодексом нравственности и начавшим укореняться страхом, общественной апатией.

Очень характерно, что честный коммунист, партизек Рязанов, руководитель одного из крупных металлургических заводов, согласен с возможным отстранением Будягина и готов признать, что его племянник арестован на 3 года.

Но Рыбаков показывает, что нравственно здоровые силы противостоят культу личности – Саша Панкратов, Варя, Лена Будягина и др. Сначала Саша не очень задумывается над жизнью, не анализирует события и явления. Его путь в романе – это путь духовного и нравственного созревания. Поучительным оказывается прозрение в тюрьме и жизнь в ссылке. Именно в нем воплощается политический оптимизм, вера в народ, в себя. Рыбаков показывает, что такие, как Саша Панкратов, составили то ядро, которое выигрывает войну (поэтому действие 3-й книги доводится до Великой Отечественной войны).

Поражают современностью рассказы В.Тендрякова, написанные в конце 1960-х – начале 1970-х годов, а опубликованные в 1988 г. При полной самостоятельности каждого из них, получилось единое «произведение на тему духовного пути и созревания того поколения, которое подросло к войне», – отмечает Е. Старикова. Каждый рассказ начинается с обозначения точного времени действия: «Пара гнедых» – лето 1929 г., «Хлеб для собаки» – лето 1933 г., «Параня» – лето 1937 г., «Донна Анна» – лето 1942 г., «Охота» – осень 1948 г. Писатель предельно четко обнажил страшную механику террора 1937 г. в рассказе «Параня». По бессмысленному оговору исчезают один за другим обитатели пристанционного поселка. В. Тендряков выявляет истоки безумия, воплощенного в одном лице, не умеющем разглядеть самоистребительного последствия своих поступков. «Очень сильным» Е. Шкловский считает рассказ «Хлеб для собаки», в котором художник раскрывает всеобщий «феномен лютой бесчувственности, жестокосердия». В рассказе повествуется о крестьянах, обреченных на голодную смерть и выброшенных на пыльную землю, как хлам.

Подлинным открытием литературы стала повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1987). События 1944 года, когда сирот из разных детских

домов отправляют заселять опустевшие районы Кавказа, показаны через детское восприятие. Поэтому в сюжете произведения присутствует мотив разгадывания тайны: почему дети едут на Кавказ? Что здесь произошло?

А. Приставкин касается сложнейшей темы: он рассказывает о последствиях насильственного выселения чеченцев из родных краев. Одним из самых страшных результатов зла, совершенного взрослыми, становится убийство ни в чем не повинного одиннадцатилетнего Сашки Кузьменыша. «Мы были связаны одной судьбой» – эти слова автора находят художественное подтверждение в описанных событиях. До символа вырастает один из образов повести: дорога, которая вымощена камнями с разрушенного чеченского кладбища, ведет в пропасть.

Что может противостоять злу, ненависти, разрушению? Есть в произведении пример подлинного братства людей – отношения Кольки Кузьменыша и его названного брата – чеченца Алхузура. Дружба двух сирот, жертв одних и тех же обстоятельств, противопоставлена бессмысленной жестокости взрослых.

В ряду произведений, посвященных теме трагической судьбы человека в тоталитарном обществе, – «Колымские рассказы» В. Шаламова, повести «Черные камни» А. Жигулина (о лагере), «Хлеб наш насущный» Ю. Гончарова (о палаче Коноплеве, приводил приговоры в исполнение), «Верный Руслан» Г. Владимова (о караульной собаке, следящей за порядком в сталинском лагере).

Итак, движение антисталинской темы в литературе выражается в следующем: от страстного обличения сталинизма, от размышления над тем, что именно произошло с народом в эти годы, – к исследованию внутренних сил сопротивления неправде и насилию.

Е. Ю. Казакова-Анкаримова

(Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия)

Почитание Табынской иконы Божией Матери на Южном Урале в середине XIX – начале XX вв.

О современном почитании Табынской иконы Божией Матери свидетельствует возрождение соответствующих крестных ходов (с 1992 г. – в Уфимской епархии, с 2000 г. – в Оренбургской епархии, организация крестных ходов Правлением Оренбургского казачьего войска в 2010-2014 гг. в России и за рубежом). Верующие все чаще обращаются к духовным истокам, вспоминая традиции наших предков. История почитания Табынской иконы Божией Матери уходит в глубокое прошлое. К началу XX в., подчеркивает протоиерей Владимир Сергеев (автор глубокого исследования по истории Табынской иконы Божией Матери), почитание Табынской иконы было «так велико и преизрядно, что она была уже известна среди не только узкого круга верующих, но и всего народа». Особенно полюбили Табынскую икону в Уфимской, Оренбургской, Тюменской, Кустанайской, Астраханской, Самарской, Челябинской, Уральской и Казанской губерниях. Первое упоминание о крестном ходе и народном про-

славлении Табынской иконы было сделано известным писателем В. И. Далем, служившим в Оренбурге при губернаторе В. А. Перовском чиновником особых поручений в 1833-41 годах: «Эта явленная икона Богоматери, в 9-ю пятницу после Пасхи, обходит полгубернии, и к этому кочевому шествию стекается бездна народа и каждое населенное место всем населением провожает ее от себя до ночлега» [3]. На Южном Урале прочно укоренилась традиция крестных ходов с этой иконой. В дальнейшем Табынскую икону Божией Матери стало почитать население соседних территорий. «Случайно ли возникновение именно на стыке Европы и Азии самого большого в России по времени и по расстоянию крестного хода, сопровождающегося великими, оказанными Пресвятой Девой не только православному люду, чудесами и милостями?» – задает риторический вопрос М. Чванов [5].

Известно, что в благодарность за избавление от холеры жители г. Стерлитамака стали ежегодно на 9-ю пятницу после Пасхи брать крестным ходом Чудотворную икону к себе. Примеру Стерлитамака последовал Оренбург, страдавший от холеры на протяжении многих лет. Особенно страшное бедствие постигло Оренбург в 1848 г., холера остановилась лишь после принесения крестным ходом Табынской иконы. В благодарность Пресвятой Богородице кафедральный собор Оренбурга освятили в честь Табынской иконы Божией Матери и сделали точный список с Иконы [5].

В своих «записках» (воспоминаниях) генерал-майор Иван Васильевич Чернов повествовал: «В 1853 г. Оренбург посетила азиатская гостья – холера... Люди умирали, но далеко не было того, что в 1848 г., и с этого времени оренбуржцы испросили дозволение приносить в город из села Табынского (прежде станица, из которой казаки были выселены на линию) чудотворную Казанскую икону Божией Матери (Казанская – первоначальное название иконы, впоследствии, после безуспешного спора жителей Богоявленского завода с жителями села Табынское о размещении иконы в заводском храме и происшедшего чуда, утвердилось название Табынская – Е. К.), как молитвенницу и заступницу всех православных христиан от всяких бед и напастей». Далее очевидец сообщал, что традиция приносить икону сохранялась в последующие годы: «... к приносу иконы, что бывает 7-го сентября, в Оренбург собирается масса людей из ближайших сел, станиц и даже селений Бузулукского уезда. Икона остается в Оренбурге до 22 октября, в каковой день она выносится по особо составленному маршруту. В первые годы икона выносилась ранее 22 октября по малому числу в городе церквей и небольшому числу жителей, успевавших принимать святыню в своих домах для молебнов, но впоследствии район, куда приносится икона, расширился до г. Уральска, откуда икона несется в Табынск» [4].

И. В. Чернов сообщал о первых чудотворных случаях, обследованных и записанных в «церковные книги»: «В первый раз принесения св. иконы в Оренбург оглашены два чуда, явленные ею здесь. Одна казачка, слепая на один глаз и плохо видевшая другим, из особого усердия и веры вышла с народом встретить Владычицу и при вносе в бывшие Сакмарские ворота увидела св. икону, а потом зрение обоих глаз совершенно восстановилось, так что она видела дома, людей и свободно дошла домой»; «Другое чудо было при служении молебна в доме каза-

ка-раскольника в форштадте. Как только уставили св. икону, стоявшие вверху ее в киоте раскольнические иконы попадали без всякой причины» [3].

В 1871 г. в России началась новая волна заболевания холерой. Действенной защитой являлось обращение к Табынской иконе. В Табынске умерло только три человека; в Оренбурге холера унесла за 8-10 дней 1000 человек, но как только внесли Табынскую икону болезнь, сразу прекратилась [3].

«О принесении в город Челябинск древней иконы Казанской Божьей Матери, именуемой Табынской» просили разрешение у епархиального начальства и челябинцы. От имени городского общества к епископу Оренбургскому и Уральскому Митрофану обратился городской голова Николай Иванович Боровинский с докладной запиской (от 30 июля 1871 г.). В ней говорилось о приговоре Челябинского городского общества, принятом на общем собрании от 21 июля 1871 г., просить владыку «исходатайствовать у Святейшего Синода разрешение о ежегодном или через год принесении в город Челябинск древней явленной иконы Божьей Матери Табынской». К записке прилагался общественный приговор челябинцев, в нем говорилось: «мы нижеподписавшиеся, бывши в общественном собрании, где, между прочим, городской голова Боровинский предложил, не пожелаем ли мы по усердию и примеру городов Оренбурга, Орска и Троицка ходатайствовать у Епархиального начальства о ежегодном принесении в наш город явленной древней иконы Казанской Божьей Матери именуемой Табынской, вполне одобряя предложение г. Боровинского и имея неотлагательное желание быть удостоенными внесения к нам Царицы Небесной, единодушно положили через составление сего приговора просить господина Преосвященнейшего Митрофана Оренбургского и Уральского дабы Его Преосвященство исходатайствовало у Святейшего Синода разрешение о ежегодном или через год принесении в город Челябинск явленной иконы Божьей Матери Табынской с восьмидневным ее в город пребыванием, о представлении приговора сего и ходатайства по нему поручить г. городскому голове, в том и подписуемся» [1; Л.1-2об].

5 июля 1872 г. исправляющий должность благочинного протоиерей Лев Инфантьев информировал Челябинского городского голову Н. И. Боровинского, что на ходатайство православных граждан города Челябинска дан положительный ответ: «... начальством разрешено, чтобы святая икона Табынская Божьей Матери ежегодно была приносима, по маршруту из Полетаевской станции в город Челябину на восемь дней, с вечера 19 июля, а с 20-го июля с 4-х часов утра святая икона будет находиться в крестном ходу в Ильинскую часовню, что при первом озере и оттуда в 5 часов вечера возвратится с крестным ходом в Челябинский Собор к всенощному бдению». Протоиерей добавлял: «Имею счастье сообщить Вам об этом. Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, известить православных граждан города Челябины, и если найдете возможным, то и в окружностях и даже в уезде» [1; Л.5-5об].

В переписке представителей духовенства и городского головы есть описание «чина встречи» и «провождения чудотворной Табынской иконы Божьей Матери»: «В 12 часов дня начинается перезвон в Соборе, через полчаса благовест в большой колокол, и в 1 час по полудни прозвонив во все колокола, начинается

молебен и отправляется крестный ход. Хождение по домам с Чудотворною иконою ежедневно начинается в 4 часа утра; при благовестив к литургии в 9 часов икона возвращается в собор, а по окончании службы снова выносится в те дома, где ход прекратился; в 5 часов 30 минут вечера благовест по всенощной и икона приносится в Собор, где и остается до утра. Хождение после всенощной не поволяется» [1; Л.6-6об]. Память о святынях и духовных традициях предков и в конце XX в. хранили жители Челябинской области. В частности, об озере Пустое в Челябинской области «семидесятилетние старушки говорили, что сюда приходили еще их прауродители, которые дали «обвет» посещения этого святого места и поставили в честь прихода явленной иконы деревянный крест» [3].

Во второй половине XIX в. Чудотворная икона торжественно носилась из Табынска, кроме Стерлитамака и Оренбурга, в Самару, Тобольск, Кустанай, Уральск и по их губерниям. М. Чванов и протоиерей Владимир Сергеев приводят часть уральского маршрута ее следования в 1908-1910 гг.: 20 июня – село Табынск; 22 июня (9-я пятница) – Богоявленский завод, Святые ключи, место явления; 23 июня – деревня Зиганова, дер. Макарово, башкирские земли (здесь Святую икону несли сами башкиры, помните: «остались в магометанстве, но стали почитать икону...»); 27 июня – Авзяно-Петровский завод; 30 июня – Кагинский завод; 2 июля – Узьянский; 6 июля – Белорецкий; 9 июля – г. Верхнеуральск; 26 июля – г. Троицк; 15 августа – станица Таналыкская; 20 августа – г. Орск; 30 августа – станица Верхнеозерная; 7 сентября – г. Оренбург; 5 декабря – г. Уральск...» [5].

Особым почитанием пользовалась Табынская икона Божией матери у сестер «состоящего под Августейшем Ее Императорского Высочества Великой княжны Марии Николаевны покровительством Оренбургского сестричного братства во имя Святителя Иосифа Белгородского», созданного 4 сентября 1911 г. (на основании утвержденных 3 мая 1864 г. правил о православных церковных братствах), в день торжественного прославления Русской Православной Церковью честных мощей Святителя Иосифа Белгородского. Сестричное братство издало краткое сказание о св. Чудотворной Табынской иконе Божьей Матери. На протяжении нескольких лет сестры занимались духовно-просветительской деятельностью, видя духовную потребность у местного населения, «распространяли среди простого народа в дни пребывания в Оренбурге св. Чудотворной Табынской иконы Божьей Матери сказания о явлении и чудесах этой чтимой святыни, брошюры и листки религиозно-нравственного содержания, иконы, крестики и т. д.» [2].

Установлены факты почитания Табынской иконы Божией Матери среди нагайбаков. Известно, что Матерь Божия помогала не только христианам, но и мусульманам. Они в большинстве своем очень чтили Ее, называя иногда «Русский Бог».

Можно заключить, что Табынская икона Божией Матери исторически пользовалась особым почитанием у населения Южного Урала, со временем стала относиться к местнопочитаемым иконам. М. Чванов по этому поводу пишет: это «... ничуть не умаляет ее величия. Более того: может, ее истинное время еще не пришло, оно придет, может, после очередного ее явления, если мы, конечно,

окажемся его достойны. Ибо, наверное, неслучайно в акафисте ей есть такие многозначачие и таинственные слова: "...всего мира Надеждо и Утешение"» [5].

Библиографический список

1. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6772.
2. Отчет о деятельности состоящего под Августейшем Ее Императорского Высочества Великой княжны Марии Николаевны покровительством Оренбургского сестричного братства во имя Святителя Иосифа Белгородского за 1915-1916 братский год (с 4 сентября 1915 г. по 4 сентября 1916 г.). – Оренбург, 1916. – С. 12.
3. Протоиерей Владимир Сергеев. История иконы Табынской Божией Матери. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.orthodox.cn/saints/2004/historytabynicon_ru.htm#LinkTarget_8572 (дата обращения: 10.04.14).
4. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1907. – Вып. XVIII. – С. 154.
5. Чванов, М. Всего мира надежда и утешение [Электронный ресурс] / М. Чванов // Бельские просторы. – 2003. – № 9. – Режим доступа : http://www.hrono.ru/text/2003/chvan09_03.html (дата обращения: 10.04.14).

Е. Е. Карпенко

*(«Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС"»
Новотроицкий филиал, г. Новотроицк, Россия)*

Основные этапы российско-абхазских отношений в XX веке

В августе 2014 года исполняется 6 лет с момента признания Россией государственного суверенитета Республики Абхазия. История взаимоотношений между нашими странами непростая, и в настоящее время Россия продолжает оказывать этой закавказской республике всестороннюю помощь и поддержку.

После крушения Российской империи в 1917 г. и провозглашения большевиками права наций на самоопределение Абхазия вступила в Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана.

В мае 1918 г. Абхазия вошла в новообразованную Горскую республику, которая также объединяла Кабарду, Осетию, Чечню и Дагестан. Оккупационные действия в отношении Абхазии со стороны Грузинской демократической республики были прекращены частями Красной армии в 1921 г.

В марте 1921 г. Ревком Абхазии провозгласил создание независимой ССР Абхазии, которая была признана Ревкомом ССР Грузии.

Под давлением Сталина ССР Абхазии была вынуждена подписать союзный договор с ССР Грузии, на основании которого она делегировала ряд полномочий в совместное с Грузией ведение.

В 1925 г. была принята Конституция ССР Абхазии, в которой она провозглашалась суверенным государством, обладающим правом выхода как из состава ЗСФСР, так и СССР. Через несколько лет ССР Абхазии была преобразована в Автономную республику в составе ГССР.

Годы сталинского режима были отмечены в Абхазии массовыми репрессиями и попытками насильственной ассимиляции абхазского народа. Одновременно грузинскими властями осуществлялась политика массового переселения грузин в Абхазию, в результате которой абхазы стали меньшинством на своей исторической родине.

Недовольство политикой национального подавления, проводившейся властями Грузинской республики, абхазы неоднократно выражали на многотысячных сходах и других акциях протеста с требованием восстановления статуса Абхазии как союзной республики.

После развала СССР Абхазия выступила с предложениями о выстраивании отношений с Грузией на равноправной основе.

Однако власти Грузии посчитали, что могут решить абхазский вопрос силовым путем.

14 августа 1992 г. началась вооруженная агрессия Грузии против Абхазии, сопровождавшаяся целенаправленным уничтожением и вытеснением негрузинского населения, массовыми нарушениями прав человека.

В результате кровопролитной войны вооруженным силам Абхазии удалось выбить грузинские войска с территории Абхазии. Под контролем Грузии осталась лишь горная территория в Верховьях р. Кодор.

В 1994 г. в зону конфликта в приграничные районы Абхазии и Грузии были введены миротворческие силы России под флагом СНГ.

Абхазия восстанавливала мирную жизнь в условиях разрушенной войной экономики, а впоследствии и санкций, которые были введены постановлением Правительства России в декабре 1994 г. и решением Совета Глав Государств СНГ в январе 1996 г. Целью этих санкций было принуждение Абхазии к принятию условий, выдвигаемых Грузией.

Абхазия продемонстрировала решимость отстаивать свои завоевания и жизнеспособность как самостоятельное государство. Парламент республики принял новую Конституцию суверенного государства. Государственным языком Республики Абхазия признан абхазский, языком государственных и других учреждений наряду с абхазским является русский.

С 2000 г. начался процесс постепенного снятия санкций, стали развиваться прямые отношения республики с Россией, которая взяла на себя осуществление гарантий сохранения мира.

26 августа 2008 г., после провала агрессии Грузии против Южной Осетии и осуществления Россией операции по принуждению к миру, президентом России Д. А. Медведевым было принято решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии и установлении с ними дипломатических отношений.

В настоящее время между Россией и Абхазией подписаны Договор о дружбе и сотрудничестве, Соглашение о размещении на территории Абхазии российской военной базы, Соглашение о совместных усилиях по охране госу-

дарственной границы Абхазии, а также ряд других межгосударственных и межправительственных документов, активные контакты между странами поддерживаются на всех уровнях.

Библиографический список

1. Бгажба, О. Х. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней / О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. – Сухум, 2007.

2. История от древних времен до наших дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://абхазия.рф/o-стране/история-абхазии/история-от-древних-времен-до-наших-дней>.

3. Отношения между Россией и Абхазией вселяют оптимизм и уверенность в завтрашнем дне // Республика Абхазия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gazeta-ra.info/index.php?ELEMENT_ID=4662.

Н. Ю. Климова

(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Из истории образования зерносовхоза Таналыкский во второй половине XX века

Россия издавна увеличивала свой потенциал за счет восточных земель. Начиная с XVIII века стихийные народные переселения на Урал, в Сибирь приводили к постепенному освоению новых земель и росту сельскохозяйственного производства.

П. А. Столыпин сделал попытку массового переселения крестьян на восток. Однако на новых землях прижилась только часть крестьян. Судьба же сотен тысяч искателей счастья была трагичной, так как многие вернулись обратно [7]. Именно тогда на левом берегу реки Бурля (левый приток реки Урал) появился хутор Белоусовский, или село Белоусовка, названный в честь основателей.

В двадцатых годах прошлого века зажиточными крестьянами-кулаками на хуторе были Шкурины. Во время коллективизации они попали под раскулачивание и след их на этом теряется. Но до сегодняшнего дня об основательности и огромных возможностях этой семьи говорит сохранившийся деревянный дом Шкуриных. Он пережил не только своих владельцев, но и все близлежащие постройки на левом берегу реки Бурля [2]. Постепенно в Белоусовке стали селиться люди, приезжавшие из Башкирии, Казахстана, а также Новоорского и Кваркенского районов области.

В 30-е годы двадцатого века хутор Белоусовский был отделением совхоза имени Кирова (ныне СПК «Приморский») и относился к Новоорскому району [2].

С 1954 года партия и правительство взяли курс на освоение целинных и залежных земель. Руководители государства обратились к комсомольцам и молодежи с призывом отправиться в Казахстан, в Сибирь, на Урал, в Поволжье, на Северный Кавказ, чтобы уже весной этого года начать осваивать миллионы гектаров земли.

Была подготовлена соответствующая справка для областного плана развития сельского хозяйства, в которой, в частности, говорилось: «Основные массивы целинных и залежных земель находятся в шести восточных и южных районах области: Адамовском, Новоорском, Кваркенском, Домбаровском, Тепловском, Акбулакском... Огромны территории этих районов, каждый из которых имеет большие площади неиспользованных плодородных земельных угодий. Поверхность целинных районов имеет вид спокойной равнины, слегка всхолмленной около рек. Почвы черноземные и темно-каштановые. Эти районы предполагают обширными пастбищами с разнообразными травами...» [2].

Для осуществления грандиозных задач по освоению новых земель решением правительства были созданы новые крупные зерновые совхозы. На территории Адамовского района: «Адамовский», «Восточный», «Комсомольский», «Тобольский», «Озерный»; на землях Кваркенского района – «Кульминский»; в Новоорском районе – «Ириклинский» и Таналыкский», а на территории Домбаровского района – «Полевой» [1]. 9 марта 1954 года областная газета «Чкаловская коммуна» писала: «Комсомольцы Москвы, прибывшие в нашу область на работу по освоению целинных и залежных земель, выехали в совхозы «Шильдинский» Адамовского района, имени Кирова Кваркенского района; во вновь организуемые совхозы «Таналыкский» и «Ириклинский» Новоорского района» [1].

Зерновые хозяйства создавались вдали от железных дорог. На станции Теренсай, Шильда, Новоорск, Айдырля прибывали первые поезда с новоселами. Будущие целинники размещались в железнодорожных вагонах, поставленных на запасных путях, в квартирах станционных рабочих и служащих. Сельскохозяйственные машины в это время еще находились в пути. Люди, сознавая грандиозность предстоящих задач, тем не менее, были полны решимости их выполнить.

Шла напряженная организационная работа. Об этом свидетельствуют приказы по целинному хозяйству. Первый приказ по Таналыкскому зерносовхозу Министерства совхозов РСФСР датирован 1 апреля 1954 года. В нем говорится:

«1. Во исполнение приказа Министра совхозов СССР к исполнению обязанностей директора зерносовхоза приступил В. Н. Фролов.

2. Прибывших рабочих из Москвы и других областей на освоение целинных и залежных земель в совхоз «Таналыкский» зачислить в штат совхоза... по следующим профессиям: трактористы – 27 человек; прицепщики на сельхозмашинах – 40 человек; строительные рабочие – 32 человека.

3. Назначить инженером-механиком совхоза И. И. Севастьянова» [4].

В конце апреля целинники выехали с железнодорожных станций к своему постоянному месту жительства. Людей везли на грузовиках, полевые вагончики и оборудование доставлялись на широченных санях, которые буксировали тракторы. Новоселы везли сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продукты, строительные материалы, топливо.

Весна 1954 года выдалась в Оренбуржье затяжной и холодной. Только в конце апреля солнце растопило снег. Каждому хозяйству надо было вспахать тысячи гектаров земли, построить крупные поселки, вырыть колодцы, проложить дороги. Требовалось много людей, которые могли бы не только водить

тракторы и автомобили, но и выкладывать кирпичные стены, владеть топором и другими плотницкими инструментами.

Первое время особенно востребованы были специальности строителей. В середине апреля в Новоорск прибыли финские домики для целинников. Для доставки их в совхоз «Таналыкский» была создана бригада из 16 человек. Возглавлял ее Г. М. Моргун. Будущие строители рассортировали детали домов и доставили их в поселок, строящийся на правом берегу Бурли [1]. 22 апреля весьма кстати в целинное хозяйство совхоза прибыло новое пополнение. Вышел приказ № 4 по совхозу: «... Прибывших рабочих из Москвы и Латвии на освоение новых земель... временно до выезда в поле назначить на разные работы в помощь «Ирикластрою» [3].

Зерносовхоз рос с каждым днем. Не было дорог, не хватало квартир, отсутствовал клуб, но добровольцы продолжали прибывать. Только за один месяц (апрель 1954 г.), согласно книге приказов, в штат совхоза было зачислено 270 человек из Москвы, Латвии и Воронежской области. А через месяц число таналычан дополнили 84 жителя Одессы, Медногорска, Чкалова [3].

К освоению целины таналычане приступили 11 мая 1954 года. Для работы в поле были укомплектованы две тракторные бригады. При небольшом количестве техники (два трактора С-80 и четыре ДТ-54) в состав экипажей каждой бригады входили 12 трактористов и 16 прицепщиков [5]. В сформированных коллективах тон задавали трудолюбивые и находчивые латыши, и именно поэтому тракторные бригады прозвали латвийскими. В них наравне с мужчинами трудились и девушки. Отважные и умелые комсомолки прославили своё хозяйство на всю страну. 23 июля 1954 года газета «Комсомольская правда» опубликовала письмо латвийского комбайнера Милды Тауцены. Она писала: «... Я еду в совхоз «Таналыкский» Чкаловской области на целину. Думаю, что лишней не буду. Вожу самоходный комбайн, хорошо знаю трактор, имею специальность механика. Моя подруга Эльмира Руньгис уехала в Чкаловскую область с первым отрядом комсомольцев Латвии. Будем трудиться вместе, трудиться весело, самоотверженно, не покладая рук» [4].

Хорошо стимулировавшееся дирекцией совхоза социалистическое соревнование позволило уже в первый год выполнить план подъема целины. В зерносовхозе «Таналыкский» было распахано 12710 гектаров нетронутой земли [5].

С дистанции сегодняшнего времени очевидно, что подвиг первопроходцев заключался в комплексном решении возникающих проблем. Наряду с выполнением производственных заданий, к примеру, шло обустройство на новом месте. Тесное взаимодействие 13 специальных строительных бригад, дополнительных коллективов (землекопов, каменщиков, монтажников по установке домов, столяров и подсобных рабочих), а также самих целинников позволило за два года сдать под ключ 14 четырехквартирных и 20 одноквартирных домов. Это, правда, не удовлетворило всех желающих улучшить свое жилищное положение. Порой целинники, как они рассказывают, жили по 12-15 человек в одном доме. Находили время новоселы и для озеленения поселка. Специальные бригады высаживали на улицах тополя, березы, карагачи.

Летом многие рабочие перевезли в Таналык свои семьи. Нередко ячейка общества образовывалась и на целине. Трудности не разочаровывали, а, напротив, сплачивали и закаляли. В свободное от работы время (а его катастрофически не хватало) все от прицепщика до специалиста становились строителями. Одни рыли котлованы, другие штукатурили стены домов или клали печи.

Осенью 1954 года в совхозе открылась начальная школа. Первой наставницей 15 детишек целинников была Татьяна Федоровна Тереня (Юдина). Впоследствии были построены и начали работать больница, пекарня и машинно-тракторная мастерская. Так затерянный и никому не ведомый хутор Белоусовский превратился в зерносовхоз «Таналыкский». Подобная метаморфоза стала возможна полвека назад благодаря самоотверженности людей и помощи государства и местных советов.

Библиографический список

1. Протоколы заседаний исполнительного комитета сельского совета депутатов трудящихся за 1954 г., Ф.232 Оп.1, Д.36, Л.35, 86.
2. Книга протоколов сессий сельского совета депутатов трудящихся за 1951-1953 гг., Ф.232 Оп.1, Д.29, Л.5, 10, 23.
3. Похозяйственная книга основных производственных показателей хозяйств колхозников за 1954 г., Ф.232 Оп.1, Д.42, Л.24, 36.
4. Протоколы заседаний исполкома райсовета за 1954 г., Ф.222 Оп.1, Д.110, Л.4, 18.
5. Протоколы заседаний исполкома райсовета за 1957 г., Ф.222 Оп.1, Д.127, Л.8.
6. Протоколы о вручения орденов и медалей СССР за 1956-1957 гг., Ф.222 Оп.1, Д.123, Л.4, 7.
7. Футорянский, Л. И. История Оренбуржья : монография / Л. И. Футорянский. – Оренбург, 1996.

Л. Р. Кожухова

*(ГБУ «Государственный архив Оренбургской области в г. Орске»,
г. Орск, Россия)*

Об эвакуации населения в город Орск Чкаловской области

Первое упоминание об эвакуированном населении в город Орск обнаружено в документах органов власти. Это телеграмма от 21 августа 1941 г. о направлении эшелона № 90 эвакуированных из Днепропетровска 800 человек в город Орск. Уже 23 августа 1941 г. заместитель исполкома председателя Орского городского Совета Белгородцев (инициалы не указаны) докладывает о количестве прибывших эвакуированных: 5903 человека, из них 3094 ребенка. 5 ноября 1941 г. наличие эвакуированных – 9972 человек, в том числе 2471 ребенок. В сведениях о фактическом наличии эвакуированного населения, прибывшего в Орский район Чкаловской области, по состоянию на 20 октября

1941 г. РСФСР указано: 1292 взрослых (457 мужчин, 835 женщин), 1105 детей; с Украины количество эвакуированных составило 1928 взрослых (432 мужчины, 1496 женщин) и 623 ребенка. Также прибывали в Орск из Эстонии, Латвии, Башкирии.

22 ноября 1941 г. в городе Орске создается аппарат уполномоченного управления по эвакуации, штатом в пять человек.

Учет эвакуированного населения производился по специально разработанной инструкции по следующим формам: список отправленных в эшелоне и список семей и лиц прибывших в район, а также личная карточка на детей, эвакуированных без родителей. Список семей и лиц составлялся начальником эвакуопункта в двух экземплярах: один начальнику эшелона, другой оставался в эвакуопункте. Семьи и лица, принятые в пути, записывались в список с указанием станции посадки. Если во время пути некоторые из эвакуированных граждан были сняты с эшелона и оставлены на какой-либо станции, то о них делались отметки в последней графе списка № 1. На детей, прибывших без родителей, составлялась личная карточка, в которой заносились подробные сведения о родителях облегчающие их поиск. На основе полученных списков и карточек Переселенческое управление при СНК СССР организовывало справочную работу.

Из положения о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы, от 9 августа 1941 г.: «После прибытия граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы, как в организованном, так и индивидуальном порядке обязаны прописать свои паспорта в органах милиции по месту расселения в течение 24 часов. Граждане, прибывшие без паспортов, обязаны зарегистрироваться в исполкомах районов с указанием регистрации. Граждане, эвакуированные из прифронтовой полосы, имеющие паспорта и не имеющие их, не прописываются в режимных местностях 1 категории за исключением лиц, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, которые беспрепятственно прописываются во всех местностях кроме пограничной полосы».

В решении исполкома Орского городского Совета от 5 сентября 1941 г. «О размещении и прописке эвакуированного населения в г. Орск» оговаривается подробно организация размещения эвакуированного населения. Городскому коммунальному отделу и владельцам частных домов запрещалось сдавать в наем и пускать на уплотнение без решения Орского городского Совета. В случае нарушения взимался штраф в размере 100 рублей, а в дальнейшем и привлечение к уголовной ответственности.

5 сентября 1941 г. отводится участок земли под строительство поселка для спецпереселенцев.

20 февраля 1942 г. Исполнительный комитет Орского городского Совета депутатов трудящихся отмечает, что по обслуживанию эвакуированного населения в городе проделана следующая работа: проведено обследование материально-бытовых условий всех эвакуированных, в результате многим нуждающимся оказана денежная помощь, обувь, одежда, некоторым выданы овощи и в основной своей массе эвакуированные обеспечены топливом. Улучшено обслуживание проезжающих на железнодорожной станции Орск – обеспечиваются хлебом, увеличено на 3000 блюд в день горячей пищи, основная масса эва-

куированных трудоустроена. Одновременно Исполком городского Совета отмечает, что обслуживание эвакуированного населения в городе организовано еще неудовлетворительно. Есть случаи, когда эшелоны с эвакуированными задерживаются на станции Орск по 2-3 дня. Эвакуированные предприятия задерживают представление списков, что мешает организации учета. Отдельные предприятия и учреждения не оказывают возможной помощи эвакуированным гражданам.

Из отчета о работе эвакуопункта при станции Орск Оренбургской области за январь – март 1943 г.: «Количество эвакуонаселения прошедшего через эвакуопункт резко снизилось по сравнению с 4 кварталом 1942 г.: в 1942 г. – 6463 человека, в 1943 г. 4293 человека. В четвертом квартале 1942 г. эвакуированные в основном рабочие предприятий, главным образом из Сталинграда. Прошедшие через эвакуопункт эвакуонаселение за отчетный период составило как в порядке имеющихся у них направлений выданных в прифронтной полосе, так и выданных эвакуопунктом направление той части у которых не было точного направления, а указано в роде того, как следует в глубь страны этой части эвакуированным выдавались направления эвакуопунктом, как правило, в Новосибирск, Свердловск и Челябинск. Количество, прошедших транзитом и пассажирских поездах через ст. Орск и получивших – продовольствия за отчетный период: 7924 человека. Питание проезжающих через станцию Орск и прошедшим через эвакуопункт эвакуонаселение организовано согласно прилагаемым талонам после регистрации эвакуированных в журнале суточного дежурства инспекторов, выдавался хлеб, каковой получали в ларьке, расположенном на перроне станции Орск. За первый квартал 1943 г. хлеб получили 8489 человек. На станции Орск организована агиткомната, где проводятся массовая работа и имеются журналы, газеты, радиоточка».

Итак, эвакуопункт, организованный с 1-го октября 1942 г., пропустил 6468 человек, при количестве 10 основных работников. Таковы итоги работы эвакуопункта при станции Орск.

Неоценимая помощь тыла привнесла свою лепту в дело Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

И. А. Коробецкий
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Трудоустройство как одно из направлений социальной политики государства в годы Великой Отечественной войны (на примере Южноуральского региона)

Одним из важнейших, первоочередных направлений социальной политики государства в 1941-1945 гг. являлась забота об инвалидах войны. В этой области реализация государственной политики осуществлялась по следующим направлениям: выплата пенсий; предоставление налоговых и иных льгот; преимущественное продовольственное и промтоварное снабжение; создание спе-

циальных общественных фондов поддержки остро нуждающихся инвалидов войны.

Важнейшим видом социальной помощи, оказываемой бывшим фронтовикам, явилось их трудоустройство. Эта необходимость определялась не только потребностями войны, их тяжелым материальным положением, но и произошедшим у большинства бывших воинов психологическим надломом. Сильным, здоровым до войны людям психологически тяжело было ощущать свою физическую неполноценность, кажущуюся беспомощность и бесполезность для окружающих. Возвращение к трудовому процессу, активной общественной жизни не только улучшало их материальное положение, но и являлось элементом социально-психологической реабилитации. В связи с этим государство, в том числе и местные органы власти, придавало огромное значение трудоустройству людей, искалеченных войной.

В соответствии с принятыми в мае 1942 г. правительственными решениями в Челябинской области организовывались профтехшколы на 120 человек по обучению швейному и слесарно-токарому делу. В Чкаловской области – спецшколы-интернаты для обучения слепых на 60 человек.

Помимо этого в г. Чкалове для инвалидов войны организовывалось обучение по линии филиала учебного комбината ЦСУ, в школах торгового и кулинарного ученичества облторготдела, на курсах облпотребсоюза и облздраводела. На соответствующих курсах проводились занятия в гг. Орске, Бузулуке, Бугуруслане, районах Буранном и Павловском [1; Л. 22, Л. 26]. Еще в декабре 1941 г. облсобесом в селе Ветлянка Буранного района открылась курсовая база для обучения инвалидов Отечественной войны специальностям: счетовод, бухгалтер, статист. База была рассчитана на 35-40 чел., сроком обучения не менее 3 месяцев [2; л. 64].

Разворачивалось обучение в госпиталях. При заключении ВТЭК инвалиды приобретали профессии сапожников, швейников, лошкарей и т. п. В госпитале № 359 г. Чкалова в начале 1942 г. были открыты 2 группы фотокурсов на 33 человека, в госпиталях №№ 1654, 1658, 409 и 4409 обучались будущие счетоводы, в госпитале № 4406 – нормировщики. Всего в областном центре через госпитали в 1942 и 1943 гг. было трудоустроено 449 человек [2; Л. 32-об].

Специальные группы инвалидов войны организовывались при общеобразовательных учреждениях по программе неполной и полной средней школы. После ее прохождения они получали возможность продолжить обучение в сельскохозяйственных учебных заведениях. В г. Чкалове в 1943 г. сельхозтехникум закончили 15 инвалидов войны. В 1944 г. там обучалось еще 45 человек, в сельскохозяйственном институте – 18 бывших фронтовиков [3; Л. 207].

В результате мер, принятых местными органами государственной власти Чкаловской области, на базе госпиталей, а также цехового производственного обучения в 1942 г. обучили новым профессиям по различным профилям 1544 инвалида войны, в 1943 г. – 2184, за 9 месяцев 1944 г. – 1607 человек. На курсах было подготовлено за этот срок: 597 счетоводов, 336 бухгалтеров, 358 сапожников, 86 фотографов, 20 нормировщиков, 15 юристов, 11 киномехаников,

22 учителя начальных классов, 26 шоферов, 11 столяров, 16 рентгентехников, 11 кондукторов, 15 пчеловодов, 18 агрономов и т. д.[4; Л. 50].

Таким образом, инвалиды войны получали квалифицированную специальность.

Направление на курсы органы социального обеспечения осуществляли совместно с заинтересованными ведомствами. Они же организовано направляли выпускников на предприятия, в артели, совхозы, колхозы на трудоустройство. Местные органы власти обязывали руководителей хозяйственных организаций предоставлять в кратчайшие сроки работу прошедшим обучение. Должностные лица, необоснованно отказывающие в приеме на работу имеющим направление от органов собесов, привлекались к уголовной ответственности.

Советы депутатов трудящихся возлагали на руководителей предприятий и хозяйственных организаций обязанность создавать бывшим фронтовикам необходимые жилищно-бытовые и производственные условия, достойных – выдвигать на руководящие должности. В связи с этим собесы не только должны были направлять инвалидов на работу, но и проверять на месте их трудоустроенность. На XI сессии Чкаловского областного Совета были приведены факты, когда устроенные на работу инвалиды оставались без внимания со стороны отделов социального обеспечения. Инвалид войны т. Космаенко в течение 8 месяцев работы на ферме не получал от колхоза материальной поддержки, хлебом снабжался нерегулярно. Из-за материальной необеспеченности т. Седов не имел возможности нормально трудиться в совхозе. Подобных примеров немало. Происходило это от того, что заведующие райсопсесами осуществляли несвойственные им функции: месяцами жили в колхозах, занимались проведением сельскохозяйственных и заготовительных работ, уделяя своим прямым обязанностям недостаточно внимания.

На отдельных промышленных предприятиях необходимые условия для работы инвалидам войны создавались. Для них специально приспособлялись рабочие места, инструменты. К примеру, на Симском заводе Челябинской области для каждого инвалида с ампутированной ногой подвешивалась сетка, на которой он в полулежачем положении занимался сборкой деталей [5]. Однако на большинстве предприятий Южного Урала должных условий по облегчению труда инвалидам создано не было.

Работа органов собесов являлась объектом внимания местных Советов. Руководители отделов соцобеспечения систематически отчитывались о своей работе на заседаниях исполкомов, сессиях депутатов трудящихся. Подобные отчеты помогали наладить деятельность органов социального обеспечения. Для организации их работы проводились областные совещания заведующих районных и городских отделов. На них определялись задачи органов социального обеспечения в условиях военного времени, в том числе в области трудового и материально-бытового устройства инвалидов отечественной войны.

В результате проведенной работы собесы усилили внимание к проблемам инвалидов. В целях создания необходимых условий для трудовой деятельности, им была увеличена помощь в приобретении одежды и обуви. Собесы организовывали выезды ВТЭК на предприятия для выявления рабочих мест.

20 января 1943 г. СНК СССР принял специальное постановление «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны». Цель постановления – максимально использовать трудовой потенциал инвалидов войны для укрепления обороноспособности государства. Для достижения результата правительство применило тактику «кнута и пряника». С одной стороны, работающим предоставлялись дополнительные преимущества и льготы. Так, трудящимся на предприятиях и в учреждениях инвалидам выплата пенсий сохранялась независимо от размера их заработной платы, а работающим в колхозах – независимо от размера их дохода; пособия по временной нетрудоспособности выплачивались независимо от стажа непрерывной работы в размере 100% заработной платы; по заключению ВТЭК, инвалидам войны предоставлялись очередные отпуска, в то время как для всех остальных трудящихся на военный период отпуска были отменены; работающих на предприятиях и в учреждениях бывших фронтовиков не имели право привлекать к сверхурочным работам в обязательном порядке. С другой стороны – инвалиды Отечественной войны уже не могли решать вопрос о трудоустройстве по своему желанию. Наркоматы социального обеспечения союзных республик обязывались в 3-месячный срок трудоустроить всех неработающих инвалидов III группы с учетом соответствующих заключений ВТЭК. Уклоняющиеся от работы в течение 2-месяцев со дня направления их на работу по решению органов социального обеспечения снимались с пенсии. Их снабжение осуществлялось по нормам иждивенца.

В г. Чкалове за 1943 г. было лишено пенсии 49 «уклонистов» [3; Л. 206]. Однако не всегда лишение пенсии было обосновано. Некоторые работники органов социального обеспечения без выяснения причин нетрудоустроенности автоматически применяли санкции к неработающим. В марте 1943 г. на заседании Чкаловского облисполкома предметом специального обсуждения стали аналогичные случаи, допущенные сотрудниками Бугурусланского и Медногорского собесов. Депутаты резко осудили подобную практику, напомнили о необходимости индивидуального подхода к каждому, отдельно взятому гражданину-инвалиду III группы. Заведующие собесов подверглись взысканиям. Местными органами власти контроль за деятельностью отделов социального обеспечения был усилен.

Большинство устроенных на работу инвалидов войны в сельском хозяйстве и промышленности работали наравне с другими, а многие добивались высоких показателей. Например, т. Гаврильченко, работая на заводе № 322 токарем на двух станках, выполнял производственную программу на 230 %. Колхоз «Власть труда» Кувандыкского района Чкаловской области, возглавляемый инвалидом войны Клейменовым добился хороших показателей по сельскому хозяйству и получил переходящее Красное знамя РК ВКП(б) и райисполкома [6; Л. 193-об]. Трудовая деятельность бывших фронтовиков на Южном Урале способствовала укреплению экономической мощи советского государства и приближению победы над врагом.

К началу 1945 г. в Челябинской области на учете состояло 17450 инвалидов Отечественной войны. Из них было трудоустроено – 13788 человек (79%) [7; 283]. В Чкаловской области на 1 мая 1945 г. из 21765 инвалидов работали 19832

(91%). Из них в сельском хозяйстве трудились 8287, в промышленности – 1861, в учреждениях – 1851, в кооперации инвалидов – 112, на железнодорожном транспорте и предприятиях легкой и местной промышленности – 3215 чел. Многие – на руководящей работе: председателями колхозов – 459, председателями сельсоветов – 167, военруками и педагогами – 1465 и т. д. [8; Л. 43, Л. 49, Л. 50].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальное обеспечение инвалидов войны, и связанное с этим их трудоустройство, являлось одним из приоритетных направлений социальной политики государства в 1941-1945 гг.

Тем не менее, чрезвычайные обстоятельства военного времени не позволили полностью решить социальные проблемы бывших фронтовиков. Многие из принимаемых решений не всегда подкреплялись необходимыми материально-финансовыми и организационными средствами и выполнялись не в полном объеме. Вместе с тем деятельность органов государственной власти в области социального обеспечения, безусловно, способствовала удовлетворению основной части бытовых нужд этой категории граждан.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р.-1014. Оп.1. Д.718.
2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф.-371. Оп.5. Д.513.
3. ГАОО. Ф.Р.-1014. Оп.2. Д.828.
4. ГАОО. Ф.Р.-1014. Оп.2. Д.262.
5. ГАОО. Ф.Р.-846. Оп.2. Д.389. Л.13. Ф.Р.-1014. Оп.2. Д.262. Л.51. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф.П.-288. Оп.8. Д.266. Л.45.
6. ГАОО. Ф.Р.-846. Оп.2. Д.394. Л.193-об.
7. Челябинская область. 1917-1945 гг. : сборник документов и материалов. – Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1999. – С. 283.
8. ЦДНИОО. Ф.-371. Оп.9. Д.779.

В. О. Коровкина

*(«Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС"»,
Новотроицкий филиал, г. Новотроицк, Россия)*

Российско-польские отношения в первой четверти XIX века

Сегодня российско-польские отношения переживают один из сложнейших моментов в своей истории. В 1990-е годы политика Польши была направлена на скорейшее вступление в евроатлантические структуры. Негативную реакцию России вызвала польская поддержка цветных революций на постсоветском пространстве. Между обоими государствами в 2000-х годах возник целый ряд торговых споров, а также диспут насчёт планов Польши предоставить США право на размещение на её территории объектов ПРО, которые Россия рассматривает

как угрозу своей безопасности. Авиакатастрофа под Смоленском, в которой погиб польский президент Лех Качиньский и целый ряд высокопоставленных лиц, с одной стороны, сблизила обе страны, с другой – породила в консервативных кругах Польши конспиративные антироссийские теории.

Для того чтобы наладить добрососедские, дружественные и взаимовыгодные связи необходимо, на наш взгляд, обратиться к историческому опыту, который имеет не только негативную окраску, но и свидетельства позитивных отношений. Одним из подобных примеров может служить история российско-польских взаимоотношений первой четверти XIX века.

Поворотным пунктом в истории России и Европы начала XIX века стала война с Наполеоном. Эта война оказала определяющее значение на судьбу Варшавского герцогства и польского народа. Поляки приняли самое активное участие в войне на стороне Наполеона. Однако это не могло поколебать уверенности императора в том, что в составе Российской империи будущее польское королевство и его население будет полностью лояльно к русским властям.

Император Александр I не желал возвращения к системе разделов, и начинается длительный и сложный процесс переговоров с европейскими державами, на которых Россия будет добиваться права на земли герцогства и признания вместо принципа «возвращения к условиям раздела» принципа «эквивалентной компенсации».

Дальнейшие события продемонстрировали, что Александр I склоняется к мысли о том, территория будущего Царства Польского, по крайней мере на первых порах, должна быть ограничена землями, входившими в состав Варшавского герцогства. Причинами такого изменения позиции императора являлось нежелание портить отношения с Пруссией и Австрией. Имело значение и то, что в условиях патриотического подъема в окружении императора большое распространение получили взгляды о нежелательности вообще предоставлять какой-либо особый статус любым польским землям в составе империи.

В конце декабря 1812 года, преследуя наполеоновские войска, русская армия вступила на территорию Варшавского герцогства. По праву завоевания власть над оккупированными территориями до заключения мира перешла к России.

Политика русских властей в герцогстве была убедительным подтверждением того, что Россия уже считает эти земли своими и не собирается их никому отдавать. Для управления герцогством согласно рескрипту от 1 марта 1813 года был создан Верховный временный совет во главе с президентом совета В. С. Ланским, вице-президентом Н. Н. Новосильцевым. В состав совета были включены представители руководства герцогства Т. Вавржецкий и К. Друцки-Любецкий, а в качестве советника по части финансов – де Коломб. Признавались действующими все местные органы управления, с подчинением их совету. Великодушным жестом русского правительства стало объявление амнистии всем воевавшим на стороне Наполеона полякам. Сдавшиеся части не расформировывались, а причислялись к резерву русской армии. Все эти меры должны были способствовать улучшению отношений поляков и русских властей.

Самой сложной проблемой было добиться согласия Пруссии признать потерю её доли польских земель, которую она получила по разделам. Россия выдвинула принцип эквивалентной территориальной компенсации прусских потерь за счет союзников Наполеона, прежде всего Саксонии.

После того, как были решены вопросы международного признания нового приобретения Российской империи, появилась возможность перехода к непосредственной работе над созданием конституции для Царства Польского.

В апреле – мае 1815 года в Вене, по поручению императора, Чарторыйский и Новосильцев закончили работу над «Основами конституции Царства Польского», которые император подписал в начале июня.

Благодаря конституционной хартии, Царство Польское было единственной страной в центральной Европе, в которой был парламент, избираемый прямыми выборами и почти всеми общественными классами, хотя и с незначительным участием крестьян. Сейм Царства Польского состоял из царя, сената и посольской избы (палаты депутатов).

Сохранив привилегии польской шляхты и аристократии в виде сената и 75 депутатов, избираемых на дворянских сеймиках, хартия установила избрание 51 депутата на собраниях в гминах, в которых принимали участие любые собственники-недворяне. Любой собственник, уплачивающий какой-либо налог, хозяева мастерских, магазинов, стоимостью не менее 10 тысяч злотых, настоятели и викарии, работники народного просвещения, деятели искусств, отличенные своими талантами, знаниями или заслугами, – все они, достигнув 21 года и будучи внесенными в книгу граждан гмины, участвовали в выборах в качестве избирателей. Послом сейма мог быть избран житель царства, достигший 30 лет, пользующийся всеми гражданскими правами и уплачивающий налог не менее 10 злотых. Членом посольской избы мог стать и государственный служащий, состоящий как на гражданской, так и на военной службе, но только получив предварительно разрешение начальства.

Сенат состоял из принцев императорской и царской крови, из епископов, воевод и кастелянов. Все члены сената назначались царем пожизненно, на выбор, из двух кандидатов, которые предлагались сенатом. Число сенаторов не должно было превышать половины числа послов и депутатов посольской избы (то есть не более 64 членов). Кандидатом в сенаторы мог стать только имеющий полных 35 лет и уплачивающий 2000 злотых годового налога. Только великие князья Российской империи могли заседать в сенате с 18 лет.

Право законодательной инициативы принадлежало царю, который через посредство Государственного совета мог направлять проекты законов в любую из палат сейма. Только финансовые законы направлялись обязательно сначала в посольскую избы. Отчет о положении края, подготовленный Госсоветом отправлялся сначала в сенат, а потом зачитывался на совместном заседании палат. Не имея законодательной инициативы, депутаты сейма после рассмотрения правительственных законопроектов принимали заявления, сообщения и запросы, которые через Госсовет направлялись царю. На основании этих заявлений и запросов царь мог поручить Госсовету составить законопроекты и направить их в сейм для последующего рассмотрения и принятия.

Для обсуждения законопроектов обе палаты избирали три комиссии. В каждой комиссии было три члена от сената и пять от посольской избы. Комиссии эти следующие: финансовая комиссия, комиссия законодательства гражданского и уголовного, комиссия законодательства органического и административного. В обсуждении законопроектов могли принимать участие, кроме членов комиссий, и члены Госсвета, а также депутаты сейма и сенаторы.

В сейме Варшавского герцогства слово при обсуждении имели только члены Госсвета и комиссий, а остальные просто голосовали. Проект принимался или отвергался открытым голосованием поочерёдно в двух палатах. Проект считался принятым не только при большинстве, но и при равенстве голосов. Проект, принятый в палатах, отправлялся на подпись царю и только после подписания становился законом.

Сейм, согласно хартии, должен был собираться каждые два года на сессию продолжительностью тридцать дней. Однако царю предоставлялось право отсрочить его созыв, продолжить сессию или распустить. Имел право царь созывать также чрезвычайный сейм в любой момент. Сейм в царстве созывался царём четыре раза – в 1818, 1820, 1825, 1830 годах. В 1830 году сейм был созван ещё раз в ноябре, уже после начала польского восстания.

Итак, в 1815 году часть территории Польши стала принадлежать российской короне. Присоединение стало результатом передела польского государства между Пруссией, Австрией и Россией. Восточная часть Польши, размером более 130 кв. км и населением свыше 3 млн человек, в статусе Польского Королевства стала частью Российской империи. Такое присоединение требовало от Александра I проведения мудрой национальной политики касаясь польского населения.

Александр I удалось ее осуществить. Уже в конце 1815 года он даровал полякам Конституцию, согласно которой Польское королевство сохраняло свой суверенитет. Польша сохраняла все государственные структуры: Сейм, армию, правительство и суды. Единственной государственной денежной единицей продолжали оставаться злотые. Самые важные правительственные должности занимали исключительно поляки. Польское королевство было единственным государством на всем европейском континенте, где проводились демократические гласные выборы в законодательный орган.

К. В. Кремер
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Постройка здания для музея при Оренбургской ученой архивной комиссии

В 1887 году в Оренбургской губернии была открыта Губернская ученая архивная комиссия (ОУАК), целью которой было сохранение местных исторических памятников. Вскоре после открытия комиссия озаботилась собиранием коллекции местных древностей. Одной из главных трудностей в работе архивной комиссии было отсутствие собственного помещения. В 1895 г. ОУАК приобрела собственное здание, и к маю 1897 г. там был окончен ремонт. Музей

разместился в нижнем этаже здания комиссии, где занимал одну небольшую комнату.

Теснота помещения музея для коллекций архивной комиссии была выявлена в первые же годы существования музея. На общем собрании членов комиссии 15 сентября 1900 года было решено к зданию комиссии сделать пристройку, для чего была избрана строительная комиссия в составе А. В. Попова, правителя дел И. С. Шукшинцева, М. Я. Божукова, И. П. Кречетовича. На одном из следующих заседаний – 4 ноября 1900 г. – председатель строительной комиссии И. П. Кречетович доложил, что при наличии у архивной комиссии свободной суммы в 150 руб. невозможно приступить к делу строительства, и предложил свой вариант выхода из сложившейся ситуации: по примеру других городов начать сбор пожертвований для постройки музея, а также обратиться к городским думам с просьбой о выдаче единовременного пособия [3; 198]. Тогда это предложение не было реализовано, но в 1907 году комиссии удалось получить от Оренбургского городского управления место под постройку здания музея. И в том же году канцелярия оренбургского губернатора разрешила архивной комиссии открыть прием пожертвований на постройку здания музея в г. Оренбурге [1; Л. 128].

Сбор пожертвований проходил не особенно успешно, и за год ОУАК удалось собрать лишь немногим более ста рублей. В отчете за 1908 г. можно увидеть прежнюю ситуацию – музей переполнен. Правитель дел, составлявший отчет, высказывал предположение, что, по всей вероятности, либо придется закрыть музей для публики, либо прекратить приемку новых экспонатов. Но затем выдвигал аргументы против этого: «...первое было бы «бесчеловечно» ввиду того интереса, который проявляют посетители музея, а таковых в отчетном году, несмотря на незаметность и отдаленность, было до 520 человек, а с учащимися до 2000, а второе «преступно» по отношению к родной старине» [2].

В 1911 году ОУАК вновь возвратилась к идее курирования строительства музея особой строительной комиссией. На этот раз архивная комиссия заключила соглашение с Оренбургским отделом императорского русского географического общества о совместном строительстве музея, который должен был получить название музея Оренбургского края. В строительную комиссию 1911 года были избраны по пять представителей названных ученых обществ.

Цели строительной комиссии определялись как поиск средств на постройку здания музея и заведывание производством работ по постройке. Строительная комиссия обратилась с ходатайствами в Оренбургское губернское правление, правления Тургайской и Уральской областей, местным казачьим войскам, городским самоуправлениям [4; 4-5]. Впрочем, большинство ходатайств не принесли положительных результатов, и за 1911 год было собрано около 2 тыс. рублей, за 1912 год всего около 120 рублей. Строительной комиссией был разработан конкурс на проект здания музея Оренбургского края, на котором было представлено сорок проектов.

К 1913 году большинство членов комиссии склонялись к мнению, что «нечего и думать создавать музей на общественные суммы... единственная надежда осталась на помощь государственную, в каком направлении и начата

работа архивной комиссии» [5; 3]. В условиях начавшейся Первой мировой войны, действительным членам комиссии Г. Х. Еникееву и Н. И. Тихомирову все же удалось исходатайствовать у министра народного просвещения ежегодную субсидию в 3000 руб. на наем помещения для музея, его систематизацию и описание. В ноябре 1915 года комиссии удалось подобрать помещение для музея за 1180 руб. в год, и комиссия начала осуществлять перевозку в новое здание экспонатов музея и собрание библиотеки, а также стала устраивать там свои заседания. В старом здании были оставлены отделы по геологии и нумизматике, которые не уместились в помещения нового здания. Но комиссия не успела вступить в полное владение новым музейным зданием, так как вскоре оно было отдано под военные нужды.

Собирание музейных экспонатов было одним из основных направлений деятельности Оренбургской ГУАК. Нехватка помещений для хранения и выставок экспонатов не позволяла комиссии в полной мере реализовать свою культурно-просветительскую миссию. Вопрос со специально построенным зданием для музея так и не был разрешен за все время существования комиссии.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 10. Оп.1. Д. 59.
2. Оренбургская ученая архивная комиссия. Отчет и протоколы заседаний за 1908 год. – Оренбург : Скоропечатня З. Озерьер, 1909. – 76 с.
3. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии : сборник. – Оренбург, 1902. – Вып. 9. – 208 с.
4. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии : сборник. – Оренбург, 1913. – Вып. 29. – 239 с.
5. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии : сборник. – Оренбург, 1916. – Вып. 33. – 103 с.

В. М. Крицкий

*(«Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС"»
Новотроицкий филиал, г. Новотроицк, Россия)*

Влияние Золотоордынского ига на политическое развитие Руси

Золотоордынское иго является одним из наиболее значимых этапов Средневековой Руси. Более двухсот лет продолжалась зависимость Руси от ханов, и за это время иго сумело оставить существенный отпечаток на судьбе русского народа. Для ясности картины нужно наиболее полно отобразить то, что произошло за два столетия на русской земле, и ясно представлять, как менялась Русь в экономическом, социальном, политическом и духовном устройстве и какие это повлекло за собой последствия.

Монгольское нашествие и золотоордынское иго стали одной из причин отставания русских земель от развитых стран Западной Европы. Был нанесен огромный ущерб экономическому развитию Руси. Десятки тысяч людей погиб-

ли в битвах или были угнаны в рабство. Значительная часть дохода в виде дани отправлялась в Орду. Запустели и пришли в упадок старые земледельческие центры и некогда освоенные территории. Граница земледелия отодвинулась на север, южные благодатные почвы получили название «Дикое поле».

Упрощались, а порой и исчезали многие ремесла, что тормозило создание мелкотоварного производства и, в конечном счете, задерживало экономическое развитие.

В связи с разрушением городов начался процесс отмирания вече – оплота городской демократии. В период ига на Руси в сложившихся феодальных отношениях развились традиции восточного деспотизма. Вассально-дружинные отношения были заменены подданническими. Раздавая князьям ярлыки на княжение, золотоордынские ханы превращали их не в вассалов, а в подданных «служебников».

Князья, в свою очередь, стремились распространить подобный тип отношений на местную знать, дворян, дружинников. Успеху этой политики способствовало то, что в ходе нашествия погибло большинство Рюриковичей, дружинников – носителей традиций киевского вассалитета.

В условиях ига исчезло представление о необходимости баланса прав и обязанностей. Обязанности по отношению к монголо-татарам исполнялись независимо от того, давало ли это какие-нибудь права. Это коренным образом расходилось с сословной моралью Запада, где обязанности были следствием определенных прав, предоставленных человеку. В России ценность власти стала выше, чем ценность права. Власть подчиняла себе понятия права, собственности, чести, достоинства.

Под влиянием специфически азиатских правовых норм и способов наказания у русских размывалось традиционное, родоплеменное представление о карающей власти общества и ограниченности княжеского права наказывать людей. Карающей силой стало не общество, а государство. Именно в это время Русь узнала «китайские казни»: кнут («торговую казнь»), отрезание частей лица (носа, ушей), пытки на дознании и следствии.

В целом, был прерван процесс функционирования традиций Киевской государственности. В истории Руси начался новый этап, который приведет к возвышению Московского княжеского дома и установлению основ будущего самодержавия.

В плане общегосударственном монгольские походы и золотоордынское иго породили смену внешнеполитической ориентации русских земель.

Под властью ордынцев оказался северо-восток Руси. Здесь складывалась система зависимости Руси от Орды и проявлялась в политической сфере в виде выдачи ханских грамот – ярлыков, в экономической – в уплате дани.

В землях южных, западных и частично северных складывается ориентация на Запад. Еще в середине XIII в. возникла угроза для Руси со стороны германских, датских и скандинавских рыцарей.

Крупнейший русский историк Г. В. Вернадский писал: «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Во-

стоком и Западом». В этой связи разные варианты выбора были представлены деятельностью двух русских князей – Даниила Галицкого и новгородского князя Александра, прозванного Невским.

Юго-западные русские земли, вынужденные признать зависимость от татарских ханов, в начале XIV в. стали объектом экспансии со стороны Польши, Литвы, Венгрии.

Установление власти литовских князей над западнорусскими землями происходило сравнительно мирно, поскольку условия присоединения устраивали и бояр, и горожан, и церковь. С Восточной Русью у Гедимина существовал мир. В столице государства Вильно был большой русский квартал, Гедимин не ущемлял права православной церкви. Сын Гедимина Ольгерд получил восточную часть государства, где преобладали русские земли, и продолжил политику «собирания» русских земель. Таким образом, при Гедимине и Ольгерде были присоединены западные и юго-западные русские земли, которые теперь были ограждены от ордынского вторжения.

Русский государственный опыт влиял на литовскую государственность. Русский язык был государственным языком Великого княжества Литовского. Литовцы все чаще принимали православную веру. Но в литовских землях усиливалось влияние католической церкви, что вносило разлад в отношения русского и литовского населения.

Как государство, Литва имела все шансы стать центром притяжения для северо-восточных и северо-западных русских земель. При Ольгерде (правил в 1345-1377) княжество фактически стало доминирующей державой в регионе. Он стремился утвердить свое влияние в Новгороде и Пскове. Это ему удалось лишь отчасти (вследствие соперничества Москвы). Вначале отношения Ольгерда и Москвы были мирными. Конфликт начался из-за Твери, но в это время на западных рубежах Ольгерд воевал с крестоносцами и потому не мог уделять должного внимания востоку. Крестоносцы виделись Ольгерду более серьезной угрозой, и он развязал себе руки, неожиданно предложив Дмитрию Донскому «вечный мир». Но литовские князья продолжали претендовать на объединение под своей властью восточнославянских княжеств (и в частности, Тверского, Московского, Псковской земли).

Крещение Литвы повлекло усиление польского влияния. Литва стала видеться Северо-Восточной Руси грозным противником и отступником от веры. Литва входила в сферу влияния западных государств, а Русь сосредотачивалась на внутренних задачах. Для Руси Литва стала беспокойным соседом.

Юго-западные и западные русские земли под эгидой сначала языческой, а затем католической Литвы продолжали развитие в условиях европейской традиции, но испытывали такие негативные последствия, как потеря суверенитета, национальная дискриминация, религиозное давление.

Пока в Литве терпимо относились к православным русским и литовским подданным, а также к язычникам и польское, католическое влияние не было преобладающим, до тех пор население западных русских земель платило дань литовским князьям, видя в них защиту от ордынских нашествий. Тем более, что Киев был разгромлен татарами и потерял значение политического центра, вла-

димирские князья ездили за ярлыками на княжение в Орду, Москва еще не возвысилась, а Новгород был далеко.

Но литовские князья все чаще обращались к борьбе с крестоносцами и все ближе сходились с поляками. Польское влияние выразилось в католическом проникновении на территорию Литвы, а затем и в государственное вмешательство: в дела наследия великокняжеской литовской семьи. Католичество в виде религии, церковного управления, государственного покровительства католической знати, в том числе литовской, держалось нетерпимо по отношению к православным. Поэтому, по мере возвышения Москвы, ее успехов в борьбе с татарами, русские православные стали связывать надежды с Московским княжеским домом.

Таким образом, на Руси сложилось в целом три ориентации. Восточная Русь соизмеряла свои цели с Ордой, Северная Русь (Новгород), сохраняя свои вечевые традиции, контактируя с княжеским домом, вела независимую торговлю с Западом, юго-западная Русь попала под влияние Запада (Литвы, Польши).

В заключение хотелось бы сказать, что русский народ на протяжении всей своей истории пережил немало бед, но ничто не способно сломать русский дух. Во время Золотоордынского ига было много разрухи, проявления деспотии, но и в этот раз русский народ нашёл в себе силы, чтобы подняться с колен и дать отпор врагу. Во всём этом хаосе произошло много изменений в быту, политике, экономике, духовной жизни, но нужно было извлечь лишь один, самый важный урок: по отдельности Русь слаба, а когда едина, то ее невозможно победить.

*В. А. Криченко
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)*

Экономические предпосылки японской колониальной экспансии в 30-е гг. XX века

В 30-е годы прошлого века Восточная Азия была зоной соперничества Великобритании, США, Японии, а также СССР и Франции. В современной дипломатической терминологии складывавшаяся обстановка могла быть названа многополярной. В настоящее время ситуация в регионе часто описывается этим же термином. Поэтому не только теоретическую, но практическую пользу представляет вопрос о факторах, в том числе и экономическом, влияющих на внешнюю политику Японии, на её отношения с Россией и странами региона, как одного из субъектов геополитики и в настоящее время.

Еще во время Китайской революции 1911-1913 гг., когда обсуждалась возможность интервенции в страну, выявились две линии во внешней политике Японии: одна, чьи представители являлись выразителями интересов торгово-промышленных групп, связанных проникновением в колонии и неконкурентоспособных на открытом рынке, а также военной промышленности; вторая представляла интересы концернов, ориентированных на мировой рынок. Необходимо отметить, что японская продукция отнюдь не имела того реноме, которое сложилось впоследствии. Так, в 1925 г. нарком иностранных дел Чичерин

писал: «Ни одно европейское государство не обнаруживает такой недобросовестности. Карандаши, в которых один кусочек графита с одного конца и другой кусочек графита с другого конца, – это явление чисто японское [3]».

Экономика страны имела сильные отличия от экономик других великих держав. Определяющим фактором была бедность Японии внутренними ресурсами. Так, в 1938 г. потребности за их счет удовлетворялись: в железной руде, фосфатах, свинце, калийных солях на 10-20%; в нефти, нефтепродуктах на 4-5%; в марганце, цинке, олове, поваренной соли на 5-35%; в меди, каменном угле и в хромитах на 60-80%. Полностью отсутствовали такие виды сырья как бокситы, графит, молибден. Япония ввозила 100% хлопка, пшеницы – 90%, риса – 20%, леса – 60%, сахара – 40-45% от потребности. Общий объем импорта в 1938 году равнялся 23,6 млн тонн, экспорта – 9,2 млн тонн [1]. Хотя промышленность Японии развивалась быстрее, чем в других странах (за период 1900-1937 гг. страна превосходила по приросту объема промышленной продукции США более чем в 3 раза, а Англию – более чем в 9 раз) подобные темпы объяснялись «эффектом низкой базы» – малым объемом производства в предыдущий период. Недостаток ресурсов для интенсивного развития промышленности требовал высокой эксплуатации рабочих, чья зарплата была в 6 раз меньше чем в США и в 3 – чем в Англии [5]. Кроме этого, удаленность Японии от других великих держав, догоняющий характер промышленности, внутренняя и внешняя политика и даже природная среда предопределили своеобразие экономики Японии.

Экономика Японии развивалась асинхронно европейской. Первая мировая война, заставившая страны Европы переводить промышленность на военные рельсы, привела к снижению предложения европейских товаров на мировых рынках и принудила их не только в США, но и в Японии размещать военные заказы. Экспорт страны вырос в 3,5 раза. Военное время 1914-1919 гг. было единственным периодом за 40 лет – с 1894 по 1934 гг., когда экспорт превышал импорт [4]. С окончанием войны в 1920-1922 гг. разразился кризис – на азиатский рынок возвратилась продукция воевавших стран. После бума военного времени до довоенных показателей снизилось судостроение: с 64 тыс. т водоизмещения построенных судов в 1913 г. до 611 тыс. т в 1919 г. (наивысшая точка) и до 42 тыс. т в 1927 г. Мощнейшее землетрясение 1923 г., нанесшее ущерб в 5-5,5 млрд иен, привело к крупным государственным и частным тратам – «восстановительному буму», чье положительное воздействие на японскую экономику ощущалось вплоть до «великой депрессии».

Сложным было положение в сельском хозяйстве. Снижение цены риса в 2 раза за 1921 г. и сильные колебания цен на рис и шелковые коконы снизили рентабельность сельского хозяйства. Возрастал экспорт дешевого риса из Кореи – с 11% японского рынка в 1920 г. до 31% в 1928 г. Попытки регулировать рынок не дали долговременных результатов. Значительным подспорьем в крестьянском хозяйстве был отхожий промысел – временное устройство на производство (чаще всего крестьянских девушек в текстильной промышленности). Тем не менее, уже в 1920-е годы не только многие крестьяне вели полуголодное

существование, но и заметное снижение своего жизненного уровня отмечали и помещики, особенно мелкие.

Бедность страны ресурсами определяла и высокое значение внешних захватов и военных побед для развития. Бывший германский посол в Японии В. Зольф отмечал: «Экономическое развитие Японии отмечено тремя войнами, к которым приводилось предшествующее поколение каждые 10 лет: японо-китайская война, русско-японская война и мировая война. Вся экономическая и финансовая статистика Японии показывает, что каждая из этих войн клала конец безудержной депрессии, вызванной сравнительно ничтожным развитием емкости домашнего рынка, и давала хозяйству страны новый толчок к капитализму». В 1920-е годы подобного толчка не случилось. В 1927 г. наступил банковский кризис. Одновременно в промышленности проводилась жесткая рационализация, приведшая к сокращению, только за период с 1926 по 1928 гг., численности рабочих на 9,6% [6].

В 1929 г. с США начался мировой экономический кризис. В 1930 г. он распространился на Японию. К 1931 г. стоимость экспорта страны упала вдвое. Упал экспорт готовых тканей, что через снижение занятости на ткацких фабриках крестьянских дочерей нанесло дополнительный удар по деревне. Это, а также падение цен на рис, снизило совокупную стоимость продукции сельского хозяйства с 4,3 млрд иен до 2,6 млрд иен. Совокупная стоимость промышленной продукции снизилась с 1929 по 1931 гг. с 7,4 до 5 млрд иен. Как и ранее, предприниматели видели выход в «рационализации» добавившей к 1 млн безработных еще 1-2 млн.

Сокращение золотого запаса вынудило правительство пойти на девальвацию иены. К декабрю 1931 г. обесценение иены к золоту составило 12,8%, через год – 58,4%, в ноябре 1933 г. – 61,8%. На усиление японского вывоза последовало введение таможенных барьеров другими странами. К 1934 г. внешняя торговля в основном стала делом государства. Её ограничения со стороны государственных органов привели к ситуации, напоминающей государственную монополию импорта.

И в других странах проводилась «рационализация», росла безработица и резко падали цены на продукцию и сырье. Однако эти явления происходили после начала кризиса. В Японии же эти факторы проявили себя еще до его наступления. Япония была единственной из крупных капиталистических стран, где низшая точка кризиса была достигнута в мае 1931 г. В США перелом наступил в июле 1932 г., в Англии – в 3 квартале 1932 г [2]. Это, наряду с социально-политическими последствиями, требующими отдельного рассмотрения, показывает, что запас прочности экономики, её способность выдержать дальнейшее ухудшение ситуации, без изменения экономической политики был почти полностью исчерпан.

Все это повлияло на политику японских концернов. «Новые» концерны, появившиеся в условиях военной конъюнктуры, слабо связанные с внешними рынками и нацеленные на госзаказы и торговлю с колониями, всегда были сторонниками «позитивного» (экспансионистского) курса, предполагавшего высокие военные расходы. «Старые» концерны, нацеленные на активную торговлю в

условиях свободной конкуренции на мировом рынке, оказались в ситуации, когда прежняя политика перестала быть эффективной. В условиях сильнейшей сырьевой зависимости политика автаркии также не могла быть выходом из положения. Необходим был контроль над источниками сырья и районами сбыта продукции для обеспечения экспорта. Таким образом, на смену двойственности внешней политики 1920-х пришло осознание японскими финансистами и промышленниками единственности выхода, в рамках существующей социально-экономической модели, в виде экспансии на материк, приведшей страну к вторжению в Маньчжурию, Китай и вступлению в Анतिकоминтерновский пакт.

Библиографический список

1. Больных, А. Г. Американская подводная война / А. Г. Больных // Подводная война на Тихом океане: Топи их всех / Ч. А. Локвуд // Хасимото. Потопленные. – М. : ООО "Издательство АСТ", 2001. – С. 3.
2. Варга, Е. С. Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды / Е. С. Варга. – М. : Издательство АН СССР, 1962. – С. 133, 124, 177.
3. Документы внешней политики СССР : в 21 т. / МИД СССР. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 8. – С. 382.
4. Мекинг, Л. Порты Японии в их связи с природой и экономикой страны / Л. Мекинг ; Государственное военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР. – М. ; Л., 1941. – С. 41.
5. Савин, С. А. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939-1945 / С. А. Савин. – М. : Наука, 1979. – С. 17-18.
6. Танин, О. Военно-фашистское движение в Японии / О. Танин, Е. Иоган. – М. : Партиздат, 1933. – С. 26, 95, 97-99.

Т. А. Кучма

(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Начало римской колонизации в Крыму

Во второй половине I в. до н. э. – до 4 в. н. э. в Северном Причерноморье начинается период влияния Римской империи. К этому моменту Римская республика превращается в сильнейшую средиземноморскую империю. После 63 г. до н. э. римляне вводят постоянные войска в Боспорское царство. Здесь они защищали местных жителей от скифских набегов и набегов других кочевых племён. В разные периоды истории римские гарнизоны состояли из отрядов V Македонского, XI Клавдиева, I Итальянского легионов, а также солдат из вспомогательных подразделений. Кроме этого, в Крыму появился и римский военный флот, представленный кораблями Равеннской эскадры. После ввода римских войск в государство восстанавливается былой порядок, начинается новый экономический подъем, увеличивается экспорт хлеба, рыбы, скота. В Боспор импортировалось вино в амфорах, оливковое масло, стеклянная, краснолаковая и бронзовая посуда, предметы роскоши [1; 10-27].

На окраине империи в Крыму римляне построили свои выдающиеся материальные памятники. Присутствие римского гарнизона в Херсонесе обеспечило ему водопровод, проведенный от источников, расположенных за 8-9 км от города; у Караньских высот построили общественные термы, галереи и залы для отдыха и бесед, площадки для гимнастических упражнений, появились латрины – туалеты с проточной водой и индивидуальные палочки с губками (для каждого солдата), амфитеатры и цирки для гладиаторских боев. Но мы сегодня видим лишь малую долю памятников, сохранившихся до наших дней. Современная Балаклава тоже была местом размещения римских войск, здесь был раскопан римский храм, в котором найдены алтари с надписями-посвящениями, сделанные римскими солдатами для божеств: Юпитеру Долихену, Геркулесу и Вулкану [4].

Харакс – римский город-крепость на мысе Ай-То-дор в 8,5 км от Ялты; с середины I в. н. э. – римская крепость, в которой находился отряд моряков Равенской эскадры, во II в. гарнизон солдат I Италийского, а позднее XI Клавдиева легионов [2; 250-290]. Используя таврские укрепления, римляне дополнительно возвели внутреннюю оборонительную стену, построили цистерны для воды с мозаичным полом, водопровод из глиняных труб, обширные термы. За крепостными стенами – святилище бенефициариев (солдат дорожной службы) и некрополь III-IV вв., подтверждающий то, что город продолжал жить после эвакуации римского гарнизона в III в. За внешними оборонительными стенами обнаружены развалины жилых зданий, в которых проживали ремесленники и торговцы из числа местного населения [3; 1-40]. Знаменитая дорога – «Via Militaris» – военная дорога, которую римляне построили между Хараксом и Херсонесом (Севастополь) для зимнего сообщения между городами. Она шла через перевал Чёртова лестница в Байдарскую долину и далее в Симболон (Балаклаву) и Херсонес.

После середины III в. н. э. в связи с тяжёлыми войнами с варварами на границах Империи, римляне вывели свои гарнизоны из Крыма. Однако отрывочные надписи, найденные в Херсонесе, свидетельствуют о пребывании здесь с конца III в. и в IV в. н.э. отдельных подразделений римской армии. Римляне оставили глубокий след в истории Крыма – это материальное и духовное наследие: архитектурные памятники в Херсонесе, крепость Харакс, военную дорогу «Via Militaris» и многое другое. Именно с пребыванием римлян в Крыму связано распространение христианства, сюда отправляли на каторжные работы в Инкерманские каменоломни ранних христиан. Среди них был Климент I (IV – Папа Римский), здесь он проповедовал христианство и принял мученическую смерть (около 101 г. н. э.) он один из первых православных святых, который широко почитался в Древней Руси.

Библиографический список

1. Андреев, А. Р. История Крыма / А. Р. Андреев. – М. : Изд-во Белый волк, 2002. – 97 с.

2. Блаватский, В. Д. Харакс / В. Д. Блаватский. – М. : Изд-во МИА, 1951. – № 19. – С. 250-291.

3. Дьяков, В. Н. Древности Ай-Тодора / В. Н. Дьяков. – Ялта : Изд-во Крымполиграфтрест, 1930. – 40 с.

4. Масыкин, В. В. Римляне в Крыму [Электронный ресурс] / В. В. Масыкин. – Режим доступа : <http://www.crimeagold.com.ua/peoples/rimlyane.htm>.

Е. Д. Мордвицева
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Социальный аспект реформ С. Ю. Витте в отечественной историографии советского периода

В начале XXI столетия активизируется переосмысление основных исторических концепций и программ социального развития России, а также социальных последствий реформ известных государственных деятелей, среди которых С. Ю. Витте принадлежит особое место.

С начала 20-х гг. XX века в отечественной историографии формируется негативное отношение исследователей к деятельности С. Ю. Витте. Большое внимание советские историки уделяли отношению реформатора к рабочему вопросу. В этот период значительное влияние на отечественную историографию оказывают публицистические статьи социал-демократов М. Г. Лунца и Г. В. Балицкого, полностью отрицавших возможность решения рабочего вопроса в рамках существовавшего буржуазного строя. В их исследованиях фабричное законодательство трактуется исключительно как «вынужденная подачка, сделанная самодержавием под натиском классовой борьбы пролетариата».

Ориентируясь на точку зрения В. И. Ленина, историки стремились показать роль государства в «жестокое подавлении интересов трудящихся». Так, историк И. Ф. Гиндин в своих трудах рассматривает политику социально-экономических реформ С. Ю. Витте как «глубоко противоречивую в её попытках совместить развитие капиталистических отношений с сохранением крепостнических пережитков». Д. П. Погребинский отмечает, что С. Ю. Витте в первую очередь стремился сочетать реформы с общими задачами самодержавного государства.

В 1970-80-е гг. внимание исследователей приковано к социальным проблемам рабочего класса Российской империи, что вполне соответствовало требованиям государственной идеологии. В этой сфере выделяются труды Б. В. Ананьича, В. Я. Лаверычева, Л. Е. Шепелева, которые в связи с разработкой социально-экономической политики царизма обратили внимание на инициативы правительства в сфере фабрично-заводского законодательства и повышения уровня жизни населения.

Социальные аспекты реформ С. Ю. Витте затронуты в исследовании Л. Е. Шепелева «Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.». Историк в своём труде приходит к выводу, что социальная концепция реформ имела ре-

альные основания в деятельности предшествующих министров финансов (Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского).

Социальные аспекты аграрной политики реформатора были отражены в работах Е. М. Брусникина и М. С. Симоновой. В исследовании М. С. Симоновой показано, что для Витте характерно значительное преувеличение роли правовых реформ в деле преобразований социально-экономических отношений в России.

Однако социальные аспекты реформ С. Ю. Витте в советской историографии так и не стали самостоятельным объектом исследования. На протяжении нескольких десятилетий их изучение носило заданный характер. Позже эта сторона вопроса будет обозначена в трудах историков конца 1980-х – начала 1990-х гг. В это время социальный опыт реформирования современной России делает все более актуальными идеи и социальные результаты деятельности С. Ю. Витте.

Э. Н. Мухаметова

*(«Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС"»
Новотроицкий филиал, г. Новотроицк, Россия)*

Освоение Сибири

История присоединения Сибири к России – это история героических подвигов и славных дел русских землепроходцев, промышленных и служилых людей, это история мужества, отваги и настойчивости русского народа.

Уже к началу XVII в. была освоена значительная часть Западной Сибири, а затем началось продвижение в Восточную Сибирь и Приамурье. В 1604 г. в верховьях р. Оби был основан Томск, в 1619 г. в верховьях р. Енисей – Енисейск, в 1628 г. – Красноярск.

В 1630-1640-е гг. активно осваивался район оз. Байкал: Братский острог (1630), Верхоленинск (1642), Верхнеудинск (1647), Верхнеангарск (1647), Баргузин (1648), Иркутск (1652). Одновременно отряды служилых людей и промышленники («охочие люди») продвигались в северо-восточном направлении. На р. Лене и ее притоках возникли русские поселения: Якутск (1632), Жиганск (1632), Вилюйск (1634), Олекминск (1635).

Особенно усилился этот процесс в 1630-1640-е годы. Инициаторами дальнейшего освоения Сибири были промышленники, охотники за пушниной. Большинство этих людей были выходцами с российского Севера. За первыми землепроходцами, осваивающими сибирские просторы, по их следам отправлялись отряды служилых людей, которые строили укрепления, облагали ясаком коренное население. Впоследствии многие из этих острогов становились небольшими городами, из которых отправлялись на восток, север и юг необъятного сибирского края новые землепроходцы.

Освоение Восточной Сибири шло двумя потоками, один из которых направлялся с Енисея на р. Лену и далее, на северо-восток, с выходом к концу века на Камчатку, а другой – «южный» – привел к освоению Прибайкалья и

Приамурья. В основных чертах процесс освоения Сибири был завершен к середине XVII в., а к началу следующего русские поселения существовали уже в северо-западной части Американского континента.

К концу 1640-х годов русские служилые люди и промышленники вышли к берегам Охотского моря (в 1649 г. основан Охотск) и достигли Чукотки (в том же 1649 г. построен Анадырский острог). С середины XVII в. одновременно началось сначала обследование, а потом и заселение Камчатки и Чукотки. В 1648-1650 гг. С. И. Дежнев совершил знаменитое плавание вокруг Чукотки, в ходе которого был открыт неизвестный до того пролив, соединяющий Азию с Америкой, в дальнейшем названный Беринговым. К этому времени, по-видимому, относятся первые русские поселения в Северной Америке (на Аляске). В конце XVII в. экспедицией В. В. Атласова (1697-1699 гг.) началось освоение Камчатки и Курильских островов.

В середине века русские землепроходцы прошли по северным рекам вдоль побережья Северного ледовитого океана: р. Яне (в 1638 г. основан Верхоянск), р. Индигирке (в 1639 г. основан Зашиверск), р. Колыме (в 1644 г. основан Нижнеколымск). В сферу влияния русской культуры попадали многие разобщенные и слабо развитые коренные народы Сибири.

Параллельно с движением на северо-восток шло продвижение «охочих людей» на юго-восток: в Прибайкалье и Приамурье. В 1643-1646 гг. экспедицией под руководством В. Д. Пояркова был обследован Амур. В 1649-1653 гг. экспедиция Е. П. Хабарова исследовала Приамурье, здесь появилось русское земледельческое население. Освоение Амура и проникновение в Приморье были остановлены маньчжурами и китайцами. После разрушения ими (1685 г.) Албазина, русского опорного пункта в Приморье, построенного в 1665 г., и подписания Нерчинского договора (1689 г.) Россия до середины XIX в. отказалась от претензий на юг Дальнего Востока.

В верховьях рек Тобол, Ишим и Иртыш, а также рек Обь и Томь жили сибирские татары, на левобережье р. Тобол – манси (вогулы), низовья р. Обь занимали ханты (остяки). В правобережье р. Енисей (бассейн рр. Нижняя, Средняя и Верхняя Тунгуски) обитали эвенки (тунгусы). Бассейн р. Лены занимали якуты, по рр. Яне, Индигирке и Колыме жили юкагиры (одулы). Чукотский полуостров (по р. Анадырю) занимали чукчи. Южную часть Восточной Сибири населяли буряты (район оз. Байкал), дауры (левобережье р. Амур) и др.

Все они имели различный жизненный уклад, в целом намного более отсталый по сравнению с Европейской Россией.

Нельзя сказать, что коренные народы Сибири безучастно смотрели на заселение русскими их земель. Местное население неоднократно поднималось на восстания против российской правительственной колонизации. Только за период с 1590 г. по 1617 г. исследователи насчитали не менее 30 вооруженных столкновений служилых людей с народами Западной Сибири. Вместе с тем необходимо отметить, что московское правительство в случае возникновения спорных вопросов «русских насельников» с местными народами обычно становилось на сторону последних.

Присоединение Сибири не только значительно расширило границы России, но и изменило ее геополитический статус.

Благодаря присоединению Сибири, Россия смогла узнать о несметном количестве сибирских полезных ископаемых, которые в дальнейшем стали обеспечивать всю страну в целом. За Уралом были открыты месторождения поваренной соли и т. д. Еще большую заинтересованность проявляло московское правительство к нахождению в Сибири руд цветных металлов и особенно серебра.

Надо отдать должное всем русским землепроходцам, которые так или иначе участвовали в открытии Сибири. Благодаря им такая огромная и богатая территория примкнула к России, весь мир узнал о Сибири. Около столетия западноевропейские географы черпали сведения о Северной Азии практически лишь из тех материалов, которые смогли получить в России, переносили на свои карты, взятые из русских чертежей, географические названия.

Е. В. Нижник

(МАУК «Орский краеведческий музей», г. Орск, Россия)

Судьбы германских и австро-венгерских подданных польского происхождения, депортированных в Оренбургскую губернию в годы Первой мировой войны

Вскоре после начала Первой мировой войны в России, как и в других воюющих странах, неприятельские подданные, проживавшие на территории страны, были включены в разряд неблагонадёжных лиц. Одной из репрессивных мер по отношению к ним стало принудительное задержание и переселение во внутренние губернии империи. Высочайший указ от 2 августа 1914 г. предписывал «задержать подданных неприятельских государств ... в качестве военнопленных» [7]. Действие указа распространялось на мужчин в возрасте от 18 до 45 лет (с 27 августа 1914 г. – от 17 до 45 лет). При этом все иностранные военнослужащие подлежали аресту. Остальные мужчины призывного возраста, которых в документах стали называть «военнообязанными», подлежали высылке во внутренние районы страны. Одним из них стала Оренбургская губерния.

Оренбургский историк В. Г. Семёнов приводит следующие данные: на осень 1914 г. в губернии было размещено 8759 военнопленных, в том числе в Орском уезде – 1656 чел. При этом он уточняет, что «учтены лишь главы семей» [11]. Скорее всего, эти цифры относятся не к военнопленным, а к военнообязанным. Сколько из них проживало в годы войны непосредственно в Орске, сказать пока трудно.

Неблагоприятные условия жизни, недостаточное питание, суровый климат и другие факторы способствовали снижению сопротивляемости к заболеваниям. По метрическим книгам орских церквей за 1914-1917 гг. выявлена смерть 3 военнообязанных: двое из них умерли от туберкулеза и воспалительного заболевания мозга, а третий, германский подданный, поляк Ч. Люкерский 21 мая 1915 г. утонул в р. Урал [1]. Статус подданных враждебной державы со-

здавал многие житейские трудности. Для военнообязанных большой проблемой было трудоустройство. Известны источники существования лишь нескольких военнообязанных: Л. Тарновский в 1919 г. занимал должность техника, В. Гетман работал бухгалтером (оба уроженцы Варшавы), К. Трау занимался врачебной практикой.

События Октября 1917 г., обеспечившие приход к власти партии большевиков, положили начало новому этапу политики в отношении иностранных граждан. После заключения Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. военнопленные и военнообязанные получили право вернуться на родину. Однако развернувшаяся гражданская война сделала невозможным выезд из Орска. Иностранцы разделили участь местных жителей. В июле – сентябре 1918 г., когда Орск оказался в осаде белоказацких отрядов, в метрических книгах зафиксирована гибель 12 человек, убитых в результате «красноармейского самосуда». В их числе были и 4 военнообязанных, убитых 17 июля (по ст. ст.). Один из них – 24-летний Ян Франэк [2].

Часть военнообязанных к 1918 г. успела завязать дружеские и матримониальные отношения с орскими семьями. С июня 1918 по июнь 1919 гг. фамилии нескольких военнообязанных то и дело встречаются в метрических книгах орских церквей либо в качестве женихов, либо поручителей на бракосочетаниях. Так, в этот период женились на местных девушках 7 военнообязанных, среди которых 4 польского происхождения: В. Гетман, Б. Пшибышевский, К. Трау, Л. Тарновский [3]. Эти же военнообязанные, а также М. Ручка и Э. Хентковский были поручителями на бракосочетаниях своих знакомых не только из числа военнообязанных, но и российских граждан.

По метрическим книгам можно проследить, как менялся статус военнообязанных: начиная с 1919 г. некоторые германские подданные упоминаются уже как граждане Польского государства (например, Б. Пшибышевский и Э. Хентковский).

После окончания боевых действий на территории Орского уезда в сентябре 1919 г. в городе было создано уездное управление Коллегии по делам пленных и беженцев (Пленбеж), которое занялось возвращением бывших пленных и интернированных. Не все, пережившие мировую и гражданскую войны, вернулись домой. Продолжающаяся эпидемия тифа в 1919-1920 гг. унесла жизни двоих бывших военнообязанных, одним из которых был В. Гетман [4]. Последние иностранные граждане покинули Оренбуржье только в конце 1921 г.

Наиболее известным в Орске военнообязанным был Болеслав Пшибышевский (22 февраля 1892 г., Берлин – 21 августа 1937 г., Москва), незаконный сын польского писателя Станіслава Фэликса Пшибышевского и Марфы Фердер. После смерти матери в 1896 г. воспитывался бабушкой по отцу, учился в Варшавской консерватории. Во время первой мировой войны, как германский подданный, выслан в Орск [5]. 14 октября (ст. ст.) 1918 г. Б. Пшибышевский женился на 18-летней Э. Нидеккер, дочери подполковника в запасе [3]. После отступления казачьих частей в августе 1919 г. остался в городе. В январе 1920 г. Болеслав Станиславович выступил в местной печати с письмом, в котором он протестует «против пошлых и уличных ругательств», направленных по адресу

отца [9]. Одна из первых комсомолок Орска вспоминала: «Возникла у нас было идея организовать в клубе под пасху танцы, но потом мы решили устроить вечер-концерт с декламацией. В это время в Орске проживал замечательный пианист Пшебышевский. Говорили, что он сын знаменитого польского писателя. Мы его попросили взять на себя подготовку музыкально-художественной части вечера и вести музыкальную программу в предпасхальную ночь» [10]. В том же 1920 г. он уехал в Москву, вступил в ВКП(б), преподавал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. С 1929 г. был директором Московской консерватории. На этом посту Б. Пшибышевский произвёл ряд реформ, значительно сократив теоретические предметы и музыкальные занятия и уделив основное внимание политэкономическим курсам [5]. В 1933 г. был исключён из партии, арестован и приговорён к заключению, которое отбывал с декабря 1933 г. по 7 января 1936 г. в Беломоро-Балтийском ИТЛ НКВД. Вновь арестован 1 марта 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР, 21 августа 1937 г. приговорен к расстрелу по обвинению в шпионаже и подготовке террористического акта (приговор приведен в исполнение в тот же день) [8]. Реабилитирован 15 сентября 1956 г.

Многим в Орске был известен Кароль (Карл) Трау (1892-?), австрийский подданный из г. Львова, занимавшийся медицинской практикой. В январе 1919 г. он породнился с Пшебышевским, женившись на О. Э. Нидеккер, двоюродной сестре его жены [3]. В 1919 г. он работал городским врачом, невзирая на смену власти. В ноябре 1919 г., когда кроме тифозных красноармейцев, переполнявших все лечебные заведения Орска, в городе оказалось более 5 тыс. больных тифом горожан, заурядврач Трау стал одним из двоих врачей, которые обслуживали гражданское население [6]. В 1920 г. он продолжал заниматься врачебной деятельностью. По свидетельству родственников О. Э. Нидеккер, в 1930-е гг. он уехал вместе с женой во Львов [12].

Библиографический список

1. Архив Орского ЗАГСа. Метрические книги. – Т. 11. Лл. 49 об, 50.
2. Архив Орского ЗАГСа. Метрические книги. – Т. 14. Лл. 83 об – 85.
3. Архив Орского ЗАГСа. Метрические книги. – Т. 14. Лл. 47 об, 53 об ; Т. 16. Лл. 110 об, 233 об.
4. Архив Орского ЗАГСа. Книги регистрации о смерти. – Т. 3. (1920 г.) Л. 43.
5. Википедия. Пшибышевский, Болеслав Станиславович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://ru.wikipedia.org/wiki/Пшибышевский,_ Болеслав_Станиславович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Пшибышевский,_Болеслав_Станиславович).
6. ГАОО. Ф. Р-1. Оп.1. Д.32. Л.132.
7. Гурьянова, С. И. «Вятский плен» германских и австро-венгерских подданных (1914-1916 гг.) / С. И. Гурьянова // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 4. – С. 17.
8. Жертвы политического террора. Б. С. Пшибышевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lists.memo.ru/index16.htm>.

9. Известия Орского укома ВКП(б) и Орского уисполкома. – 1920. – 15 января (№ 15). – С. 4.

10. Научный архив Орского краеведческого музея. – Р.101. Д. 34. (Воспоминания Е. Чебановой).

11. Семёнов, В. Г. Военнопленные в Оренбургской губернии / В. Г. Семёнов // Этнопанорама. – 2001. – № 2. – С. 71.

12. Эдуард Людвигович Нидеккер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.niedecker.narod.ru/Eduard_L.html.

Е. С. Николаева
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Остракизм как политический институт Афинского полиса VI-V вв. до н. э.

В настоящее время в истории античности усиливается нарастание интереса изучения политических институтов древнегреческой демократии. Это связано с тем, что истоки и аналоги многих политических, философских, этических проблем современности лежат глубоко внутри политических институтов государства. В последние годы процесс изучения этого феномена заметно оживился и в России: в условиях воссоздания в нашей стране ряда демократических институтов изучение античной демократии приобрело особую актуальность.

Важнейшим институтом древнегреческой демократии являлся *остракизм* – внесудебное изгнание по политическим мотивам влиятельных граждан полиса на фиксированный срок (10 лет), без ограничения в гражданских (и также имущественных) правах с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании (с использованием надписанных глиняных черепков) [4].

Афинский реформатор Клисфен в конце VI в. до н. э. издал закон об остракизме. Он учредил процедуру, которая должна была быть мягкой и гуманной, и сделал всё, чтобы не допустить злоупотребления ею. Для этого он ввел необходимое число голосов, чтобы «остракофория» была признана состоявшейся, а это препятствовало, в свою очередь, вынесению необдуманных действий. Им также была введена санкция, которая носила временный характер (десятилетнее изгнание без «атимии» – лишения гражданских прав и конфискации имущества) [2]. Остракизм ежегодно напоминал о себе элите полиса посредством прохиротонии (предварительное голосование), сдерживавшей политических лидеров и служившей оружием в борьбе против тирании.

Остракизм – явление необычное, оно предусматривало изгнание не за какое-то совершенное человеком деяние, а в «профилактических» целях, чтобы не допускать и мысли совершения такого деяния в будущем (например, захвата влиятельным лицом единоличной, тиранической власти). Остракизм нельзя считать наказанием. Ведь, как известно в истории, не может быть наказания без преступления – «*nulla poena sine crimine*». Остракизм – «лекарство» от тирании. Как у любого политического явления, у него тоже существуют негативные и

позитивные оценки. По мнению Дж. Кэмпбелла, остракизм – идея, в принципе, хорошая, но нереальная. В основном влиятельные политические деятели использовали его как орудие для устранения соперников. Р. Томсен, наоборот, указывает, что остракизм – эффективный инструмент разрешения политических конфликтов мирным, бескровным путем. Он вносит стабильность в афинскую демократию. Несколько пренебрежительно оценивал остракизм выдающийся российский историк-антиковед С. Я. Лурье, полагавший, что этот институт «основан на наивной вере во всемогущество великих людей, то есть на «антропологической триаде» [3]. Римские авторы, такие как Цицерон, Корнелий Непот, Мусоний Руф, оценивали данный политический институт с негативной точки зрения. Они утверждали, что он выражает бессмысленную зависть, ненависть и неблагодарность жителей афинского полиса к своим полководцам и политическим деятелям. В Византии же, хотя и об этом институте уже мало что помнили, передавали его сущность с большим искажением, подчеркивая несправедливость и бесчеловечность такой меры, как изгнание выдающихся людей фактически за их заслуги и достоинства, а не за пороки.

Исходя из вышеизложенного, на феномен остракизма существуют два основных взгляда: с точки зрения индивида и с точки зрения гражданской общины, коллектива, государства. Естественно, что эти взгляды не совпадают. С точки зрения индивида аристократическая личность в условиях демократии не может оценить остракизм иначе, как отрицательно, так как именно по ней в первую очередь наносит удар данная процедура. С других позиций смотрит на остракизм Аристотель: он выражает интересы полиса в целом и в результате приходит к выводу, что, «каким бы ни был этот институт, но в нем есть необходимость и правомерность, пусть в нем и есть недостатки и недоработки, но всё же он позволяет защищать целое от «несоразмерности» отдельных его частей, то есть остракизм создан для противостояния индивидуалистическим тенденциям, направленным на подрыв полисного коллективизма» [1].

Важно знать, что возникновение остракизма возможно лишь в полисных рамках, причем в определенных исторических условиях, когда существует борьба индивидуалистической и коллективистской тенденций. Остракизм являлся воплощением коллективистской тенденции, являясь порождением полиса, как утверждал И. Е. Суриков, посвятивший данной теме не одну работу [4]. Афиняне самостоятельно подвергали политических деятелей остракизму, «дабы десять лет не слышать его голоса». В условиях политической жизни полиса с его прямым народоправством и отсутствием средств массовой информации важную роль играла устная коммуникация: именно на ее уровне и происходило общение лидеров, членов элиты с массой демоса. Афины V в. до н. э. были миром устного, а не письменного слова. В подобной ситуации единственным по-настоящему эффективным способом обезвредить политического противника было удаление его из общины, и только таким образом можно было пресечь его контакты с жителями афинского полиса, но зато это средство оказывалось действующим безошибочно: стоило политику оказаться за пределами полисной территории, как он сразу же терял всякую возможность оказывать влияние на политическую жизнь.

Как бы то ни было, остракизм – порождение греческого правосознания и греческого менталитета. У римлян ничего подобного мы не найдем, равно как и у других народов как древнего мира, так и иных исторических эпох. Остракизм представляется нам уникально греческим явлением, не имеющим близких аналогов в прочих цивилизациях.

Говоря о различиях современной (российской) и древнегреческой демократии, необходимо обращать внимание на то, что в нашей политической системе слабо прослеживается принцип ответственности депутатов перед избирателями. Современная демократия – это демократия либеральная, ставящая во главу угла права и свободы личности. Античная была коллективистской: она в первую очередь принимала во внимание интересы государства, а отдельные индивиды должны быть готовы на жертвы во имя этих интересов.

Современная европейская демократия, основанная на идеализированных древнегреческих образцах, на самом деле очень мало похожа на афинскую. Сегодня нет даже единства мнений о том, каковы основные черты демократии в Европе. Теоретически демократия должна способствовать процветанию всех добродетелей: от свободы, справедливости и равенства до правопорядка, уважения прав человека, принципа политического плюрализма и гражданского общества. Однако реальные политические системы современных западных государств, называемых демократическими, лишь в очень малой степени воплощают в себе эти идеальные черты. Основным недостатком афинской демократии – манипуляция общественным мнением – был перенят и развит современными политиками Запада. Европейские и американские средства массовой информации не только позволяют убеждать своих граждан, что они живут в самом лучшем и свободном из обществ, но и навязывать свои идеалы всему остальному миру. Исторический опыт античной демократии, несомненно, должен учитываться в наше время, но необходимо принимать во внимание особенности и ценности современной цивилизации.

Библиографический список

1. Аристотель. Афинская пролития (Античная демократия в свидетельствах современников) / Аристотель. – М. : 1996. – 240 с.
2. Карпюк, С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах / С. Г. Карпюк // Вестник древней истории. – 1986. – № 1.
3. Лурье, С. Я. История античной общественной мысли: общественные группировки и умственные движения в эллинском мире / С. Я. Лурье. – М. ; Л., 1929.
4. Суриков, И. Е. Остракизм в Афинах / И. Е. Суриков. – М., 2006.

Греческая колонизация Северного Причерноморья и Крыма

Выдающееся значение в мировой истории имело античное общество, его культура. Многочисленные достижения времен античности в разнообразных отраслях человеческой деятельности вошли составной частью в основу мировой культуры, в частности в философию, искусство, архитектуру, литературу, театр и т. д. Без фундамента, который заложила древняя Греция, не было бы современного мира.

Именно поэтому большой интерес представляет история античных северопричерноморских государств, которые были органической частью античного мира и развились в контакте с городами его основных территорий в Восточном Средиземноморье, материковой и островной Греции.

Первые античные поселения появились на северном побережье Черного моря 2500 лет назад. Установление тесных взаимосвязей с местным населением обусловило возникновение важных особенностей в политическом, экономическом и культурном развитии античных государств этой территории.

В свою очередь, античные города Северного Причерноморья сыграли большую положительную роль в появлении и развитии новых черт быта и культуры причерноморских племен. Преимущественно через эти города проходили контакты местного населения со всем миром. Благодаря греческой торговле, ремеслам, искусству местные племена познакомились с достижениями античной культуры, элементы которой нашли у них широкое распространение. Искусство греческих мастеров, живших в северопричерноморских городах, сохранило для нас образцы рядовых жителей Таврики и Северного Причерноморья, образцы высочайшего мастерства.

Заселение греками Северного Причерноморья было закономерным следствием относительного перенаселения Греции, и часть населения вынуждена была отправляться на поиски новых земель. Кроме того, определенное значение имел военный фактор. В ряде случаев вражеские нашествия на греческие города и их разорение также принуждали жителей иногда целых полисов переселяться в другие местности.

Еще одна группа причин Великой греческой колонизации – это причины социального характера. Обедневшие общинники-крестьяне вынуждены были покидать заложенные за долги участки земли. Поэтому единственным выходом для них мог быть только отъезд на чужбину. Для городов архаической Греции, которые со временем перерастали в крупные экономические центры и в которых торговля становилась одной из ведущих отраслей экономики, важной причиной колонизации было стремление торговцев этих городов закрепиться на путях в иноземные страны. Только в колониях, тесно связанных со своими метрополиями экономическими, политическими, социальными и культурными узами, торговцы чувствовали себя под защитой.

В Северное Причерноморье греков влекли плодородные почвы, богатый растительный и животный мир, изобилие рыбы, особый интерес представляли гавани, подходящие для мореплавания и торговли. Край оказался таким привлекательным, что эллины не побоялись его отдаленности, относительной суровости климата, ни даже враждебности части местного населения.

Основание колоний происходило, как правило, организовано. Обычно метрополия назначала или сами колонисты выбирали руководителя переселения – ойкиста, основной задачей которого было распределение земельных участков на месте нового поселения.

Развитию новых городов способствовала и активная торговля. В то время в Греции наблюдался прирост населения и увеличивалось количество городов с довольно развитыми ремеслами, которые требовали регулярного обеспечения их продовольствием и сырьём. Освоение новых земель могло не только удовлетворить эти потребности, но и позволить продавать ремесленные изделия, некоторые виды сельскохозяйственной продукции греческих городов.

Заселение греками Причерноморья происходило постепенно. Заселялось, в основном, морское побережье. Иногда переселения находились в прямой видимости одно от другого. Античные города и поселения были сосредоточены в районе Боспора Киммерийского (Керченский полуостров) с наиболее крупными городами Пантикопей (Керчь) и Феодосия: в районе Западного Крыма – с основным центром Херсонес (Свастополь), также в Северном Причерноморье (Ольвия, современный Очаков).

Прибавочный продукт, производимый полисами в Причерноморье, реализовывался на греческих рынках, и эта торговля способствовала дальнейшему разложению первобытнообщинных отношений, углублению дифференциации, развитию товарного производства. Разноплеменной конгломерат Причерноморья активно вовлекался в торговый обмен с Элладой.

Под влиянием спроса на хлеб наблюдалось оседание скотоводческих племен и рост земледельческих поселений вокруг греческих городов в III-IV вв. Именно античные традиции обусловили экономическую специализацию региона и в последующие эпохи. Это – земледельческое освоение, хлебный экспорт, виноделие. Благодаря древнегреческим поселенцам племена скифов, меотов, тавров знакомились с передовыми культурными достижениями и хозяйственными технологиями, древнегреческими нормами общежития.

Сложные политические взаимоотношения с греческими полисами в некоторых случаях форсируют возникновение местной государственности. Таким образом, влияние греков ускорило распад родоплеменных отношений в среде местного населения, что закладывало определенную почву для становления государственности.

Центром античной цивилизации в Северном Причерноморье было западное побережье Крыма. Самым большим городом здесь был Херсонес Таврический, основанный в 422-421 годах до нашей эры выходцами из дорийского города Гераклея Понтийская. Он находился в юго-западной части Крыма, на западной окраине современного Севастополя, на берегу Карантинной гавани.

Со времени своего возникновения Херсонес находился, в отличие от других античных городов Крыма, во враждебном окружении: в горах – племена тавров-скотоводов, в степях Крыма – кочевых скифов. Поэтому херсонесцам пришлось укреплять не только город, но и его сельскохозяйственную округу. Напряженная обстановка сдерживала установление экономических связей Херсонеса с местным населением Крыма. Поэтому хозяйственной основой Херсонеса стало собственное развитие многоотраслевого сельского хозяйства, а со временем и ремесла.

Херсонес развивался достаточно быстро, его жители осваивали все новые и новые участки земли. На этих участках до 50% площади занимали виноградники; зерновых культур выращивали сравнительно мало. Каждый такой участок (клер) имел усадьбу.

В состав полиса после ослабления Скифского государства вошли земли северно-западного Крыма, в том числе Керкинитида (на месте современной Евпатории) – античный город, основанный в конце IV века до нашей эры. Возникли новый город Калос Лимен (на месте современного поселка Черноморское) и целый ряд поселений различного типа. Эти поселения снабжали Херсонес хлебом, в котором жители города очень нуждались.

Наряду с сельским хозяйством развивались ремесла: ткацкое, керамическое, металлообрабатывающее. Значительное место принадлежало гончарному производству. Во время раскопок в Херсонесе обнаружено несколько керамических мастерских, в которых изготавливались амфоры, столовая и кухонная посуда, художественная керамика. Развивались также морское рыболовство, рыбозасолочное производство, соляной промысел. Вино, рыба, соль и некоторые другие продукты были основными товарами, которыми город торговал с соседними народами.

В начале V века до нашей эры Херсонес начал чеканить собственную мелкую серебряную монету. В городе, имевшем прямоугольную систему планировки, были построены храмы, театр и ряд других монументальных сооружений. Его окружала система мощных оборонительных стен с крепостными воротами и башнями.

Городом-государством управляли знатные и богатые граждане. Верховными органами были народное собрание и совет, которые решали важнейшие вопросы.

Особенностью Херсонеса, выделявшей его среди городов-государств Крыма, было наличие в нем должностного лица, которое называли басилевсом (царем). Важное значение имела коллегия архонтов. Исполнительную власть осуществляли различные коллегии: номофилаков – «стражей законов», контролировавших исполнение государственных законов и постановлений; симнамонов, исполнявших обязанности глашатаев и следивших за высеканием соответствующих текстов на каменных плитах.

Таким образом, греческая цивилизация оказала огромное влияние на древние общества, заложила отправные точки для их развития. Технические, хозяйственные и культурные достижения греческого мира, а также его социальные отношения оказывали на них глубокое и всестороннее воздействие.

История восстания декабристов в романе А. Дюма «Записки учителя фехтования»

Мастер исторического романтического романа А. Дюма-отец начал свой путь в мировую литературу произведением «Записки учителя фехтования, или восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге» (1840). Французский писатель взялся за освещение важного в истории России события – восстания декабристов в 1825 г.

Очевидно, что это авторский взгляд на события, о которых Дюма мог только услышать, а скорее, всего лишь прочитать. Анализ романа «Записки учителя фехтования» позволяет сопоставить сюжет произведения с историческими событиями в России XIX в. При сопоставлении выявляется ряд исторических нелепостей и фактических ошибок. Например, Дюма превращает графа Анненкова в графа Ванинкова («comte Waninkoff»). Также многие моменты суровой жизни Анненкова с точностью наоборот искажены Александром Дюма, дабы смягчить жестокость подлинной истории. Так, холодная и важная барыня А. П. Анненкова, не хотевшая знать своего сына-«преступника», превращается у Дюма в сердобольную мать, не знающую, чем облегчить участь родного страдальца и его самоотверженной подруги. Полину Гёбль сопровождает у Дюма в Сибирь царский фельдъегерь, оказывающий ей всевозможные услуги; Анненков оказывается, по Дюма, ссыльным «в Козлове, маленьком селе на Иртыше», вместо того, чтобы быть каторжным в Чите.

Николай I, вынося приговор декабристам, обрекал их на полное забвение, а Дюма в своем романе отменил этот приговор для одного из декабристов и этим привлек внимание к судьбе всех остальных. Дюма изображает сцену казни декабристов, наполняя ее героическим пафосом, что было крайне неприятно для Николая. Дюма пишет: «...За несколько минут до четырех часов возле крепости вспыхнул большой костер, привлекающий мое внимание. Туман стал рассеиваться, и я увидел на фоне неба силуэты пяти виселиц. Сразу же после этого вывели приговоренных к ссылке. Все они были в парадной форме, при орденах. Солдаты несли за ними шпаги. Затем были приведены пять смертников в серых балахонах с белыми капюшонами. Им разрешили поцеловать друг друга. К осужденным на смерть приблизился палач, накинул капюшоны им на голову и надел на шею веревку. В эту минуту часы в крепости пробили четыре раза. Еще не замолкли куранты, как из-под ног у осужденных была выбита доска, на которой они стояли. Вслед за этим раздался какой-то грохот. Солдаты подбежали к эшафоту, слышались неясные крики, и мне почудилось, что вспыхнул бунт. Оказалось, что веревки, на которых висели двое повешенных, оборвались, и они свалились в открывшиеся при этом люки, один сломал себе бедро, а другой – руку. Это и было причиной этого шума, который донесся до нас. Упавших подняли и положили на помост, так как они не могли держаться на ногах. Один из них сказал другому:

– Несчастливая Россия: повесить и то не умеют!

Послали за новыми веревками, сделали новые петли и собрались опять накинуть их на смертников. В эту минуту они громко крикнули:

– Да здравствует Россия, да здравствует свобода! За нас отомстят!»

Версия Дюма не совсем точна. Эти предсмертные слова, которые приписывают то Рылееву, то Каховскому: «Несчастливая Россия: повесить и то не умеют», Александр Дюма передал не верно.

На самом деле во время казни Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол сорвались с петель и были повешены вторично. «Знать, Бог не хочет их смерти», – произнес кто-то из солдат. Сергей Муравьев-Апостол, поднявшись, сказал: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать».

Также на протяжении всего романа особый акцент автор делает на теме угнетения крепостных и крепостнической жестокости, на фоне которых мужество декабристов кажется еще более значимым. «В Петербурге или рабы, или вельможи – середины между ними нет», – писал Дюма. Когда Дюма описывает роскошный обед у Нарышкина, учитель фехтования рассказывает: «После обеда были поставлены столы для карточной игры. Когда, около двенадцати часов ночи, я удалился спать, было проиграно около трехсот тысяч рублей и двадцати пяти тысяч крестьян». Еще одним доказательством служит история крепостной девушки, которая став любовницей министра, превратилась в тиранку. А описывая наводнение в Петербурге в 1824 г., Дюма с негодованием отмечает, что «о несчастных узниках Петропавловской крепости забыли, и они все погибли».

Эти примеры позволяют получить представление о том, как видел и какой видел Дюма царскую Россию. Можно сделать вывод о том, что читателю романа воображается жуткая картина царского Петербурга. Во всем этом европейские читатели, впрочем, как и наши соотечественники, могли легко обнаружить оправдание протеста декабристов, что было для Николая I крайне неприятным.

Неприятие российского императора вызывали не только те страницы, о которых сказано выше, но и особенно те, на которых Дюма изобразил бабку, отца и братьев императора. Все эти обличительные для Николая I главы и отрывки заполнили значительную часть книги.

Однако самым неприятным для русского царя эпизодом романа был отдельный исторический этюд, который изображал характер императора Павла I. Писатель давал основанную на исторических источниках летопись его безумств и преступлений и завершал этюд подробным, также основанным на исторических источниках описанием заговора и убийства Павла I. Если каждая страница Дюма об Екатерине II и Константине Павловиче была, с точки зрения Николая I, оскорблением величества, заслуживающим тяжелой кары, то рассказ об убийстве Павла I, весьма близкий к исторической истине, был, с царской точки зрения, самым тяжким преступлением, которое могло бы быть совершено писателем. Достаточно указать, что в России возможность говорить о насильственной смерти Павла I появилась только после революции 1905 г., то есть через сто с лишним лет после события и через шестьдесят пять лет после появления романа Дюма. В течение этих лет (1801-1905) Павел I числился в России умершим, как

это было объявлено в манифесте Александра I при его воцарении, «от апоплексического удара». В двенадцатой главе романа Дюма объявлял «благословенного» Александра лжецом и показывал его соучастником заговора, повлекшего убийство его отца. Николай I, пославший в каторгу несколько десятков человек, за одну мысль о цареубийстве, за одно намерение совершить его казнивший пятерых, негативно воспринял страницы блестящего произведения европейского писателя, на которых перечислялись имена и показывались фигуры прямых убийц императора Павла I, занимавших видные правительственные места при Александре I. Рассказ об убийстве Павла Дюма заключает фразой: «Александра, бледного и совершенно подавленного, пригласили выйти из кареты и со всех сторон стали приветствовать с восторгом, который свидетельствовал о том, что заговорщики, совершив преступление, исполнили желание народа».

Роман «Учитель фехтования» был крепким литературным ударом по престижу русского императора, который запретил публикацию и чтение произведения в России. Но, несмотря на это, роман «Записки учителя фехтования» был хорошо известен русской публике, хотя попытки перевести и издать произведение были тщетны. Только после Октябрьской революции роман Дюма появился на русском языке. Он был издан в 1925 г., в столетнюю годовщину восстания декабристов.

А. Ш. Парсян
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Политическая система Японии в эпоху реставрации Мэйдзи (60-е гг. XIX – начало XX вв.)

Реставрация Мэйдзи, известная также как Мэйдзи исин и революция Мэйдзи, – череда событий, приведшая к значительным изменениям в японской политической и социальной структуре. При этом под Реставрацией понимается смена власти последнего сегуна Токугава на власть императора Муцухито.

Актуальность данной темы обусловлена тем фактом, что реформаторская модель Японии середины XIX в. позже становится приемлемой в других странах Востока. В современной политологии, социологии данный феномен (модель) рассматривается как один из способов модернизации традиционного общества.

Период Мэйдзи занимает особое место в политической истории Японии. За небольшой по историческим меркам период страна совершила колоссальный рывок в своем развитии, преодолев многовековую отсталость и войдя в число крупнейших акторов мировой политики. Коренное преобразование политического строя, завершившееся созданием полуабсолютистского режима, означало вхождение страны в важный этап ее истории – становление модернистского государства [4]. Суть политической модернизации Мэйдзи заключалась в необходимости создать государство, которое бы обеспечило Японии путь в клуб «цивилизованных стран». Творцы Мэйдзи исин понимали неизбежность столкновения с «цивилизованным миром», от которого Япония в материальном отношении за-

метно отстала, и проведения революционных, модернизаторских преобразований в качестве единственной возможности выстоять под давлением извне. Политические преобразования периода Мэйдзи привели к ликвидации сегунского режима и установлению единоличной власти императора. Сам император в этой связи представлялся в качестве естественного главы всех японцев [3]. Духовной основой этих преобразований они сделали возвращение к интегральной традиции, законодательно оформив «единства ритуала и управления», что было не только политическим актом, но и возвращением к древнейшему сакральному принципу единства светской и духовной власти – основе любого традиционного общества. Лидеры Мэйдзи исин позаботились о сакрализации своих преобразований, опираясь на идеологию и патриотизм населения. Следует отметить, что ставка на «японские ценности» выступает и в современной Японии сильной и действенной альтернативой курсу на рыночную либерализацию и на строительство социал-демократической модели общества [1].

Апофеозом политических реформ стала принятая в 1889 г. конституция, завершившая процесс политической формализации полуабсолютского политического режима. Согласно Конституции, император является «божественным и неприкосновенным». Он выступает источником суверенитета, концентрируя в своих руках все ветви – исполнительную, законодательную и судебную. Одним из основных мотивов архитекторов политической модели Мэйдзи было стремление сохранить баланс политической конструкции, не допустив существенного усиления влияния какого-либо института на императора. Особенностью этой модели явилась некорректность в распределении ответственности между различными политическими акторами. Поскольку император редко принимал решения единолично, суверенитет был фактически узурпирован его ближайшим окружением [4].

Несмотря на указанные моменты, вносящие в политическую систему Мэйдзи элемент дестабилизации, в целом можно заключить, что политическая модернизация Мэйдзи была достаточно эффективной, а принятая модель политического устройства позволила правительству консолидировать нацию для решения стоявших перед страной стратегических задач. Монархоцентристская политическая модель явилась действенным средством централизации управления и мобилизации сил [2].

Важно и то, что в результате преобразований был полностью ликвидирован разрыв между номинальной и реальной властями, который проявлял себя на протяжении многих веков в условиях параллельного существования императорской системы и сегунского правления. Институт императора достаточно быстро стал орудием для легимитизации курса правительства на проведение радикальных реформ во всех областях. Во многом благодаря этим реформам Японии удалось достичь стратегических целей превращения в развитое государство, равное по своему статусу империалистическим странам Европы [3].

Следует отметить и то, что в результате модернизации Япония оказалась на качественно более высоком уровне развития, чем ее азиатские соседи. Падение феодального режима Токугава повлекло за собой ряд реформ, целью которых было создать благоприятные условия для развития в Японии капитализма

по западноевропейскому образцу. При жизни Мэйдзи всего за несколько десятилетий Япония совершила прыжок из феодализма в современность.

Таким образом, на рубеже XIX-XX века Япония становится империалистической страной, сходной в своем развитии с империалистическими державами Европы и Америки.

Библиографический список

1. Бари, У. Незавершенная модернизация / У. Бари. – М. : Наука и жизнь 1998.
2. Дейноров, Э. История Японии / Э. Дейноров. – М. : АСТ, 2008.
3. Мещеряков, А. Н. Император Мэйдзи и его Япония / А. Н. Мещеряков. – М. : Наталис : Рипол Классик, 2006. – 736 с.
4. Указы Муцухито // Государство и право народов Востока – М. : Высшая школа, 1979.

К. В. Соловьев

(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Краткий очерк античной историографии по истории Римской империи периода правления династии Северов

Античная историография периода правления династии Северов (193-235) крайне разнообразна по своему составу. В первую очередь это труды античных авторов, работавших в то время или писавших свои произведения в IV-V веках нашей эры.

Важным источником этого типа является «Римская история» Диона Кассия [17]. Дион Кассий (около 155-235 гг. н. э.) являлся представителем сенаторских кругов римского общества. Им была написана «Римская история» в 80 книгах. Полностью это произведение до нас не дошло. От первых книг сохранились отрывки, полностью уцелели книги 36-60, книги 61-80 сохранились в сокращённом пересказе византийского монаха Ксифилина (XI в.) и некоторых отрывков у Зонары (XII в.). В манере изложения Дион Кассий подражает Фукидиду и Полибию, однако сходство во многом остаётся чисто внешним. У Диона Кассия отсутствует продуманная философия истории, исторический процесс остаётся иррациональным. Однако же события, современником которых он был, описываются с большой долей обстоятельности. Особый интерес представляют для нас книги 73-80 его труда. Из них мы узнаём о роли армии и сената в политической жизни Римской империи при Северах, о предпосылках кризиса III века. Однако при использовании этого источника следует помнить, что в силу своего происхождения (из сенаторских кругов), некоторые события Дион Кассий описывает небеспристрастно.

Одним из важных источников по истории Римской империи периода правления династии Северов является книга Геродиана «История императорской власти после Марка» [4]. Об авторе «Истории» сохранилось крайне мало сведе-

ний. Предполагается, что Геродиан жил между 165 и 245 годами нашей эры. «История императорской власти после Марка Аврелия и до избрания младшего Гордиана» вероятнее всего была закончена около 239 года. «История императорской власти после Марка» состоит из 8 книг и содержит основные события политической истории Римской империи от смерти императора Марка Аврелия (180 г. н. э.) до провозглашения императором Гордиана III (238 г. н. э.).

Несмотря на заявляемую (Геродиан I, 1) точность, Геродиан зачастую излишне увлекается занимательностью повествования. У Геродиана встречаются хронологические, географические, фактографические неточности, например, он ни словом не упоминает эдикт 212 года. В «Истории» отсутствует более или менее глубокий анализ исторических событий, нет и общей картины состояния империи в политическом, социальном или экономическом отношении. Крайне мало Геродиан использует доступные ему работы предшественников и современников, работая в основном на основании современной ему устной традиции. Однако учитывая то, что в его работе описываются не освещённые Дионом Кассием события, а также общую скудость источников по описываемому периоду, следует признать «Историю императорской власти после Марка» достаточно ценным источником [5].

Также можно вспомнить труд Мариа Максима (первая половина III века нашей эры), в котором описывалась история Римской империи. Эта работа послужила одним из источников для авторов SHA [2]. К сожалению, этот труд не сохранился до наших дней и известен только по упоминаниям.

Из позднейших упоминаний [2] известно о существовании не дошедших до наших дней воспоминаний Септимия Севера.

Как современник описывает события римской империи III века н. э. Дексипп Афинский. Он родился в Афинах между 200 и 210 гг. н. э., жил до времен правления Аврелиана или Проба, занимал в родном городе важные магистратуры, жреческие должности. Известно, что им написаны два произведения исторического характера: «Хроника» (или «История») в 12 книгах и «Скифика», в которых излагались события от мифических времен до середины III века н. э. Однако до нас дошли лишь фрагменты этих, произведений [11].

К концу III – началу IV века относится сборник «Scriptores historiae Augustae» [2] (встречаются различные переводы названия, в данной работе будут использоваться варианты «Писатели истории Августов» и «SHA»), являющийся одним из наиболее спорных источников по данному периоду. Авторство приписывается шести историкам: Элию Лампридию, Элию Спартиану, Вулкацию Галликану, Юлию Капитолину, Требеллию Поллиону, Флавию Вописку. Впрочем, в историографии высказываются сомнения как в авторстве, так и в датировке сборника. Часть исследователей отрицает какую-либо ценность этого сборника как источника для истории III века, считая, что он был составлен не ранее конца IV – начала V века [18]. Много сторонников (Бейнз и др.) имеет и теория, согласно которой текст SHA был написан в правление Юлиана Отступника с целью прославить его политику [16]. Некоторые (Лекривен и т. д.) склонны значительно мягче относиться к SHA, соглашаясь с их традиционной

датировкой временем Диоклетиана – Константина и признают их значительную ценность как источника истории III века [19].

В сборнике представлены биографии императоров от Адриана до Нумериана. Композиционно биографии строятся по единому образцу: обстоятельства занятия императорского престола, характеристика правления, обстоятельства смерти, оценка императора современниками.

Отсутствие ясности с авторством и датировкой, явно просенатская направленность сборника, неточности и домыслы в изложении событий вынуждают пользоваться данными этого источника с осторожностью [14].

Из работ, написанных во второй половине IV века, следует упомянуть «Breviarum historia Romanae» Евтропия и «De Ceasaribus» Секста Аврелия Виктора.

«De Ceasaribus» представляет собой сборник кратких биографий римских императоров от Октавиана Августа до Юлиана. В работе встречаются хронологические и фактологические ошибки. Как источник представляет весьма малый интерес [1].

«Breviarum historia Romanae» – краткое изложение римской истории от основания Рима до смерти императора Иовиана. Написано около 367 года по поручению императора Валента. Как источник представляет малый интерес [7].

В целом, подводя итог анализу античной историографии по истории Римской империи периода правления династии Северов, необходимо отметить как разнообразие источников, так и крайнюю их малочисленность. Таким образом, необходимо отметить ценность каждого из них и необходимость их глубокого всестороннего изучения в комплексе с иными видами источников.

Библиографический список

1. Аврелий Виктор, С. О Цезарях / С. Виктор Аврелий // Римские историки IV века / под ред. М. А. Тимофеева. – М., 1997.
2. Авторы жизнеописаний Августов // ВДИ. – 1958. – № 3-4 ; 1959. – № 1-4 ; 1960. – № 1.
3. Бокщанин, А. Г. Источниковедение Древнего Рима / А. Г. Бокщанин. – М., 1981.
4. Геродиан. История императорской власти после Марка. Кн. I-VIII // ВДИ. – 1972. – № 1-4 ; 1973. – № 1.
5. Доватур, А. И. Историк Геродиан / А. И. Доватур // ВДИ. – 1972. – № 1.
6. Доватур, А. И. История изучения *Scriptores Historiae Augustae* / А. И. Доватур // ВДИ. – 1957. – № 1.
7. Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские историки IV века / под ред. М. А. Тимофеева. – М., 1997.
8. Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. – М., 1980.
9. История Древнего Рима / под ред. В. И. Кузищина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1982.

10. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV-LXXX / пер. с древнегреч. ; под ред. А. В. Махлаюка ; комм. и ст. А. В. Махлаюка. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2011.
11. Махлаюк, А. В. Публий Геренний Дексипп в контексте греко-римской историографии III в.: миссия историка в эпоху смуты / А. В. Махлаюк // Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания / отв. ред. М. С. Бобкова. – М. : ИВИ РАН, 2012.
12. Сергеев, И. П. Римская империя в III веке н. э. / И. П. Сергеев. – Харьков, 1999.
13. Черноусов, А. Е. Очерки по истории Римской империи 180-235 гг. Подготовка смуты III века / А. Е. Черноусов. – Харьков, 1911.
14. Штаерман, Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи / Е. М. Штаерман. – М., 1957.
15. Штаерман, Е. М. «Scriptores Historiae Augustae» как исторический источник / Е. М. Штаерман // ВДИ. – 1957. – № 1.
16. Baynes, N. H. The Historia Augusta, its date and purpose / N. H. Baynes. – Oxford, 1926.
17. Dio Cassius Cocceianus. Dio's Roman History /with an English translation by Earnest Cary. – L., 1955. – Vol. I-IX.
18. Hartke, W. Romische Kinderkaiser / W. Hartke. – B., 1951.
19. Nomo, L. Les documents de l'histoire Auguste / L. Nomo // Rev. Historique. – 1926. – Vol. CLI-CLII.

С. В. Суханов
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Северо-Западный Кавказ после окончания Крымской войны во второй половине 50-х гг. XIX в.

В начале 1856 г. проходил Парижский конгресс, в результате которого был подписан Парижский мирный договор, закончивший Крымскую войну 1853-1856 гг. Самым тяжелым для России условием этого договора была нейтрализация Черного моря. Размеры военного флота России в большей степени ограничивались, что было равносильно запрету вообще иметь здесь русский флот. Аналогичные ограничения устанавливались и для Османской империи.

Поражение в Крымской войне заставило русское правительство временно ослабить свою внешнеполитическую активность в Европе и на Ближнем Востоке и сосредоточиться на проблемах внутренней жизни государства [3].

Россия давно не чувствовала себя столь униженной, и давно проблема внешней и внутренней безопасности не стояла так остро. После Парижского конгресса антирусские настроения сохранялись в политической и дипломатической сферах. Задача разрушения «крымской системы» была для Петербурга не такой уж простой, несмотря на вновь обнажившиеся традиционные противоречия между победителями в Крымской войне [2].

Любое подозрительное движение России грозило остановить процесс развала «крымского» союза. Поэтому одна из заслуг Александра II и его нового министра иностранных дел А. М. Горчакова, полагавших, что для России нет другого способа вернуть себе прежний статус, кроме как заняв пассивную позицию в Европе, где без России всё равно не обойдутся и рано или поздно будут вынуждены обратиться к политическим или военным услугам. Эти положения предполагали тонкую и выжидательную игру, направленную на ускорение естественного распада «крымской системы». Более насущной и срочной была задача обеспечения элементарной безопасности южных границ России, в частности на Северо-Западном Кавказе. Прежде всего Российской империи было необходимо как можно скорее закончить длительную и изнурительную Кавказскую войну и тем самым лишить Англию всяких оснований считать Черкесию воюющей стороной, то есть субъектом и объектом международных отношений. В данном случае предельная дипломатическая деликатность в отношении Европы, на которой настаивал новый кавказский наместник А. И. Барятинский, одно из самых доверенных лиц Александра II, иначе понимал проблему целостности внешней политики России. Эта целостность, с его точки зрения, не пострадает, если Петербург признает, что российская стратегия в Европе должна быть основана на оборонительных принципах, а в Азии – на наступательных. А. И. Барятинский был уверен, что Кавказ нужно поскорее превратить в надёжную стратегическую точку опоры, откуда российская армия могла бы реально угрожать британскому влиянию в Турции, Иране, а главное, в Индии [5].

А. И. Барятинский не верил в эффективность договоров с Шамилем, о чём свидетельствовал весь опыт Кавказской войны. Наместник был твёрдо убежден, что войну нужно было завершить не договором с имамом, а безоговорочной капитуляцией вождя мюридов, которая станет самым убедительным доводом для горцев, уважающих силу и превосходство. Получив Кавказ в своё безраздельное ведение, Барятинский вместе с начальником своего генерального штаба генералом Д. А. Милютиным провёл военно-реорганизационные преобразования в Кавказской армии и дал новый, мощный импульс ермоловской системе методичного окружения и сдавливания очагов сопротивления мюридов [1].

Крымская война совершенно изменила систему военного и геополитического мышления Петербурга. Внешние угрозы российской периферии вообще и Кавказу в частности, некогда казавшиеся теоретическими, стали абсолютно реальными, это заставляло думать о более активных и изощрённых формах обороны от главного соперника России на Востоке – Англии.

Произведённая после Крымской войны переоценка геостратегического и политического значения Кавказа для России имела ещё один аспект. Обратной стороной понимания уязвимости этого региона извне стала не только осторожность в общении с Европой по Кавказскому вопросу, но и заметная активизация усилий по превращению Кавказа в ограниченную и хорошо защищённую часть империи. Осознание экономической отсталости России всё очевиднее проецировалось на Кавказ, где предполагалось осуществить крупномасштабную военно-территориальную реформу, авторами которой станут А. М. Барятинский и Д. А. Милютин. По этой реформе, Кавказу фактически отводилась роль тран-

зитного региона, соединявшего два моря по линии восток – запад, и Россию с Передней Азией по линии север – юг [4].

После Крымской войны, в связи с резким ослаблением позиций России в мире, Петербургу пришлось уделять больше внимания проблеме обработки европейского общественного мнения для создания позитивного образа России. В 1857 г. Александр II фактически снял существовавший ранее запрет на оглашение сведений о ходе военных действий на Кавказе. Более того, Петербург сам стал инициировать публикации в отечественной и зарубежной прессе под выгодным для себя углом зрения [4].

По окончании Крымской войны, Кавказ не перестал быть объектом внимания Англии и Турции. Более того, к ним присоединилась Австрия, которую этот регион интересовал не как таковой, а как одно из средств укрепить на антирусской основе отношения с британским правительством и, следовательно, своё положение в Европе.

Библиографический список

1. Дегоев, В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин / В. В. Дегоев.
2. Дегоев, В. В. Кавказ и Великие державы / В. В. Дегоев.
3. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. / Н. С. Киняпина. – М., 1974.
4. Милютин, Д. А. Воспоминания. 1856-1860 / Д. А. Милютин.
5. Рибер, А. Политика самодержавия / А. Рибер. – 1966. – Ч. 2. Письма Александра II наместнику Барятинскому.

Е. Л. Сухомлина
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Деятельность А. И. Дутова на Урале

7 октября А. И. Дутов выехал в Петроград для передачи своей должности председателя Совета Союза казачьих войск и доклада Временному правительству о положении дел в войске. 18 октября он был утвержден в атаманской должности и произведен в полковники.

С октября 1917 г. начинается стремительный взлет Дутова. Он превращается в крупную фигуру, известную по всей России и популярную в казачестве. Как утверждает А. В. Ганин: «Дутов в 1917 г. – фигура, созданная революцией. Однако позднее, благодаря тому размаху, который приобрела его деятельность во время Гражданской войны, Дутов в общественном сознании превратился в фигуру, созданную контрреволюцией» [4].

В Петрограде Дутов 15 октября сдал должности члена комиссий при Временном правительстве и получил назначение главноуполномоченным по продовольствию для Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области с полномочиями министра. В этой должности он состоял по 1 января 1918 г.

Дутов начал гражданскую войну в Оренбуржье 26 октября. В этот день он подписал приказ по войску № 816 о непризнании насильственного захвата власти большевиками в Петрограде. Действия Дутова были одобрены комиссаром Временного правительства подпоручиком Н. В. Архангельским, представителями местных организаций и даже оренбургским Советом рабочих и солдатских депутатов. По приказу Дутова казаки и юнкера заняли вокзал, почту, телеграф, были запрещены митинги, собрания и демонстрации. На стенах домов и на заборах были расклеены объявления об организации войскового казачьего правительства, которое «является единственной властью на всей территории Оренбургского казачьего войска. Ввиду вероломного захвата в Петрограде власти предателями родины – большевиками, Оренбургская губерния и город Оренбург объявляются на военном положении». Тем не менее, митинги в городе проводились. В связи с нежеланием местных большевиков подчиниться, по распоряжению Дутова был закрыт оренбургский клуб большевиков, конфискована хранившаяся там литература, 5 ноября рассыпан набор 3-го номера и запрещено дальнейшее издание газеты «Пролетарий», редактор газеты А. А. Коростелев задержан, однако через десять часов под давлением «общественности» освобожден.

4 ноября в Оренбург из Петрограда прибыл 27-летний С. М. Цвилинг – делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, назначенный Петроградским военно-революционным комитетом чрезвычайным комиссаром Оренбургской губернии. Цвилинг предполагал сменить прежнего губернского комиссара Архангельского, однако тот передал власть Дутову, сменить которого Цвилингу было не так просто.

В течение недели после приезда Цвилинг ежедневно выступал с призывами против Дутова. В ночь на 7 ноября руководители большевиков были арестованы и высланы в станицы Верхне-Озерную и Нежинскую. 7 ноября оренбургский Совет солдатских депутатов был переизбран, главенствующую роль (90% мест) в нем приобрели большевики. Они готовились к захвату власти, рассчитывая на 104-й, 105-й и 238-й пехотные запасные полки, входившие в состав местного гарнизона (кроме этих частей, в состав оренбургского гарнизона входили запасные батальоны 48-й пехотной дивизии). Устранение угрозы местного большевистского переворота в самом Оренбурге стало главной задачей для Дутова, и с ней он справился.

В конце ноября Дутова избрали депутатом Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска. Дутову подчинялись центры двух военных округов, а также города Орск и Челябинск. Таким образом, Дутов в ноябре формально поставил под свой контроль огромную территорию Южного Урала. Была объявлена демобилизация оренбургского гарнизона. Силами 1-го Оренбургского казачьего запасного полка разлагавшийся гарнизон был разоружен, что позволило обеспечить оружием формировавшиеся в Оренбурге отряды. Дутов также провел мобилизацию казаков старших возрастов.

На войсковом круге в декабре 1917 г. сторонники большевиков Т. И. Седельников и подъесаул И. Д. Каширин потребовали отставки Дутова и признания Советской власти, однако их предложение не встретило поддержки. Дутов

вновь был избран атаманом, а 11 декабря постановлением войскового круга, Комитета спасения родины и революции, башкирского и киргизского съездов в границах Оренбургской губернии и Тургайской области был образован Оренбургский военный округ (командующий – А. И. Дутов, начальник штаба – полковник И. Г. Акулинин).

16 декабря атаман разослал командирам казачьих частей призыв направить казаков с оружием в войско. Для борьбы с большевиками нужны были люди и оружие; но основная масса казаков, возвращавшихся с фронта, воевать не хотела. В связи с провалом казачьей мобилизации Дутов мог рассчитывать лишь на добровольцев из офицеров и учащейся молодежи, всего не более 2 тысяч человек, включая стариков и молодежь. Дутов сумел побудить купечество и горожан собрать денежные средства для организации борьбы. Между тем большевики наращивали свои силы. Уже в декабре против Дутова красные собрали не менее 5000 человек из Самары, Екатеринбурга, Казани, Перми, Иващенкова, Уфы, Бузулука, Челябинска, Москвы, Петрограда и других городов. Была выделена материальная помощь на содержание отрядов, борющихся против Дутова [7].

Тем временем большевики начали наступление на Оренбург. После тяжёлых боёв во много раз превосходящие дутовцев отряды Красной армии под командованием Блюхера подошли к Оренбургу и 31 января 1918 года в результате совместных действий с большевиками, засевшими в городе, захватили его. Дутов решил не покидать территорию Оренбургского войска и отправился в центр 2-го военного округа – Верхнеуральск.

Но в марте казаки сдали и Верхнеуральск. После этого правительство Дутова обосновалось в станице Краснинской, где к середине апреля попало в окружение. 17 апреля, прорвав окружение силами четырёх партизанских отрядов и офицерского взвода, Дутов вырвался из Краснинской и ушёл в Тургайские степи.

Но тем временем большевики своей политикой озлобили до того нейтральную к новой власти основную часть оренбургского казачества и весной 1918 г., вне связи с Дутовым, на территории 1-го военного округа началось мощное повстанческое движение, руководимое съездом делегатов 25 станиц и штабом во главе с войсковым старшиной Д. М. Красноярецевым. 28 марта в станице Ветлянской казаки уничтожили отряд председателя совета Илецкой Защиты П. А. Персиянова, 2 апреля в станице Изобильной – карательный отряд председателя Оренбургского ВРК С. М. Цвиллинга, а в ночь на 4 апреля отряд казаков войскового старшины Н. В. Лукина и отряд С. В. Бартенева совершили дерзкий налет на Оренбург, заняв город на некоторое время и нанеся красным ощутимые потери. Красные ответили жестокими мерами: расстреливали, сжигали сопротивлявшиеся станицы (весной 1918 г. сожжено 11 станиц), налагали контрибуции.

В результате к июню только на территории 1-го военного округа в повстанческой борьбе участвовало свыше 6 тысяч казаков. В конце мая к движению присоединились казаки 3-го военного округа, поддержанные восставшими чехословаками. Непосредственные связи с чехословацким корпусом осуществ-

лялись Дутовым через члена агентурно-политического отдела корпуса Ронь. Красногвардейские отряды на территории Оренбургского войска были повсеместно разбиты, и 3 июля казаками был взят Оренбург. От казаков к Дутову, как законно избранному войсковому атаману, была выслана делегация. 7 июля 1918 г., день вступления партизанского отряда Оренбургского казачьего войска в Оренбург, следует считать датой окончания Тургайского похода. Дутов прибыл в Оренбург и возглавил Оренбургское казачье войско. 12 июля особой декларацией Дутов объявил территорию Оренбургского войска «Особой областью государства Российского», то есть казачьей автономией.

Вскоре он направился в Самару – столицу Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), где вошел в его состав и был назначен главноуполномоченным на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области. Тем самым эсеровское правительство, выступавшее за федеративное устройство страны, подтвердило прежние полномочия атамана и признало легитимность казачьей автономии.

В новой должности Дутову приходилось устанавливать взаимодействие не только с «центральными» правительствами – Комучем и Временным сибирским правительством в Омске, но и с автономными образованиями Башкирии и Казахстана, а также с представителями Чехословацкого корпуса и Антанты.

По приказу № 2 в городе и на территории губернии устанавливалось военное положение. К смертной казни приговаривались участники стачек и все, кто пытался уклониться от службы в дутовской армии.

Дутовцы организовали военно-полевые суды, начались аресты большевистски настроенных жителей. Гонения обрушились на социалистические партии (меньшевиков и эсеров). Кроме этого власть Дутова пыталась поставить промышленность под свой контроль, прежде всего для обеспечения нужд армии, ужесточался контроль над рабочими. Были запрещены стачки, издан приказ о борьбе с нарушителями дисциплины [4].

25 сентября 1918 г. Комуч утвердил атамана в звании генерал-майора.

28 сентября казаки взяли Орск – последний из городов на территории войска, занятых большевиками. Таким образом, территория войска была на некоторое время полностью очищена от красных. За взятие Орска Дутову было присвоено звание генерал-лейтенанта, а после переворота он безоговорочно признал диктатуру А. В. Колчака, подчинив свои части Верховному правителю.

А. И. Дутов с декабря 1918 г. осуществлял командование Юго-Западной Отдельной оренбургской армией, которая непосредственно подчинялись Колчаку, а в апреле 1919 г. был назначен походным атаманом всех казачьих войск России.

Между тем общие неудачи белых в конце 1918 г. незамедлительно сказались на положении оренбургского и уральского казачества. В результате наступления красноармейских частей Восточного фронта началась эвакуация дутовцев из Оренбурга с 20-21 января 1919 г, происходило разложение частей.

23 января Оренбург был занят красными. Но силы белых были еще весьма значительны, и они продолжали упорное сопротивление. В ходе весеннего наступления армий Колчака 16 апреля Дутов занял Актюбинск. Оренбург был

почти полностью окружен силами белых. С большими трудностями части Красной армии отразили их попытку овладеть городом и постепенно продвигались вперед. Армия Дутова в начале мая захватила Илецкий городок и несколько оттеснила красных, но взять вновь Оренбург так и не смогла.

В это время начинается кризис доверия к Дутову со стороны значительной части Оренбургского казачества. Свидетельство этому – попытка заговора с целью смещения атамана.

Оренбургские казаки с переменным успехом вели борьбу с большевиками, но в сентябре 1919 года Оренбургская армия Дутова была разбита Красной армией под Актюбинском. Атаман с остатками войска отошёл в Семиречье, где присоединился к Семиреченской армии атамана Анненкова. Из-за отсутствия продовольствия переход через степи стал известен как «Голодный поход». По приходу в Семиречье Дутов был назначен атаманом Анненковым генерал-губернатором Семиреченской области. В мае 1920 года перешёл в Китай вместе с Семиреченской армией атамана Анненкова. На этом заканчивается уральский период деятельности Дутова.

Библиографический список

1. Акулинин, И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками 1917-1920 / И. Г. Акулинин. – Шанхай, 1937.
2. Войнов, В. М. История войска Оренбургского / В. М. Войнов. – Оренбург, 1992.
3. Войнов, В. Атаман Дутов и трагедия Оренбургского казачества / В. Войнов // Рифей. Уральский краеведческий сборник. – Челябинск, 1990.
4. Ганин, А. В. Атаман А. И. Дутов / А. В. Ганин. – М., 2006. – 490 с.
5. ГАОО.Ф.Р-1912. Оп.2. Д.22. Ч.2. Л.790.
6. Дутов Александр Ильич // Великая Октябрьская Социалистическая Революция : энциклопедия. – Изд. 3. – М., 1987. – С. 153.
7. Из протокола № 33 заседания Совета Народных Комиссаров об ассигновании средств на содержание красногвардейских отрядов, борющихся против Каледина, Дутова и др. // Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945) : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М. : ГИЦ «ВЛАДОС», 1996. – 896 с.
8. История Оренбуржья : учебное пособие. – Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 1996. – 351 с.
9. Машин, М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны / М. Д. Машин. – Саратов, 1984.
10. Приказ по Оренбургскому Казачьему Войску №186 // Любовь и восток (сер. «Вся Россия») : сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. – М. : «Московский писатель», 1994. – 448 с.
11. Футорянский, Л. И. Казачество России в огне гражданской войны (1918-1920 гг.) / Л. И. Футорянский. – Оренбург : ОГУ, 2003. – 474 с.

Брестская церковная уния и ее влияние на этнокультурные факторы нарастания недовольства украинского народа и формирование предпосылок освободительного движения

Сегодняшний политический, национальный и экономический кризис на Украине заставляет обратиться к вопросам украинской истории. Особенный интерес в этом плане представляют проблемы этнокультурных факторов формирования самосознания украинского народа в условиях религиозного и национального притеснения в составе Речи Посполитой.

Желая сгладить социально-экономические противоречия и не просто включить Украину в орбиту своего политического влияния, а сделать из неё монолит с Речью Посполитой, польское правительство решило изменить историко-культурную сущность этой народности. С согласия и одобрения Сигизмунда III и высшего католического духовенства Речи Посполитой, в конце XVI века православные епископы Кирилл Терлецкий и Игнатий Поцей отправились в Рим к папе Клименту VIII и договорились с ним об основных принципах унии (объединения) церковью католической и православной. Несколько слов о смысле содержания унии. Во-первых – признание верховенства папы римского над всеми людьми греческого вероисповедания, как духовного, так и светского звания. Во-вторых – признание григорианского календаря. В-третьих – сохранение обрядности православной церкви. В-четвертых – сохранение в обеих церквях обряда Святого Причастия. В-пятых – разрешение отправлять церковную службу духовным православным в римском костеле, а духовным католикам – в православном храме. В-шестых – обеспечение представительства обеих церквей в польском сейме.

После этого король Сигизмунд созвал в г. Бресте в 1596 году собор из представителей (высших) католического и православного духовенства и мирян для оформления унии, которая и была, несмотря на протесты православных, провозглашена и немедленно было приступлено для проведения ее в жизнь.

Униаты признали своим главой Папу Римского и приняли основные догматы католической церкви. Но, зная настроения православных масс и их враждебное отношение к католицизму, инициаторы унии прибегли к одному трюку для введения в заблуждение этих масс, слабо разбиравшихся в догматических вопросах, но твердо знавших и свято чтивших и оберегавших обрядовую сторону православия. В новой униатской церкви, католической по существу и догматам, они сохранили присущие православию церковно-славянский язык при богослужениях и все отряды. Униатским епископам были обещаны места в сенате, а все униатское духовенство было освобождено от налогов и податей [3].

Всех не принявших униатства правительство Речи Посполитой объявило еретиками. Началось преследование православных.

Уния усилила влияние польской шляхты на Украине-Руси и вызвала немало переходов православной шляхты в униатство и ее ополячивание. Но она наткнулась на горячий и решительный отпор со стороны широких народных масс.

Католикам не удалось ввести их в заблуждение сохранением православной обрядности в униатстве. Братства, низшее духовенство, а частично и высшее, разъясняли народу сущность униатства и предостерегали от фактического перехода в католичество, каковым был переход в униатство.

Уклонялась от перехода в униатство и часть православной шляхты и даже несколько крупных магнатов (князь Острожский, Кисиль, князь Корецкий, князь Четвертинский).

В результате вместо безболезненного захвата католичеством Украины-Руси, на что рассчитывали инициаторы Унии, началась ожесточенная религиозная борьба.

Униатские епископы при поддержке польского правительства захватывали православные церкви и монастыри и препятствовали православным богослужениям и совершению обрядов. На православных мирян производилось всяческое давление, до применения физического воздействия включительно, чтобы заставить их перейти в унию. В городах не принимались в цехи или исключались из них православные ремесленники и тем фактически лишались возможности заработка, ибо заниматься ремеслом вне цеха было воспрещено. В селах же и деревнях православные церкви, стоявшие на землях шляхты (а владеть землей могла только шляхта), сдавались в аренду евреям, и арендаторы каждый раз за открытие церкви для совершения богослужений и треб, взимали особую плату.

Православных монахов ловили, заковывали в кандалы и сажали в тюрьму. Жаловаться же было некому. Православный митрополит Рогоза, возглавлявший православную церковь в Украине-Руси, сам перешел в унию, как и значительная часть епископов. Только епископ Львовский – Балабан и епископ Перемышльский – Капустинский остались верны православию и мужественно за него боролись.

Правительство же Речи Посполитой не только оставалось глухим ко всем жалобам своих православных граждан на бесчинства униатов, но и всемерно эти бесчинства и беззакония поддерживали и в них участвовали.

Сохранилось много исторических документов и свидетельских показаний того времени, являющихся страшными обвинительными актами против польско-католической агрессии при попытке насаждения унии на Руси-Украине. Например, на польском сейме в присутствии короля депутат от Волыни, православный шляхтич Древницкий говорит: «В Могилеве, в Орше и Пинске церкви позапечатаны, священники разогнаны, Лещинский монастырь превращен в кабак; дети умирают без крещения; тела умерших вывозятся как падаль, без церковного благословения; народ живет в распутстве, невенчаный; умирает без Св. Таин... А что делается во Львове? Кто не принимает унии, тот не может жить в городе, заниматься торговлею, быть принятым в ремесленные цехи. А в Вильно? – Монахов, непреклонных, унии ловят, бьют и в кандалы заковывают. Тела умерших православных заставляют вывозить только через те ворота, через

которые вывозят только нечистоты... Коротко сказать, великие и неслыханные притеснения русский наш народ как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском переносит...». Говорит это шляхтич в присутствии короля. А как реагировал на это народ, повествует другой документ – мемуары одного современника, православного шляхтича с Киевщины Хоревича: «А що еще и найсумнейше (найприскорбнее) было в тых борбах, що православныи Русины, огорченныи як наиболее против тых своих же братьей Русинов, которые унию приняли, зненавищели и их еще горше, чем наветь тех не-Русинов, що первыи унию выдумали и вводили, называли их гневно «перекинчикам» и в часе народных борбѣ грозно над ними за отступство их от давной русской веры мстились» [1].

И действительно, многочисленные документы свидетельствуют, с какой исключительной жестокостью притеснялось православное население Украины-Руси во времена освободительной борьбы со своими же украинцами-ренегатами, перешедшими в унию. На одной стороне стояли угнетаемые и притесняемые крестьяне, мещане, низшее духовенство и часть сохранившей православие шляхты; на другой – притеснители и угнетатели – поляки, окатоличенная русская, украинская местная шляхта и католическое духовенство и в значительной части высшее православное духовенство, которому был выгоден существующий социальный порядок.

Особняком, но определенно не на стороне угнетателей, стояло и большинство украинского казачества, своеобразной, неизвестной в остальных частях Речи Посполитой общественной группы, хорошо и крепко организованной и вооруженной. Оно и сыграло решающую роль в наступившей вскоре после введения Унии освободительной борьбе Украины-Руси от польско-католического владычества.

Брестская уния не только внесла вражду на почве религиозной и не только содействовала взаимному отчуждению пошедшей за унией незначительной части населения Украины-Руси от его основной массы, но и имела последствия в социальной структуре и взаимоотношениях отдельных классов. Разного рода преимущества и привилегии униатам и католикам быстро толкнули подавляющую часть шляхты, магнатов и наиболее зажиточное городское население на путь униатства, католицизма и неразрывно связанных с ними денационализации и ополячивания.

И вскоре весь правящий класс Украины-Руси, за редкими исключениями, полностью оторвался от народа, из которого он вышел, и начал окончательно сливаться с поляками.

Одной из форм протеста польско-католической агрессии на Украину стала организация так называемых «братств». Уже в XV в. во Львове, а позднее в Киеве возникли среди городских жителей православные братства, первоначально имевшие целью только оказание материальной помощи своей приходской церкви. Но вскоре, в результате наступления реакционной католико-польской культуры, меняется и состав, и цели, и деятельность братств. В них начинает вступать низшее духовенство и православная шляхта, и они становятся общественными организациями, объединяющими все элементы, недоволь-

ные политикой Польши и существующим социально-политическим порядком. Братства содействуют книгопечатанию преимущественно церковных книг и полемических антикатолических изданий, открывают свои школы, типографии, организованно ведут борьбу с наступающим на православие католицизмом.

Тяжелое положение украинского народа усугублялось национальной дискриминацией. Крестьяне страдали не только от своих панов, но и от постоянных наездов «чужих» феодалов. Особенно прославился грабительскими набегами в 30-40-х годах XVII в. шляхтич Лащ. Современник писал о Лаще, что он «насилничал, убивал, отрезал уши и носы, уводил девушек и вдов и выдавал их замуж за своих негодяев, вместе с ним участвовавших в грабежах». Лаща 236 раз приговаривали к изгнанию и 37 раз к лишению чести, но покровительство магната Конецпольского обеспечивало ему полную безнаказанность. Демонстрируя эту безнаказанность, Лащ однажды появился в королевском дворце в шубе, подшитой судебными приговорами. Подобные акты можно отнести к факторам морального насилия. Национальный вопрос обострился и еврейским влиянием в украинских землях. Речь Посполитая, желая обеспечить стабильность налогов с подвластных территорий и их экономический контроль, санкционирует создание на территории Украины еврейских факторий и ростовщических организаций. Об уровне их распространения и влияния в городах можно судить по данным источников. Так летопись сохранила запись о массовом движении украинских городов по «избиению и изгнанию евреев» [2].

В результате данных процессов, вместо слияния Украины-Руси с Польшей, к которому стремилось руководство Речи Посполитой, произошло окончательное и бесповоротное отмежевание, религиозное, национальное и социальное, не только Украины-Руси от Польши, но и от проводников ее колониальной политики на Украине, несмотря на их часто украинское происхождение. Таким образом, в результате обострения национального вопроса, вкупе с религиозными противоречиями, социально-экономическими осложнениями, возникли объективные предпосылки для начала на Украине освободительного движения.

Библиографический список

1. Дикий, А. Неизвращённая история Украины / А. Дикий. – Нью-Йорк : Изд-во «Правда о России», 1961.

2. Из люстрации житомирского староства о повинностях мещан г. Житомира и о жалобе их на подстаросту и арендатора, отягощающих их повинностями и препятствующих торговле // Трехсотлетие воссоединение Украины к России. – М., 1954.

3. Павленко, Н. И. История России с древнейших времен до 1861 года / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров ; под ред. Н. И. Павленко. – Минск : Просвещение, 1989. – 559 с.

Диссидентство как общественно-политическое явление в СССР

Наличие открытой оппозиции по отношению к российскому руководству повышает интерес современных исследователей к изучению общественных явлений, которые присущи любому социуму, в том числе и диссидентству. Проявление внимания и объективный анализ необходимы для успешной деятельности по управлению современной социально-политической системой.

Понятие «диссидент» пришло в русский язык из западной литературы. Первоначальный смысл этого понятия имел религиозную окраску. В Англии в XVI-XVIII веке термин «диссиденты», или «диссентеры», употреблялся по отношению к протестантским группам, противостоявшим церкви. В Польше так называли поляков православных и протестантов, которые в условиях господства католицизма в стране были не согласны его принять. Энциклопедический словарь трактует понятие «диссидент» в его первоначальном смысле (от лат. *dissidens* – несогласный) – это верующие-христиане, не поддерживающие господствующего вероисповедания в государствах, где государственной религией является католицизм или протестантизм (перенос. – «инакомыслящие») [4; 306.]

Со временем понятие «диссидент» потеряло свою религиозную окраску и во второй половине XX века стало употребляться в ином значении. Термин стал применяться к советским гражданам, которые пытались открыто выражать несогласие с существующей политической системой, которую они трактовали как авторитарную. Диссидентство возникло по объективным причинам и представляло собой способ альтернативного разрешения негативных явлений советского государства, таких как: чрезмерный бюрократизм, попустительство в национальной политике, ограниченность гражданских прав и свобод. Таким образом, диссидентское движение в СССР было реакцией на диктат властей в общественно-политической жизни общества и формой протеста на сложившуюся ситуацию в стране.

Диссидентское движение появилось не сразу и не вдруг. Поводом для более массового и открытого проявления диссидентской деятельности по отношению к существующей системе стала смена политического курса власти, характеризующаяся относительной либерализацией, которая началась после XX съезда КПСС, нанесшего первый серьезный удар по идейному единству советского общества. Незаметно критика сталинизма превратилась в критику самой общественной системы.

Движение диссидентов было неоднородно, представляло собой течения разнообразной идейно-нравственной направленности. Формы и методы борьбы с властями были различны: подготовка и распространение «открытых писем», написание и распространение запрещенной властями литературы (самиздат, тамиздат), демонстрации, митинги и многие другие нелегальные методы, суть которых заключалась в требованиях борьбы за либерализацию, за права чело-

века, за соблюдение законов, изменение законодательства путем его приближения к международным юридическим стандартам и за замену социалистической модели на демократическую модель западного типа.

Ответом властей стали репрессии по отношению к диссидентам: уголовное преследование и заключение в места лишения свободы (заключения в тюрьму, исправительно-трудовую колонию), запрет на творческую деятельность, высылка за границу, принудительное помещение в психиатрические лечебницы.

В целом в условиях репрессий против диссидентства данное движение и не могло охватить широкие слои общества. Оппозиционные настроения в обществе усиливались по мере нарастания кризисных явлений в политике, экономике, социальной сфере. Диссиденты заслуживают уважение, что не побоялись открыто выступать в стране, где под жестким контролем находились наука, культура, искусство. Одной из главных заслуг диссидентства можно назвать то, что оно пыталось сопротивляться в этих условиях. Наличие сопротивления режиму в любое время и при любой власти – это часть процесса для нормального функционирования самой власти. С началом политики перестройки диссидентские организации активно включились в процесс демократизации и либерализации режима, и к концу 80-х – началу 90-х гг. стали действовать легально. Советское диссидентство исчерпало себя как именно советское, но не как явление.

Библиографический список

1. Алексеева, Л. История инакомыслия в СССР / Л. Алексеева. – Вильнюс ; М., 1992. – 350 с.
2. Барсенков, А. С. История России. 1917-2009 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. – М. : Аспект-Прогресс, 2010. – 846 с. – ISBN 978-5-7567-0575-1.
3. Данилов, А. А. История инакомыслия в России. Советский период 1917-1991 / А. А. Данилов. – Уфа, 1995.
4. Советский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1983.

Ю. В. Терехина
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Легизм как историко-правовая доктрина политического строя царства Цинь в Древнем Китае

В политической и общественной истории Китая, начиная с древности, на определенных этапах развития большую роль играла та или иная государственная идея. Часто вся политическая и общественная жизнь страны была подчинена особому пониманию задач общества и власти, исходя из господствующей в ту или иную эпоху идеологии.

Некогда обширная территория государства со временем распалась на множество соперничающих между собой государственных образований, каждая из которых стремилась расширить свои территории за счет соседних царств

(V-III вв. до н. э.). Главенствующее положение занимали семь крупнейших держав: Цинь, Чу, Ци, Хань, Чжао, Вэй и Янь. Однако исход войны зависел от экономического, политического и военного потенциала того или иного государственного образования. В частности, на протяжении VI-III вв. до н. э. в социально-экономической истории Китая происходят качественные изменения, которые требовали новых политических идей в управлении государством и народом. Легистский вариант организации общества и управления государством на тот момент наиболее отвечал радикальной модели развития Китая. Легизм, как доктрина, была сформулирована не ранее IV в. до н. э. В литературе чаще всего используется китайский термин *фа-цзя* – школа «законников». Однако стоит отметить, что легисты не были сторонниками закона в европейском понимании этого слова, как, например, в Риме. В Риме право означало прежде всего частное право гражданина. На Востоке, начиная со времен вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), закон стоял на страже интересов государства, прежде всего централизованного, во главе с сильным правителем. В теории и практике древнекитайского легизма закон означал строгий регламент, административный приказ, веление начальства [1; 290].

Одним из ярких представителей школы легистов являлся Шан Ян (390-338 гг. до н. э.). В 361 г. до н. э. поступил на службу к правителю царства Цинь Сяо-гуну, при котором стал первым советником. Начиная с 356 г. до н. э. Шан Ян провел ряд важнейших политических и экономических реформ, которые превратили царство в сильнейшее из семи «Сражающихся царств» (эпоха Чжанняо), что в дальнейшем позволило Цинь Ши-хуану объединить Китай под властью Цинь.

Большое внимание Шан Ян уделял экономической жизни царства. Приоритетное развитие отдавалось земледелию, так как, по мнению легистов, от этого зависела вся перестройка системы управления и успешное осуществление всей внешней политики. Это положение подчеркивает в своем трактате «Гуаньцзы» один из ранних представителей легизма Гуань Чжун: «Если народ занимается земледелием, это значит, поля возделаны, а раз поля возделаны, это значит, что зерна много... это значит, что государство богато, а в богатом государстве войны сильны; при сильных войнах войны победоносны, а при победоносных войнах расширяются пределы государства» [3; 57]. Поскольку многие обедневшие общинники, неспособные самостоятельно возделывать свои земли с переходом ее в частную собственность, нанимались к торговцам, владельцам ремесленных мастерских и не желали возвращаться в деревню, то большинство теоретиков и практиков легизма выступали за ограничение торговли. К тому же земледельцы составляли основу налогоплательщиков и уменьшение их количества вело к сокращению средств царской казны.

Для предотвращения разорения и бегства земледельцев реформатор предложил провести всеобщую подворную перепись населения, при помощи которой можно выявить всех уклоняющихся от земледелия и ввести более гибкую систему взимания налога в зависимости от урожая. Другой проблемой являлись заброшенные земли, решение этого вопроса позволило укрепить экономическое положение царя как главы государства, поскольку переселенные на целину

земледельцы попадали в непосредственное подчинение царскому двору и все взимаемые с них налоги шли прямо в распоряжение казны. Стремясь увеличить эту новую категорию земледельцев, Шан Ян предложил пригласить в царство Цинь безземельных общинников из соседних китайских государств, давая им льготы в налогах и повинностях. Тем самым царство Цинь увеличивало собственную мощь и ослабляло своих соседей.

Также интерес правителей к идеям легизма объяснялся тем, что в данной доктрине закон наделял их реальным правом власти в противовес власти аристократии. Наследственная аристократия, представленная владельцами пожалованных территорий или главами могущественных патронимий, издавна играла активную роль в политических делах своего царства. Могущество аристократии объяснялось тем, что почти все крупные административные посты в центральных органах управления находились в ее руках. Поэтому часто аристократия вмешивалась в вопросы престолонаследия – убирала негодных ванов и возводила на трон своих ставленников. В свою очередь зажиточная часть общины, имея частные земельные владения, не довольствовалась уже главенствующим положением в совете старшин и пыталась распространить свое влияние за пределы общины – занять административные посты. С их стороны все чаще стали звучать предложения об отмене системы наследственных должностей, что совпадало с желанием правителей ограничить права аристократии. В частности, Шан Ян настаивал на допуске к административным постам людей из любого сословия, независимо от знаний, достаточно, чтобы они были преданы правителю. Однако ранги знатности и должности можно было получить, прежде всего, за воинскую доблесть. Но существовало исключение для богатых общинников-землевладельцев. Для них разрешено было продавать ранги знатности после сдачи государству излишков зерна, которые реформатор приравнял к воинской доблести. Ранги знатности предоставлялись также тем, кто доносил царю о нарушении государственных законов.

В качестве главного метода осуществления реформ Шан Ян выдвинул систему жестких обязательных регламентов, малейшее неподчинение которым влекло административно-уголовные и экономические наказания.

В своей концепции о наказаниях Шан Ян выдвигает новое положение: он отказывается признавать наличие какой-либо связи между мерой наказания и тяжестью содеянного преступления. Он вводит в свое учение о наказаниях систему круговой поруки, где связывались не только родственники (отец отвечал за сына, жена – за мужа и т. п.) и соседи, но и люди, занятые общим делом.

Легизм привлекал многих государственных и политических деятелей, стремившихся к созданию сильной централизованной империи. В частности, система управления ханьской империи во многом строилась на основании концепции Шан Яна, Шэнь Бухая и Хань Фэй-цзы. Например, во II в. до н.э. по-прежнему существовал легистский метод наград и наказаний, считавшийся наиболее эффективным методом управления народом. Не меньшее влияние легизм оказывал и на экономическую политику двора, а именно сосредоточение всех рычагов экономической власти в руках государства: восстановление монополии на соль и железо.

Средневековый государственный деятель Ван Ань-ши (1021-1085 гг.) при осуществлении серии реформ также заимствовал идею Шан Яна о взаимной ответственности и систему наказаний, сводившихся к суровым наказаниям за малые проступки. Нередко средневековые юристы при решении спорных вопросов обращались к трактату «Книга правителя области Шан» [2]. В средние века, согласно правилу, от чиновников, претендовавших на должность инспектора (юйши), требовалось знание трактата Шан Яна.

Данные примеры показывают, что отдельные положения легистской доктрины оказались жизнеспособными в разные периоды политической истории Китая. Более того, отдельные элементы легизма проникли и стали неотъемлемой частью так называемого ортодоксального конфуцианства. Множество идей школы легистов, создававшиеся на протяжении VII-III вв. до н. э. и воплотившиеся в наибольшей мере в период правления императора Цинь Ши-хуана, стали образцом для подражания последующих китайских династий.

Библиографический список

1. Васильев, Л. С. Древний Китай / Л. С. Васильев. – М. : Восточная литература, 2006. – Т. 3. Период Чжаньго (V-III вв. до н.э.). – 679 с.
2. Переломов, Л. С. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу) / Л. С. Переломов. – М. : Ладомир, 1993. – 381 с.
3. Штейн, В. М. Гуань-Цзы. Исследование и перевод / В. М. Штейн. – М. : Восточная литература, 1959. – 379 с.

*М. И. Терехина, А. Ш. Парсян
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)*

Проблема взаимосвязи мифологии и философии

Любовь к мудрости послужила основой становления философии как отрасли духовной культуры. Если уподобить (что делали древние греки) философию дереву, то любовь к мудрости – корень, из которого она произрастает, или, другими словами, развитие философии вдохновлено любовью к мудрости. Материалом же для построения духовного древа философии послужила предшествовавшая ей по времени отрасль духовной культуры – мифология.

На заре истории человечества, когда были еще в силе родовые принципы в хозяйственной и культурной жизни, господствующей формой мировоззрения была мифология. Мифология есть результат настоящей духовной потребности объяснить мир и разобраться в явлениях природы. Еще не вооруженная наукой и философией пытливая мысль родового человека рвалась к постижению сил бытия природы и людей. Этот процесс шел через олицетворение в образах богов, пред которыми человек испытывал чувства удивления, бессилия и преклонения. Вместе с тем реальная жизнь людей тесно переплеталась с обитающими на Олимпе образами Богов. Им приписывались даже человеческие пороки. Люди переносили на богов самые причудливые сексуальные ориента-

ции, приписывая им неумное любвеобилие, нескончаемые измены, любовные распри.

Как начальная форма мировоззрения, мифология выражала не только наивные формы объяснения природных и социальных явлений, но и нравственное и эстетическое отношение к миру. Мифологическое мировоззрение выразилось не только в повествованиях, но и в действиях: обрядах, танцах и т. п. В качестве неразделенного, единого целого мифология включала в себя зачатки не только религии, но и философии, политических воззрений, различных форм искусства, в том числе и всевозможных форм словесного искусства: сказок, героического эпоса, легенд, исторического предания и пр.

Бессмертным памятником античной культуры являются творения Гомера «Илиада» и «Одиссея». О философских воззрениях Гомера можно сказать, что он всецело находился на почве мифологии. Ему принадлежит изречение: «Мы все – вода и земля». Он не задавался философским вопросом о происхождении мира. Такого рода вопросы первым выдвинул Гесиод (VII в. до н. э.) – крестьянский поэт, автор знаменитых «Трудов дней» и «Теогонии». Он изложил мифы как единое целое, описав родословную и перипетии в сонме олимпийских богов.

«Родословная богов» начинается так: вначале был Хаос. Из него родилась Земля (Гея). Вместе с Землей рождаются Эрос и Эреб — начало мрака вообще и Ночь как самоопределившийся мрак. От брака Эреба и Ночи рождается Эфир как свет вообще и День как определенный свет. Гея рождает Небо – невидимый небесный свод, а также горы и морскую пучину. Такова предварительная «Теогония», то есть происхождение мира. После этого начинается родословная богов: от брака Геи и Урана, то есть Земли и Неба, рождается Океан и Тефида, а также циклопы и титаны – гиганты, олицетворяющие различные космические силы. От одного из титанов – Кроноса – берет начало новое поколение богов. Сын Кроноса – Зевс в борьбе за власть отсекает у отца «мужское достоинство», которое с огромной небесной выси падает в море, поднимая сильную волну, и из морской пены появляется во всей своей божественной красоте богиня любви – Афродита. Богиня справедливости Дике и Необходимость есть начало всякого земного рождения и слиянности – та, которая посылает женщину сопрягаться с мужчиной и, наоборот, мужчину с женщиной; она взяла себе в помощники Амура и родила его первым из всех богов.

Начинается уже «историческая» полоса мифологии. Гесиод приводит нас к последнему поколению богов, потомков Зевса – «олимпийцев», а отсюда – романтическая полоса вступления богов в интимную близость с земными женщинами, рождающими героев, о которых повествуют гомеровские поэмы; это упоительная череда любовных приключений богов.

Мифология как система, уходящая своими корнями во времена первых цивилизаций и служившая им духовной основой, состоит из двух уровней: образного, доставшегося ей от искусства, и более глубокого – смыслового, который по мере эволюции логического мышления и продвижения тенденции рационализации становился все более важным. Со временем в определенном месте этот глубинный уровень мифологии прорвал оболочку образов и вышел на по-

верхность, заявив о своей самоценности. Философия начинается с осознанной замены образов понятиями. Это точка перехода от мифологии к философии.

Предпосылкой становления философии служит введение отвлеченных сущностей, а окончательно утверждается она тогда, когда эти сущности начинают рассматриваться как понятия, формирующиеся в мозгу человека и выступающие в качестве предмета мышления. От вечных и неизменных понятий берет начало философия, и они гарант бессмертия человеческого духа.

Когда говорят, что философия – высшее достижение человеческого разума, то под этим можно иметь в виду, что отличающее человека от животных понятийное, абстрактное мышление достигает в философии своего расцвета. В этом смысле философия в наибольшей степени соответствует понятию *Homo sapiens*. Вид «человек разумный», по современным антропологическим данным, возник примерно 100 тыс. лет назад, но философию он создал только 2,5 тыс. лет назад. Известный афоризм французского философа Р. Декарта (1596-1650) «Я мыслю, следовательно, я существую» можно интерпретировать таким образом: разумно мысля, я существую как представитель человеческого рода.

Примерно 2500 лет назад мифологическому периоду с его спокойствием и самоочевидностью пришел конец. Сразу в нескольких точках «началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа... и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов бога». В результате целостность мифа была разрушена, и он стал элементом рефлектирующего сознания. Новое вопрошание, обращенное к миру, привело к иным ответам. Человек открыл внутри себя духовный источник, поднявший его над самим собой и миром. Общим было растущее осознание человеком себя как индивидуальности в пределах целого. Миф широко использовался в период становления философии как удобная, привычная всем согражданам форма, в которую вкладывается новое, рациональное содержание. Например, миф повествует о том, что, желая обеспечить людям возможность совместной жизни, боги решили поселить на земле «стыд и правду», но что это такое, определяется уже по-философски. Исследователи отмечают, что довольно длительное время античная философия оставалась своеобразной рационалистически стилизованной мифологией.

Корни философии – в обычных представлениях, прошедших стадию мифологизирования. В одной из основных философских категорий – материи – слышится слово «мать», которое в мифологии поднялось до символа Матери-Земли, Матери-Природы как бесконечного пространства, некоей бесформенной протяженности, доходящей до бескачественности в своем философском выражении. А в понятии идеи как образца для всех вещей – отголоски представления об отце или, в мифологизированном варианте, об Отце-Небе как основателе и творце мира. Отыскивая корни философии, можно уйти и глубже – в мистику.

Философия вышла из мифологии, но ее становление не было безоблачным. За возможность развивать философию люди платили жизнью. И первым такую жертву принес Сократ. Его имя стало нарицательным и служило для выражения идеи мудрости. Сам Сократ ничего не писал, был близким к народу мудрецом, философствовал на улицах и площадях, всюду вступал в философ-

ские споры. Сведения о его воззрениях историки философии черпают из исторических источников, главным образом из «сократических» сочинений Платона и Ксенофонта. Образ Сократа, нарисованный Платоном с удивительным художественным мастерством, навеки вошел в сознание всех последующих поколений как замечательный пример кристально чистого, независимого, ироничного, уникальнейшего мыслителя, ставящего искание истины путем диалога, споров выше всяких иных побуждений души.

Г. П. Трофимова
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Этические проблемы вузовской науки

Одним из наиболее острых противоречий современной эпохи является противоречие в системе «мир – человек». Разрешению этого противоречия во многом может способствовать наука, которая, в свою очередь, как неотъемлемая часть общества переживает кризисную ситуацию. В этих условиях на первый план выходят этические проблемы, отражающие нравственные основы научной деятельности. Бурный прогресс науки является очевидной реальностью современной эпохи, на науку опирается сложный механизм социального пространства. Наука при этом и сама оказалась в ситуации серьезных проблем и альтернатив, поскольку наука изначально по своей природе социальна. Социальность науки проявляется и в направленности получаемого знания, и в его производстве, ведь в ходе познания мысль ученого направлена не только к объекту изучения, но и к другим исследователям данной области. Еще сравнительно недавно было принято считать научный прогресс основой и фактором общего прогресса. Сегодня же в большей части проявляется отрицание гуманистической сущности науки. Сторонники этого мнения подчеркивают, что достижения современной науки приводят к массовому уничтожению человечества, ведут к отчуждению и подавлению человеческой личности, разрушают среду обитания. Научный прогресс не только обостряет существующие противоречия, но и порождает новые.

Специфика деятельности вузовского ученого в том, что ведется не только чистый научный поиск, но и преподавание, воспитание нового поколения ученых. На развитие вузовской науки оказывают влияние многие факторы. С. Мэргат считает одним из факторов, влияющих на университеты, феномен стимулирования общественного спроса. Способствование развития потребительского отношения в рамках университета может привести к различным негативным последствиям. Невостребованность научных результатов со стороны общества приводит к тому, что вузы начинают разрабатывать коммерческие проекты, важность знаний определяется их стоимостью на рынке. Становится все более популярным взгляд на образование как на сферу услуг. Еще один фактор, на который указывает ученый – глобальные экологические проблемы, порождающие широкие фундаментальные научные исследования. Фактором, влияющим на деятельность университетов, является и развитие информацион-

ных технологий. Информационные ресурсы предоставляют ученым широкие возможности общения, моделирования различных процессов в исследованиях, использования электронных библиотек.

Наиболее важными этическими проблемами вузовской науки можно назвать: нарушение академического равенства – доступ к высшему образованию не всегда определяется интеллектуальным потенциалом личности. Знания и компетенции не всегда оцениваются объективно. Следует обозначить и проблемы, связанные с получением знаний. Ученые стремятся к новому знанию, но иногда прибегают к подтасовке результатов исследований, нарушению права интеллектуальной собственности. Зачастую причиной подобного некорректного поведения является соперничество за финансирование научных проектов.

К негативным тенденциям в современном общественном развитии следует отнести размывание общечеловеческих мировоззренческих норм и ценностей. В этих условиях особую роль приобретает социогуманитарное знание, транслирующее богатый опыт мировой и национальной культуры. Особенностью любой культуры является разновременность ее слоев, что отражает диалектику развития: наследование, воспроизведение, освоение культурных ценностей, накопленных поколениями, и отрицание некоторых устаревших форм, замена их новыми элементами. Сегодняшняя ситуация в России характеризуется переменными трансформационными процессами, децентрализацией культуры. В духовной области это проявляется в предельной релятивизации высших ценностей: ничто не свято, ничто не однозначно, ничто не абсолютно. Все более в культуре проявляются элементы конфигуративности, когда каждое поколение оказывается в совершенно новых условиях, не обладает наученным поведением и вырабатывает свой опыт самостоятельно. Развиваются процессы индивидуализации в сферах межличностных отношений, индивид становится все менее зависим от социума. Именно гуманитарное знание должно отвечать за сохранение и передачу духовных констант, поддерживающих национальную и культурную идентичность и собственное духовное «лицо». Без гуманитарного знания невозможно сформировать и свободную, и ответственно поступающую личность. Уникальность его заключается в том, что, в отличие от естественных наук, гуманитарное знание развивает интуицию, творческое мышление и воображение, необходимые в научной, профессиональной и любой другой деятельности. При этом само гуманитарное знание переживает сложную ситуацию: отсутствует целостная парадигма, преобладают замкнутые конвенции, между которыми практически не ведется диалог, исследования в гуманитарных областях порой приобретают форму бессодержательного эстетствования. Отсутствует и методологическая определенность, обусловленная тем, что предметом гуманитарных наук выступает мир человека, в котором переплетаются материальное и идеальное, объективное и субъективное. В гуманитарном познании не воспользуешься микроскопом и другим оборудованием, малоприменимы количественные методы, с их помощью сложно проникнуть в мир смыслов. Находясь в этом состоянии, гуманитарное знание неизбежно испытывает мощный натиск со стороны естественных наук, которые являются довольно стройной и структурированной сферой знаний. Естественные науки задают свои условия рацио-

нализации и формализации, и гуманитарные науки невольно оформляются по аналогии с ними, что часто и лишает последних уникальности.

М. Ж. Тукушева
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Восточные связи ранних кочевников Южного Урала VI-II вв. до н. э. (по материалам находок бронзовых зеркал)

Бронзовые зеркала, являются одной из распространенных находок в погребениях всех четырех ступеней сарматской культуры. Пожалуй, в погребениях ни одной другой археологической культуры зеркала не встречаются так часто, как в сарматских. Зеркала постоянно находят не только в женских, но и в детских и мужских погребениях, в которых другие части типично женского туалетного набора никогда не встречаются. Как правило, зеркала в погребениях находятся в разбитом состоянии. Иногда вместо целого зеркала в погребении клали лишь половину или еще меньший его обломок [7].

В период VI-II вв. до н. э. в основном бытует тип зеркала с плоской длинной ручкой, отлитой вместе с диском [2]. Зеркала этого простейшего типа употреблялись без особых изменений в течение всего савроматского периода, а наиболее поздние экземпляры встречены в погребениях развитой прохоровской культуры. Все они крупных размеров и большинство не орнаментировано [4].

Исследователь М. И. Ростовцев рассматривает такие зеркала как местные дериваты греческих зеркал [3]. По мнению Т. М. Кузнецовой, прототипами для таких зеркал послужили иранские образцы [2]. Также К. Ф. Смирнов полагал, что такая форма была заимствована с востока [4].

В цивилизованных странах Востока зеркала подобной формы с длинной ручкой и вертикальным бортиком появились очень рано. Так, например, они были известны древним индийцам культуры Харалпы и Мохенджо-Даро. В Египте также были известны зеркала, аналогичные савроматским. Такие зеркала изображены на барельефе саркофага принцессы Кавит (XI династия, 2135-2000 гг. до н. э.) и на рисунке в Туринском папирусе (Новое царство) [7].

Совершенно тождественные зеркала в значительном количестве были найдены в древнеиранском некрополе «В» Сиалка (X-VIII вв. до н. э.) [7]. С территории древнего Ирана эти зеркала попадали в Среднюю Азию (впрочем, можно предположить, что Средняя Азия и была их родиной), а отсюда были заимствованы савроматами и скифами, которые почти не изменили их форму, ибо они отличаются от древнеиранских лишь несколько большей шириной ручек [4].

Такие зеркала бытуют на Востоке и в последующее время, например палестинское зеркало V в. до н. э. Данное зеркало имело короткий черенок и на нем есть неровное отверстие, что явно свидетельствует о скреплении черенка с ручкой, вероятно сделанной из дерева [7]. Аналогичная находка известна в Приуралье, в Ново-Кумакском могильнике. Различные варианты этих зеркал встречаются в памятниках скифо-сарматского времени Урала, Казахстана и Алтая; известны они и в Скифии [4].

Исследователь А. А. Иессен считал, что изделия иранского происхождения могли проникать на Южный Урал и в Приуралье (Прикамье) по двум основным путям: через Кавказ и Предкавказье на Волгу; через Среднюю Азию на Южный Урал [1]. По мнению К. Ф. Смирнова, постоянный караванный путь из Хорезма и других стран Средней Азии и Переднего Востока в Приуральские степи был проложен уже к прохоровскому времени (к IV в. до н. э.). Им также подмечено, что все переднеазиатские вещи на территории южноуральских степей в савроматское время (VI-V вв. до н. э.) связаны с бассейном рек Орь, Илек, Урал (на участке от Орска до Оренбурга) Дема и Белая [5]. Эти же районы в VI-II вв. до н. э. являются и местом концентрации разнообразных импортных предметов массового спроса, в частности бронзовых зеркал [6].

Таким образом, анализ находок бронзовых зеркал VI-II вв. до н. э. свидетельствует о том, что территория Южного Урала находилась в тесной связи со многими смежными и отдаленными регионами. К числу таковых относятся Средний и Ближний Восток, контакты с которыми надежно подтверждаются находками вещей импортного происхождения в могилах древних номадов южноуральских степей.

Библиографический список

1. Иессен, А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном / А. А. Иессен // Советская археология XVI. – М., 1952.
2. Кузнецова, Т. М. Зеркала Скифии VI-III века до н. э. : научное издание / Т. М. Кузнецова. – М. : Индрик, 2002. – Т. 1.
3. Ростовцев, М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / М. И. Ростовцев. – МАР. 37. 1918
4. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1964.
5. Смирнов, К. Ф. Сарматы на Илеке / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1975.
6. Таиров, А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья : препринт / А. Д. Таиров. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1995.
7. Хазанов, А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов / А. М. Хазанов // СЭ. Вопросы этногенеза и палеоэтнографии и исторической этнографии. – 1964. – № 3.

А. В. Фомичев
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Орудия горного дела и металлургии с поселенческих комплексов Алакульской культуры на Южном Урале

Кроме построек и площадок, связанных с металлургическим производством, важную информацию об организации горного дела и металлургии можно получить при изучении материального комплекса поселений эпохи поздней

бронзы. Хотя производственные постройки и площадки фиксировались достаточно редко, однако орудия труда как свидетельства развития горного и металлургии отмечались неоднократно, наряду с изучением находок металлического инвентаря. Примитивность морфологических характеристик инвентаря обусловлена относительно низким уровнем развития производительных сил. Из-за трудностей при выработке единых критериев классификации в качестве одного из важнейших критериев выступает функциональная принадлежность орудий. По основному назначению следует выделить две крупные группы: орудия, связанные с горным делом и орудия, связанные с организацией металлургического производства. Первая группа является косвенным подтверждением рода занятий населения, орудия отличаются полифункциональным назначением, и к категории горного дела их можно отнести по аналогии со схожими орудиями, обнаруженными на местах древней добычи и первичной обработки руды. Вторая группа более информативна с точки зрения организации металлургического производства на поселениях, и в рамках одной большой группы по функциональной принадлежности возможно выделение орудий труда для выплавки металла (орудия литейного дела) и орудия кузнечного дела, для последующей обработки металлических изделий. Находки данной группы орудий обнаружены на основных поселениях алакульской культуры на Южном Урале: Ушкатта I, II, Тажек-Сай, Шандаша I, Верхний Киимбай, Кудук-сай, Имбергенсай, Тасты-Бутак, Камышное I, II, Язево, Кипель, Ново-Бурино, Мирный IV.

В целом классификационная схема орудий металлопроизводства с поселений эпохи поздней бронзы, выглядит следующим образом

I. Орудия горного дела

I.1 Растиральные плиты. Использовались при дроблении и растирании руд при помощи молотов, пестов, курантов, дробильных и терочных камней. Они представляли собой обломки плитчатой формы прочных вязких пород. Всего 2 экземпляра.

I.2 Молоты. Крупные орудия ударно-дробильного типа предназначались для добычи и предварительного дробления рудной массы, отделения наиболее насыщенных фракциями медных минералов кусков руды в ходе сухого обогащения. В процессе горной проходки они использовались для забивания клиньев в трещины. Эти изделия отличаются тщательностью изготовления, в том числе обработки внешней поверхности лощением, имеют специально проточенные поперечные желобки, предназначенные для фиксации ремennого крепления рукояти. Всего 8 экземпляров.

I.3. Песты. Эта группа функционально близких орудий ударного действия объединяет достаточно разнородную по морфологическим характеристиками серию ручных инструментов, использовавшихся для дробления и растирания руды и шлаков на плитах-ступях и плитах-наковальнях в ходе обогащательных операций, подготовки шихты и отделения металла после металлургических операций восстановления. От молотов и молотков их отличает отсутствие приспособлений для составных рукоятей. Песты, как наиболее универсальная категория орудий, представлены разнообразными формами и размерами. Всего к данной категории относится 57 экземпляров. С поселения Камыш-

ное I происходит уникальный комплекс, состоящий из каменного песта из зме-евика, круглого в сечении, рабочий конец которого закруглен у снования, выточены два параллельных желобка, рукоять округлая, шляпкообразная, с уступом при переходе к рукояти и сосуда из туфита, вероятно использовавшиеся для приготовления порошкообразной рудной смеси.

1.5 Мотыги. Уплощенные орудия с перпендикулярными лезвиями на торцах или заостренным концом, снабженные противоположащими выемками для привязывания рукояти на продольных поверхностях. Отличаются морфологическим разнообразием. Всего 7 экземпляров.

II. Орудия металлургического производства

II.1 Орудия литейного дела

II.1.1 Тигли – специализированные емкости для плавки металлов и сплавов, в основном изготавливавшиеся из огнеупорных материалов (глина). Всего 4 экземпляра.

II.1.2 Сопла – специально спрофилированные воздухопроводные каналы, крепившиеся на выходном отверстии горнов, изготовленные из огнеупорных материалов, имели форму слегка зауженных на одном из концов глиняных цилиндров. Всего 5 экземпляров, из них 1 целое сопло и 4 фрагмента со следами эксплуатации.

II.1.3 Льячки – специальные сосуды для осуществления литейных операций с расплавленным металлом, имели вид небольших сосудиков чашеобразной или ковшеобразной формы, материал для изготовления использовался огнеупорный глина, камень. 2 экземпляра.

II.1.4 Литейные формы – специализированные формы для получения отливок металлических изделий, изготавливались из огнеупорных материалов (глина, мергель, графит и т. д.). Всего 8 экземпляров.

II.2 Орудия кузнечного дела

II.2.1 Молотки – орудия ударно-дробильного типа, предназначались для холодной или горячей обработки металлических заготовок или изделий. Важным отличием от молотов является средний или малый размер данного типа орудий. Всего 5 экземпляров.

II.2.2 Наковальни – специализированный кузнечный инструмент, применяемый в свободной ручной ковке. В качестве материалов использовались массивные каменные валуны или их фрагменты, с плоской естественной или искусственно подработанной поверхностью. Всего 8 экземпляров.

II.2.3 Точильные камни и лоцила – каменные орудия, при помощи которых проводилась заточка, правка поверхностей металлических изделий. По внешнему виду данная категория изделий характеризуется вытянутой формой, брусковидной или округлой формой с шероховатой абразивной или гладкой поверхностью. Всего зафиксировано 40 находок данной категории.

Подобные находки традиционно фиксировались при раскопках поселений бронзового века в пределах Зауралья и Уральско-Мугоджарского ГМЦ. Орудия горного дела для поселений нехарактерны в силу своего функционального назначения, за исключением ряда универсальных категорий, применяющихся также и в металлургическом производстве. Находки подобной категории

на поселенческих памятниках указывают на места проживания специализированных групп населения, ведущих добычу исходного сырья, где, вероятно, изделия и изготавливались.

*О. А. Фомичева, А. Горюнова
(Орский филиал АНОУ ВПО «МФЮА»
(«Московский Финансово-Юридический Университет»), г. Орск, Россия)*

История развития конституционно-правовых основ регулирующих правоотношений в сфере культуры

Культурные ценности являются достоянием государства и его народа. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого гражданина на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции Российской Федерации). Обязанность государства состоит в обеспечении данного права гражданина.

Россия является государством с многовековой историей, и за это время было накоплено огромное количество произведений искусства, предметов, связанных с важнейшими историческими событиями как в российском, так и в общемировом масштабе. Актуальность данной темы обоснована, прежде всего, особой значимостью, анализа законодательства направленного на охрану памятников истории и культуры. Сохранение культурных ценностей является важным аспектом и с точки зрения поддержания престижа государства. Также проблема сохранения культурных ценностей имеет значение и для имиджа государства на международном уровне, так как именно культурные произведения зачастую являются связующим звеном между народами разных стран.

Важное значение для сохранения культурных ценностей имеет идеологическое и нравственное воспитание гражданина, поскольку знакомство с произведениями великих художников, скульпторов, писателей не просто обогащает духовный мир человека, но и позволяет ему проникнуться подлинным уважением к своему государству. Забота о сохранении исторического и культурного наследия и бережное отношение к памятникам истории и культуры – обязанность, закрепленная той же статьей российской Конституции. В связи с этим выбранная тема исследования представляет несомненный теоретический и практический интерес, в частности, для органов государственной и муниципальной власти.

Целью исследования является анализ правового регулирования охраны и использования памятников истории и культуры в современной городской среде, выявление проблем, разработка предложений по совершенствованию законодательства. В последнее время чрезвычайно остро стоят вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Отношение к культурному наследию приобретает все более идеологический, общественно-политический характер. Острота постановки проблемы обусловлена тем, что развитие культуры рассматривается в контексте тех изменений, которые происходят в политической жизни государства [8].

На сегодняшний день накоплен существенный опыт по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия, расширен диапазон работ различных учреждений и организаций по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Все большее значение приобретает включение в эту деятельность широких слоев населения. В настоящее время вопросам правового регулирования охраны и использования памятников истории и культуры посвящено достаточно много источников правового регулирования. Так, в соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

При этом важно отметить, что законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры имеет свою историю, которая оказала существенное влияние на формирование современной законодательной базы по данному направлению. Следует указать, что история формирования законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры отражает развитие общественного правосознания. Начала правовой регламентации положены указами Петра I о сборе коллекции «диких вещей» и создания Кунсткамеры. Эти нормы действовали до принятия в 1976 г. Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [5].

Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» включал всю систему правовых норм, устанавливающих функции и полномочия государственных органов власти, общественных организаций и граждан по охране и использованию памятников истории и культуры. Указанный закон устанавливал систему градации недвижимых памятников истории и культуры по уровням их культурной значимости. Для осуществления охраны недвижимых памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры, монументального искусства были установлены три зоны охраны: охранные зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта. В соответствии с Законом СССР от 29 октября 1976 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Все памятники истории и культуры, находящиеся на территории СССР, охраняются государством.

Таким образом, до 1991 года действовал только закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Он стал основой для принятия широкого комплекса правовых источников, посвященных охране памятников истории и культуры.

Структура современного российского законодательства о культуре отличается рядом особенностей. Прежде всего, необходимо отметить повышение роли закона в правовом регулировании культурной деятельности. Только в период с 1991 г. по 2002 г. было принято девять законодательных актов, непосредственно посвященных вопросам создания, сохранения, распространения и освоения культурных ценностей. Среди таких законов был Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [2]. Центральное место занимали Основы законодательства о культуре [4]. Основы законодательства Российской Федерации о культуре определили правовую систему управления органами в сфере культуры. Эта система имеет три уровня.

Во-первых, в систему законодательства о культуре входят законы Российской Федерации. Ведущим законом федерального уровня на сегодняшний день является Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [10]. Данный закон регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Принятие последнего Закона стало большим событием в сфере охраны культурного наследия. Закон создан с учетом новейшего европейского опыта и реальной экономической и социокультурной ситуации в стране. В нем подчеркивается ценность объектов культурного наследия России как символа национально-культурной самобытности, важнейших элементов историко-культурной среды обитания и информативных исторических источников.

Во-вторых, в эту систему включены законы субъектов Российской Федерации о культуре. В Оренбургской области принят закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Оренбургской области» [3]. Важным является Закон Оренбургской области «Об охране и использовании памятников истории и культуры Оренбургской области». Этот закон устанавливает, что памятники истории и культуры представляют собой уникальные, ничем не заменимые и не возобновляемые свидетельства исторического развития государства, его народностей, личности граждан и служат основами духовной, моральной и интеллектуальной жизни. Они являются неотъемлемым достоянием и национальным богатством народов Российской Федерации. Закон является составной частью законодательства Оренбургской области, определяет принципы государственной политики в сфере охраны и использования памятников истории и культуры области, регламентирует вопросы их влияния и государственного учета, а также охраны и использования в интересах развития личности, гуманитарного образования, науки и культуры. Бережное отношение к памятникам истории и культуры является обязанностью каждого гражданина, организации, в том числе общественных и религиозных.

В-третьих, нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере культуры, в том числе местного уровня управления культурными процессами. Так, в муниципальном образовании «город Орск Оренбургской области» принято Постановление Администрации города Орска Оренбургской области

от 05 августа 2013 года № 5653-п «Об утверждении долгосрочной целевой программы "Развитие учреждений культуры города Орска на 2013-2015 годы"» [6], в целях улучшения условий по обеспечению жителей города услугами в сфере культуры. Основные задачи программы: пополнение библиотечных фондов, обновление и пополнение материально-технической базы централизованной библиотечной системы; приобретение оборудования, музыкальных инструментов и нотной литературы для муниципальных образовательных автономных учреждений дополнительного образования детей; пополнение материально-технической базы муниципальных автономных учреждений культуры; повышение квалификации педагогических работников муниципальных образовательных автономных учреждений культуры; повышение квалификации работников муниципальных автономных учреждений культуры. Ожидаемые конечные результаты реализации программы и показатели социально-экономической эффективности: улучшение материально-технической базы: централизованной библиотечной системы, муниципальных автономных учреждений культуры, муниципальных образовательных автономных учреждений дополнительного образования детей; повышение квалификации работников культуры и педагогических работников образовательных учреждений в сфере культуры и искусства.

Конституция Российской Федерации в статье 44 закрепляет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Кроме того, Конституция Российской Федерации определяет компетенцию органов государственной власти в области культуры. Это выражается в выделении предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в данной области (ст. 71 и ст. 72), что представляется необходимым для федеративного государства. Конституция Российской Федерации указывает место Правительства Российской Федерации – обеспечение проведения единой политики в области культуры (ст. 114).

Основы законодательства о культуре продолжают играть роль активного центра отрасли законодательства, хотя в современной российской правовой системе их приоритет перед иными законодательными актами не предусмотрен. Таким образом, основы законодательства о культуре можно рассматривать в качестве своеобразной общей части законодательства о культуре, принципы и нормы которой конкретизируются и развиваются в законах, посвященных отдельным направлениям культурной деятельности.

Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», являясь основным регулятором правовых отношений в сфере культуры России, был полностью переработан и внесен в новой редакции. Законопроект принят в первом чтении в октябре 2001 г. К июню 2003 г. законопроект был подготовлен к рассмотрению во втором чтении, однако не внесен из-за имеющихся разногласий с Правительством Российской Федерации.

Комитетом Государственной Думы Российской Федерации по культуре разрабатывается концепция федерального закона о культуре, в целях приведения в соответствие с федеральными законами и нормативно-правовыми актами. В частности, в 2008 г. распоряжением Правительства Российской Федерации утвержден План мероприятий по реализации Концепции развития образования

в области культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг. [7], согласно которому планируется в том числе внесение изменений в Основы законодательства о культуре.

Помимо Основ законодательства о культуре, культурная деятельность как специфический объект правового регулирования получила закрепление и в иных законодательных актах федерального уровня, посвященных непосредственно деятельности по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Так, Гражданский Кодекс Российской Федерации, регулирующий оборот объектов культурного наследия, культурных ценностей, порядок создания, реорганизации, ликвидации организаций, осуществляющих культурную деятельность, а также объединений в области культуры. ГК РФ регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства (авторское право), фонограмм, исполнений, постановок, передач организаций эфирного или кабельного вещания (смежные права) [1]. Дополнением правовой базы является Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (далее – Федеральный закон № 78-ФЗ), [9] который является правовой базой сохранения и развития библиотечного дела в Российской Федерации. Он устанавливает принципы деятельности библиотек, гарантирующие права человека, общественных объединений, народов и этнических общностей на свободный доступ к информации, свободное духовное развитие, приобщение к ценностям национальной и мировой культуры, а также на культурную, научную и образовательную деятельность.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время в России принято огромное количество нормативно-правовых актов, основной целью принятия которых послужила необходимость охраны памятников истории и культуры. Анализ норм законодательства и нормативно-правовых актов, посвященных вопросам правового регулирования охраны и использования памятников истории и культуры позволил определить трехуровневое управление культурными процессами в России. В настоящее время правовую основу регулирования отношений в сфере культуры составляют федеральное законодательство, региональное законодательства и акты местного самоуправления.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 года) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

2. Закон РФ от 15 апреля 1993 года № 4804-1 (ред. от 23.07.2013) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в редакции от 23 июля 2013) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации. – 1993. – № 20. – Ст. 718.

3. Закон Оренбургской области от 3 июля 2013 года № 1678/503-V-ОЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Оренбургской области» // Южный Урал. – 2011. – № 30-35 (спецвыпуск № 98 с документами Законодательного Собрания Оренбургской области).

4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 30.09.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014) // Российская газета, 17 ноября 1992 года. – С. 9.

5. Постановление ВС СССР от 29.10.1976 «О порядке введения в действие Закона СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры"» // Ведомости ВС СССР. – 1976. – № 44. – Ст. 629.

6. Постановление (распоряжение) администрации города Орска от 05 августа 2013 года № 5653-п «Об утверждении долгосрочной целевой программы "Развитие учреждений культуры города Орска на 2013-2015 годы"» // Орская газета. – 2013. – № 33. – С. 4.

7. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2008 г. № 1244-р «О Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг.» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 35. – Ст. 4069.

8. Сиволап, Т. Е. Охрана памятников старины в России в конце XIX – начале XX в. (правительственная и общественная деятельность) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Т. Е. Сиволап. – СПб., 1997. – 30 с.

9. Федеральный закон от 29 дек. 1994 год № 78-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О библиотечном деле» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 2.

10. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 года) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Парламентская газета, 29 июня 2002 года.

О. А. Фомичева, А. Ф. Исмагилова
(Орский филиал АНОУ ВПО «МФЮА»
(«Московский Финансово-Юридический Университет»), г. Орск, Россия)

Анализ конституционно-правовых основ регулирования процесса объединения Крыма и России

Распад СССР в 1991 году повлек за собой образование 15 самостоятельных государств. В состав бывшей республики СССР Украины входил полуостров Крым. Историческое воссоединение Крыма с Российской Федерацией произошло в 2014 году.

Поводом присоединения к России и проведения референдумов в субъектах Украины автономной республики Крым и города Севастополя стали следующие события. Массовая многомесячная акция протеста в центре Киева – Евромайдан – послужила насильственному и незаконному свержению прежней власти. Результатом стало нелегитимное отстранение от должности главы государства – В. Ф. Януковича. Необходимо рассмотреть законность данной процедуры.

Исследование норм законодательства приводит к выводу, что данное решение было незаконным, так как не была соблюдена процедура отрешения президента от должности. Статья 111 Конституции Украины устанавливает процедуру отрешения главы государства от должности: «Президент Украины может быть смещен с поста Верховной Радой Украины в порядке импичмента в случае

совершения им государственной измены или иного преступления. Для проведения расследования Верховная Рада Украины создает специальную временную следственную комиссию, в состав которой включаются специальный прокурор и специальные следователи... Решение о смещении Президента Украины с поста принимается Верховной Радой Украины не менее чем тремя четвертями от ее состава после проверки дела Конституционным Судом Украины и получения его заключения» [7].

В настоящее время новая украинская власть действует в составе председателя Верховной Рады Украины А. В. Турчинова, исполняющего обязанности Президента Украины. Данное положение на первый взгляд законно. В рамках статьи 112 Конституции Украины «В случае досрочного прекращения полномочий Президента Украины исполнение обязанностей Президента Украины на период до избрания и вступления на пост нового Президента Украины возлагается на Председателя Верховной Рады Украины». Аналогично функционирование премьер-министра Украины – им является А. П. Яценюк и вице-премьер-министром – А. М. Сыч [9]. Но данное положение должно действовать в случае отстранения или досрочного прекращения полномочий действующего Президента Украины, которое не состоялось.

Действующая власть начала отменять действующие демократические законы и издавать «свои» антидемократические нормативно-правовые акты. Краеугольным началом реформирования послужило принятие 23 февраля 2014 г. Верховной Радой закона «О признании утратившим действие закона Украины «О принципах государственной языковой политики» (от 3 июля 2014 г. № 5029-VI). Положения закона «О принципах государственной политики» гласят: «В контексте Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств Украины, к которым применяются меры, направленные на использование региональных языков или языков меньшинств, которые предусмотрены в настоящем Законе, отнесены языки: русский, белорусский, болгарский, армянский, гагаузский... К каждому языку, определенному в части второй настоящей статьи, применяются меры, направленные на использование региональных языков или языков меньшинств, которые предусмотрены в настоящем Законе, при условии, если количество лиц – носителей регионального языка, проживающих на территории, на которой распространен этот язык, составляет 10% и более численности ее населения» [3]. Это означает, что при утрате государственной силы данного закона, русский язык утрачивает статус регионального языка.

На территории автономной республики Крым более 70% населения является русскоязычными [11], вполне оправдано негодование местного населения по этому поводу. Давление со стороны западной Украины, ущемление права на самоопределение, нелегитимная власть стали поводом для проведения референдума. В связи с этим было принято постановление «О проведении общекрымского референдума» [12], референдум состоялся 16 марта 2014 года. Голосование прошло на территории Автономной Республики Крым и города Севастополя. В бюллетени были вынесены следующие альтернативные вопросы: «1) Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации, 2) Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за

статус Крыма как части Украины?» По данным обработки 100% протоколов, на территории Крыма 96,77% проголосовавших выбрало первый пункт бюллетеня, в Севастополе – 95,6%. 17 марта результаты референдума были утверждены Верховным Советом Автономной Республики Крым и Городским советом Севастополя [10].

Необходимо подробнее исследовать правовые аспекты проведения референдума, а именно его соответствие действующей Конституции Украины.

В статье 134 Конституции Украины сказано: «Автономная Республика Крым является неотъемлемой составной частью Украины и в пределах полномочий, определенных Конституцией Украины, решает вопросы, отнесенные к ее ведению». Тем самым на субъект Украины распространяется действие Конституции Украины и всех федеральных законов. В статье 69 референдум признается народным волеизъявлением. Однако это не означает автоматическую конституционность любого референдума. На федеральном уровне закрепляются положения только о всеукраинском референдуме [4]. Законодательство Украины дает понятие всеукраинского референдума как одной из форм непосредственной демократии в Украине, способа осуществления власти непосредственно украинским народом, который заключается в принятии (утверждении) гражданами Украины решений по вопросам общегосударственного значения путем тайного голосования (статья 1 Закона «О всеукраинском референдуме»).

Закон Украины «О всеукраинском референдуме» указывает на вопросы всеукраинского референдума, в том числе об изменении территории Украины (ратификационный референдум). Таким образом, вопрос об изменении территории Украины может быть предметом только всеукраинского референдума. Это положение подтверждается в статье 73 Конституции Украины: «Исключительно всеукраинским референдумом решаются вопросы об изменении территории Украины». Законодательства, которое бы четко прописывало перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на местном референдуме, нет. Вместе с тем в статье 138 Конституции Украины в части, касающейся местных референдумов, говорится: «К ведению Автономной Республики Крым относится организация и проведение местных референдумов».

Проведенный 16 марта 2014 г. референдум основывался на статье 18 Конституции республики Украины, которая определяет, что «ведению Автономной Республики Крым подлежит: ... назначение и проведение республиканских (местных) референдумов по вопросам, отнесенным к ведению Автономной Республики Крым...» [5]. Предметом референдума был вопрос о самостоятельности субъекта, что приводит к изменению территории государства. Таким образом, проведение данного голосования, по мнению нынешней украинской власти, является нелегитимным. Об этом говорится также и в заключении Венецианской комиссии о крымском референдуме: «Конституция Украины, как и другие конституции государств-членов Совета Европы, предусматривает целостность страны и не позволяет проводить какой бы то ни было местный референдум об отделении от Украины. Это следует, в частности, из статей 1, 2, 73 и 157 Конституции. Эти положения в совокупности с Разделом X Конституции свидетельствуют о том, что этот запрет применим и к Автономной Республике

Крым, и Конституция Крыма не позволяет Верховному Совету Крыма назначать такой референдум» [2].

Имеется и противоположная точка зрения, которая более приемлема населением Крыма, Севастополя и России. Президент России В. В. Путин, признал референдумы в Крыму и Севастополе законными, о чем свидетельствует Указ Президента Российской Федерации [12]. Результатом указа стало подписание 18 марта 2014 года договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образуются новые субъекты: Республика Крым и город федерального значения Севастополь. На основании этого был принят федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

В обоснование выше названных договоров следует обратиться к доводам о том, что народ является высшим источником власти. Статья 5 Конституции Украины указывает, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ»; статья 3 Конституции Российской Федерации аналогично указывает: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [6].

Правовая основа процедуры законности желания Крыма и Севастополя носит международную природу. Насильственные действия со стороны западной Украины подвергают опасности жизни и нарушают законные интересы русскоязычного населения Крыма, что противоречит общепризнанному праву на жизнь, праву на самоопределение. Нормы Международного пакта о гражданских и политических правах гласят: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» (статья 1), «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека» (статья 6) [8]. Этими доводами пронизана Всеобщая декларация прав человека: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (статья 3) [11].

Следует кратко отразить первоначальные последствия процедуры «воссоединения России». Вхождение в состав Российской Федерации автономной республики Крым повлияет на внутреннюю ситуацию в Российской Федерации неоднозначно. Первые законодательные решения по интеграции Крыма в российскую систему увеличат «бюджетную дыру» страны. Так уже внесены поправки в федеральный закон «Об особенностях перечисления в 2014 году прибыли, полученной Центральным банком Российской Федерации по итогам 2013 года», предусматривающие, что Центральный банк выделит 60 млрд рублей из своей прибыли за 2013 год, которые через Агентство по страхованию вкладов пойдут на обеспечение сохранности крымских вкладов [14]. Решение о доведении пенсий, денежного содержания военнослужащих, бюджетников в Крыму до среднероссийского уровня приведет к немалым затратам из федерального бюджета России [13]. Говоря о плюсах присоединения новых субъектов можно

отметить следующие. Воссоединение нашего государства и Крыма несет в себе огромный потенциал аграрной, портовой, туристической зоны, создает новые возможности для ведения бизнеса. Кроме того, воссоединение Крыма и России в большей степени положительно повлияло на отношение населения России к высшим органам власти и патриотическое настроение молодежи.

Таким образом, несмотря на противоречивые доводы о законности процесса воссоединения России и Крыма, следует отметить не только зрелое становление гражданского общества, но и реальное функционирование демократических принципов на мировом уровне. Можно принимать законодательство, принудительно осуществлять властное управление, но государство будет существовать только в случае полного согласия населения с властными структурами. Ярким проявлением такого утверждения является этот исторический факт проявления воли народа как единственного источника любой власти.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru> (дата обращения : 25.03.2014).

2. Заключение по вопросу «Соответствует ли решение, принятое Верховным советом автономной республики Крым в Украине об организации референдума о том, чтобы стать субъектом Российской Федерации или восстановить конституцию 1992 г., конституционным принципам», принятое Венецианской комиссией на её 98-м пленарном заседании 21-22 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru> (дата обращения : 28.03.2014).

3. Закон Украины от 3 июля 2012 года № 5029-VI «О признании утратившим действие закона Украины «О принципах государственной языковой политики» (в ред. от 21.11.2013) // Ведомости Верховной Рады (ВВР). – 2013. – № 23. – Ст. 218.

4. Закон Украины от 06.11.2012 № 5475-VI «О всеукраинском референдуме» // Ведомости Верховной Рады (ВВР). – 2013. – № 44-45. – Ст. 634.

5. Конституция автономной республики Крым от 21 октября 1998 года (в ред. от 19 марта 2009 года) // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 1999. – № 5-6. Ст. 43.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (в ред. от 5 февраля 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://constitution.garant.ru/rf/chapter/5/> (дата обращения : 24.03.2014).

7. Конституция Украины от 28.06.1996 (в ред. от 21.02.2014) // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.

8. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru> (дата обращения : 25.03.2014).

9. Официальный веб-портал Верховная Рада Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://portal.rada.gov.ua> (дата обращения : 01.04.2014).
10. Портал общекрымского референдума [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://referendum2014.ru> (дата обращения : 02.03.2014).
11. Портал русского народа Крыма Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscrimea.ru> (дата обращения : 31.03.2014).
12. Постановление Верховной Рады автономной республики Крым от 06 марта 2014 года № 1702-6/14 Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://referendum2014.ru> (дата обращения : 02.04.2014).
13. Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2014 года № 147 «О признании Республики Крым» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 12. – Ст. 1259.
14. Указ президента Российской Федерации от 31 марта 2014 года № 192 «О мерах государственной поддержки граждан, являющихся получателями пенсий на территориях Крыма и г. Севастополя») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения : 02.04.2014).
15. Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 40 «Об особенностях перечисления в 2014 году прибыли, полученной Центральным банком Российской Федерации по итогам 2013 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru> (дата обращения : 01.04.2014).

О. А. Фомичева, Д. В. Пахомова
(Орский филиал АНОУ ВПО «МФЮА»
(«Московский Финансово-Юридический Университет»), г. Орск, Россия)

Нормотворческие полномочия органов государственной власти Оренбургской области в сфере историко-культурного развития

Статья 72 Конституции Российской Федерации определила вопросы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Важным национальным общероссийским вопросом является сфера воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, а также охрана памятников истории и культуры [1]. Нормы данной сферы отношений реализуются посредством определения национальных и культурных особенностей регионов. Поэтому аналогичные нормы содержатся в региональных Основных законах, в том числе и Уставе (Основном Законе) Оренбургской области от 20 ноября 2000 года № 724/213-ОЗ [4].

В целях гармонизации отношений по решению вопросов, касающихся культуры и охраны памятников истории и культуры, необходимо грамотно распределить властные полномочия всех органов власти страны. Важнейшее место в данном механизме отводится органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Именно поэтому наша статья посвящена полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации – полномочиям Правительства Оренбургской области. При этом необходимо отразить пределы влияния органов именно исполнительной власти Оренбургской области. С

этой целью первоначально необходимо определить, что понимается под охраной памятников истории и культуры.

Охрана памятников культуры – это деятельность государства, направленная на сохранение, использование, а также распространение известности объектов культурного наследия, с целью реализации права на доступ к культурным ценностям [2]. При этом под объектами культурного наследия понимаются объекты недвижимого имущества и связанные с ними произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, а также объекты науки и техники или иные предметы материальной культуры, возникшие в результате исторических событий и представляющие собой ценность. Объекты культурного наследия по уровню государственного управления подразделяются:

- объекты культурного наследия федерального значения;
- объекты культурного наследия регионального значения;
- объекты культурного наследия местного значения.

Все объекты культурного наследия подлежат единому учету, включаются в единый государственный реестр объектов культурного наследия, в который вносятся сведения о таких объектах. Реестр представляет собой информационную систему, в которой находится банк данных, который содержит учетные карты с информацией об объекте культурного наследия. В учетную карту объекта, представляющего собой историко-культурную ценность, включается: регистрационный номер, наименование объекта, время создания или возникновения объекта, дата связанного с ним исторического события, адрес или местонахождение объекта, вид объекта, общая видовая принадлежность объекта, общее описание объекта и вывод об его историко-культурной ценности, использование объекта культурного наследия, а также сведения о дате и обстоятельствах обнаружения объекта [3]. Единый реестр ведется Министерством культуры Российской Федерации.

На уровне регионального управления охрана объектов культурного наследия возлагается на орган исполнительной власти. Согласно статье 10 Закона Оренбургской области от 3 июля 2013 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Оренбургской области», объект культурного наследия регионального значения включается в реестр Министерством культуры Российской Федерации по представлению Правительства Оренбургской области на основании принятого решения о включении объекта культурного наследия регионального значения [5]. Стоит отметить, что с момента необходимости включения объекта культурного наследия в единый реестр и наступает правотворческий процесс. Многие ученые-юристы указывают, что под правотворчеством понимается организационно-процессуальная деятельность законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, направленная на принятие законов или иных нормативно-правовых актов [27]. Решение о включении объекта культурного наследия регионального значения в реестр может быть принято Законодательным Собранием Оренбургской области в виде принятия Постановлений [8], Губернатором Оренбургской области в виде издания Указов [5; 10], Правительством Орен-

бургской области – в виде издания Постановлений [5; 17], а также министром культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области в виде издания Приказов [5].

Статья 76 Конституции Российской Федерации указывает, что субъекты осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. Если же затрагивается вопрос совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, то издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации [1].

Обращаясь к пункту 3 статьи 10 Закона Оренбургской области «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Оренбургской области», именно Правительство Оренбургской области принимает решение о включении объекта культурного наследия регионального или местного значения в реестр по представлению уполномоченного органа охраны объектов культурного наследия. Как правило, объекты культурного наследия утверждаются и принимаются на государственный учет на основании Постановлений Законодательного Собрания Оренбургской области, Указов Губернатора Оренбургской области, Постановлений Правительства Оренбургской области. Например, объект культурного наследия «Дом торговый. Контора. 1910 года. Модерн» утвержден и принят на государственный учет и охрану на основании Указа Губернатора Оренбургской области от 19 января 2011 года № 15-ук «Об объектах культурного наследия» [11].

Необходимо подробнее остановиться на процедуре принятия Правительством Оренбургской области имущества – культурных объектов, то есть на процедуре нормотворческой деятельности исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации. Статья 18 Закона Оренбургской области от 16 ноября 2009 года «О Правительстве Оренбургской области» наделяет Правительство Оренбургской области полномочиями обеспечивать сохранение, использование и популяризацию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности Оренбургской области, а также осуществлять государственную охрану объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) областного значения [6]. При этом процесс принятия постановлений Правительством Оренбургской области должен содержать определенные регламентом стадии:

- 1) возникновение необходимости признать объект культурного наследия;
- 2) правотворческая инициатива;
- 3) подготовка проекта постановления;
- 4) согласование проекта;
- 5) проведение правовой и антикоррупционной экспертизы;
- 6) рассмотрение проекта постановления и его подписание;
- 7) вступление постановления в силу.

Правом внесения проектов постановлений обладают Губернатор Оренбургской области, председатель Правительства Оренбургской области, члены Правительства Оренбургской области, руководители органов исполнительной

власти Оренбургской области, руководители территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и главы муниципальных образований области [9].

Проекты постановлений оформляются в рамках образцов установленной формы бланках. Ответственность за качество подготовки проектов несут члены Правительства Оренбургской области и руководители органов исполнительной власти Оренбургской области, которые представили проект постановления.

Подготовленные и оформленные проекты документов подлежат согласованию, в ходе которого изучается правомерность изложенных положений, которые определяют компетенцию Правительства Оренбургской области по решаемому вопросу, отношение учреждений, организаций и должностных лиц к вопросам, изложенным в проекте. Изучение содержания и целесообразности проекта документа в Правительстве Оренбургской области проводится путем сбора необходимых письменных заключений, их анализа, согласования доработанного проекта документа с необходимыми органами, организациями и должностными лицами, а также заверения документа кругом должностных лиц, принимающих обязательное участие в подготовке проекта документа, с помощью проставления подписей. Замечания и мнения руководителей печатаются на отдельном листе и прикладываются к проекту документа. Проводится согласование не более трех дней.

После проведения согласований проекта, он передается в аппарат Губернатора и Правительства Оренбургской области для проведения правовой и антикоррупционной экспертизы. Экспертиза проводится с целью проверки соответствия оформленного проекта документа установленным требованиям и выявления в нормативных правовых актах и их проектах, в правовых актах, не имеющих нормативный характер, коррупционных факторов, их описания, а также внесения предложений и рекомендаций, направленных на устранение таких факторов [8]. Если в проекте постановления обнаружатся коррупционные факторы, то составляется заключение. В заключении указываются положения проекта, которые создают условия для проявления коррупции, а также отражаются все негативные последствия сохранения коррупционных положений [7]. В случае отсутствия в проекте документа коррупционных факторов, в справке согласования проставляется отметка об отсутствии коррупционных факторов. При наличии нарушенных правовых требований проект возвращается инициатору для доработки. Заключение носит рекомендательный характер. Проводится проверка в срок не более десяти дней [8].

После проведения согласования и прохождения экспертизы аппарат Губернатора и Правительства Оренбургской области передает проект председателю Правительства Оренбургской области для подписания. В случаях представления проектов областных целевых программ, а также по решению председателя Правительства Оренбургской области проекты рассматриваются на заседании Правительства Оренбургской области. Принимаются проекты постановлением большинством голосов. При равенстве голосов решающим является голос председательствующего на заседании. Постановления Правительства Орен-

бургской области, принятые на заседании, подписываются председателем Правительства Оренбургской области или лицом, его заменяющим.

Постановления Правительства Оренбургской области нормативного характера вступают в силу одновременно на всей территории Оренбургской области после их официального опубликования, если в актах не указан иной срок вступления их в силу. Постановления Правительства Оренбургской области по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина вступают в силу не ранее чем через 10 дней после их официального опубликования. Иные постановления Правительства Оренбургской области вступают в силу со дня их подписания, если в актах не указан иной срок вступления их в силу [9].

Помимо утверждения объектов культурного наследия Правительство разрабатывает Областные целевые программы, в настоящий момент в Оренбургской области проводятся две областные целевые программы:

1. Областная целевая программа «Сохранение культурного наследия Оренбургской области» на 2013-2016 годы [18];

2. Государственная программа Оренбургской области «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014-2020 годы [20].

Областная целевая программа «Сохранение культурного наследия Оренбургской области» на 2013-2016 годы была разработана Министерством культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области, на основании Распоряжения Губернатора Оренбургской области от 26 марта 2012 года № 99-р «Об образовании рабочей группы по разработке областной целевой программы «Сохранение культурного наследия Оренбургской области» на 2013-2016 годы» [13]. Программа была утверждена Постановлением Правительства Оренбургской области от 9 июля 2012 года № 586-пп и вступила в силу с 1 января 2013 года [18]. Исполнителями данной программы являются Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области и Министерство образования Оренбургской области. Цель данной программы – обеспечение сохранности объектов, а также их эффективное использование. Направлена данная программа на развитие туризма за счет привлечения объектов культурного наследия и их использования, популяризации. За счет реализации программы планируется увеличить зоны охраны объектов культурного наследия с 2 до 42, провести реставрацию культурного наследия объектов, – которые находятся в неудовлетворительном состоянии, и увеличить их с 72 до 124. На реализацию данных задач и целей планируется затратить 111 290 тысяч рублей из средств областного бюджета.

Государственная программа Оренбургской области «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014-2020 годы направлена на сохранение и развитие культурного потенциала и культурного наследия Оренбургской области. Целью политики в области культуры является предоставление в распоряжение населения Оренбургской области комплексной инфраструктуры, которая будет способствовать культурному и духовному развитию. Основаниями проведения данной программы является Постановление Оренбургской области от 28 апреля 2011 года № 279-п «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Оренбургской области» [20], Распо-

ряжение Губернатора Оренбургской области от 08 октября 2012 года № 373-р «Об утверждении перечня государственных программ Оренбургской области» [14], Распоряжение Губернатора Оренбургской области от 05 марта 2013 года № 76-р «Об образовании рабочей группы по разработке государственной программы «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014-2020 годы» [15]. Исполнителем является Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области совместно с Министерством строительства, жилищно-коммунального и дорожного хозяйства Оренбургской области, Министерством образования Оренбургской области и Комитетом по делам архивов Оренбургской области. Реализуется данная программа за счет проведения подпрограмм «Наследие» и «Культура и искусство». По предварительным прогнозам, общий объем финансирования составит 9 436739,7 тысяч рублей из средств областного бюджета. Программа на основании Постановления Правительства Оренбургской области от 23 декабря 2013 года № 1201-пп «Об утверждении государственной программы «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014-2020 годы» действует с 31 января 2014 года [20].

Именно на органы исполнительной государственной власти Оренбургской области возлагаются полномочия по заключению межсубъектных и международных соглашений. В Оренбургской области заключены:

- Соглашение между Правительством Оренбургской области Российской Федерации и Акиматом Актюбинской области Республики Казахстан о торгово-экономическом, научно-техническом, культурном и гуманитарном сотрудничестве, которое было заключено 28 июня 2011 года в городе Актобе, подписано Ю. А. Бергом и Е. Н. Сагиндиковым [21];

- Соглашение между Правительством Оренбургской области Российской Федерации и Администрацией Араратской области Республики Армения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, подписано 21 мая 2010 года в городе Арташат А. А. Чернышевым и В. В. Овакимян [22];

- Соглашение между Правительством Оренбургской области Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, заключено и подписано 3 декабря 2009 года в г. Минск между Правительствами Оренбургской области и Республики Беларусь [23];

- Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве между Правительством Оренбургской области и Правительством Саратовской области, подписано 10 октября 2011 года Ю. А. Бергом и П. Л. Ипатовым [24];

- Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и социально-культурном сотрудничестве между Оренбургской областью и Республикой Татарстан, подписано в городе Сочи 17 сентября 2011 года Ю. А. Бергом и Р. Н. Миннихановым [25];

- Соглашение между Оренбургской областью и Чувашской Республикой о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве,

совершенное в городе Оренбург 29 августа 2009 года и подписано А. А. Чернышевым и Н. В. Федоровым [26].

Таким образом, полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации определяют направление деятельности всего региона по управлению в сфере культуры и образования памятников культурного наследия. Соглашения, заключенные в сфере культурного общения, в том числе с иностранными государствами, расширяют не только культуру региона, но и торгово-экономическое, научно-техническое, культурное и гуманитарное сотрудничество с целью содействия развитию Оренбургской области и укрепления дружественных отношений. Велика роль исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации в развитии законодательства – именно на исполнительный орган возлагаются первоначальные нормотворческие функции по определению культурных процессов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 год № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 года № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.

2. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 года) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

3. Приказ Минкультуры Российской Федерации от 3 октября 2011 года № 954 «Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 4.

4. Закон Оренбургской области от 20 ноября 2000 года № 724/213-ОЗ (в ред. от 06 марта 2014 года) «Устав (Основной Закон) Оренбургской области» // Южный Урал. – 2000. – № 243. – С. 2-4.

5. Закон Оренбургской области от 3 июля 2013 года № 1678/503-V-ОЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Оренбургской области» // URL:<http://www.zaksob.ru/doc.aspx?id=835>

6. Закон Оренбургской области от 16 ноября 2009 года № 3223/740-IV-ОЗ (в ред. от 06 марта 2014 года) «О Правительстве Оренбургской области» // Южный Урал. 2009. № 175-181.

7. Закон Оренбургской области от 15 сентября 2008 года № 2369/497-IV-ОЗ (в ред. от 28 октября 2013 года) «О противодействии коррупции в Оренбургской области» // Южный Урал. – 2008. – № 151-158.

8. Постановление Законодательного Собрания Оренбургской области от 6 октября 1998 года № 118/21-ПЗС «Об утверждении списка вновь выявленных памятников истории и культуры и принятии их на государственный учет и охра-

ну как памятники областного значения» // Бюллетень Законодательного Собрания Оренбургской области. – 1998. – № 4.

9. Указ Губернатора Оренбургской области от 18 декабря 2008 года № 159-ук (в ред. от 10 декабря 2010 года) «О порядке проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов и проектов правовых актов Губернатора Оренбургской области, Правительства Оренбургской области и органов исполнительной власти Оренбургской области» // Оренбуржье. – 2010.

10. Указ Губернатора Оренбургской области от 21 октября 2008 года № 130-ук (в ред. от 16 марта 2009 года) «Об объектах культурного наследия» // Оренбуржье. – 2010.

11. Указ Губернатора Оренбургской области от 19 января 2011 года № 15-ук «Об объектах культурного наследия» // Оренбуржье. – 2011. – № 22.

12. Указ Губернатора Оренбургской области от 08 мая 2009 года № 90-ук (в ред. от 1 августа 2013 года) «Об утверждении положения о министерстве культуры и внешних связей Оренбургской области» // Оренбуржье. – 2009. – № 75.

13. Распоряжение Губернатора Оренбургской области от 26 марта 2012 года № 99-р «Об образовании рабочей группы по разработке областной целевой программы «Сохранение культурного наследия Оренбургской области» на 2013-2016 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zakonprost.ru/content/regional/48/1751006>.

14. Распоряжение Губернатора Оренбургской области от 08 октября 2012 года № 373-р «Об утверждении перечня государственных программ Оренбургской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/>.

15. Распоряжение Губернатора Оренбургской области от 05 марта 2013 года № 76-р «Об образовании рабочей группы по разработке государственной программы «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/>.

16. Постановление Правительства Оренбургской области от 4 февраля 2010 года № 40-пп «О регламенте Правительства Оренбургской области» // Оренбуржье. – 2010. – № 23, 30, 34.

17. Постановление Правительства Оренбургской области от 16 апреля 2012 года № 333-п (в ред. от 30 апреля 2013 года) «Об утверждении порядка формирования и ведения реестра спортивных сооружений и иных объектов спорта в Оренбургской области, предоставления сведений из него и внесения в него изменений» // Оренбуржье. – 2012. – № 65.

18. Постановление Правительства Оренбургской области от 9 июля 2012 года № 586-пп «Об утверждении областной целевой программы «Сохранение культурного наследия Оренбургской области» на 2013-2016 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/NPA/09/70bb03cc-d35c-4d16-8feb-04776dc28c31.html>.

19. Постановление Правительства Оренбургской области от 28 апреля 2011 года № 279-п «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки

эффективности государственных программ Оренбургской области» // Оренбуржье. – 2011. – № 72.

20. Постановление Правительства Оренбургской области от 23 декабря 2013 г. № 1201-пп «Об утверждении государственной программы «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014-2020 годы» // Оренбуржье. – 2014. – № 15.

21. Соглашение между Правительством Оренбургской области Российской Федерации и Акиматом Актюбинской области Республики Казахстан о торгово-экономическом, научно-техническом, культурном и гуманитарном сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/Info/Foreign Comm/ms.html>.

22. Соглашение между Правительством Оренбургской области Российской Федерации и Администрацией Араратской области Республики Армения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/>.

23. Соглашение между Правительством Оренбургской области Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/Info/Foreign Comm/ms/2.html>.

24. Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве между Правительством Оренбургской области и Правительством Саратовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/Info/ForeignComm/rs.html>.

25. Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и социально-культурном сотрудничестве между Оренбургской областью и Республикой Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/Info/Foreign Comm/rs/2.html>.

26. Соглашение между Оренбургской областью и Чувашской Республикой о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/Info/Foreign Comm/rs/1.html>.

27. Лебедева, Н. В. Правотворческая деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации / Н. В. Лебедева // Проблемы права. – 2010. – № 26. – С. 42.

М. Х. Хаджаров

(ФГБОУ «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия)

Критика и защита понятия «суверенитет» в условиях глобализации социальной реальности

Глобализация, выдаваемая как вызов времени, как необходимость, продиктованная потребностями человечества в дальнейшем развитии, является на самом деле попыткой создания однополярного мира и принесения в жертву всего суверенного, национального, культурно-этнического, ценностного. Это

хорошо отлаженный механизм пропаганды релятивизма, условности культурных норм, отрицания единства и рамок национально-этнического, что приводит к насильственному вытеснению культурно-национального содержания. В неразвитых обществах, в которых нет сильной экономической, политико-идеологической и культурно-мировоззренческой системы, способной противостоять негативной инокультурной интервенции, происходит распад культурных смыслов, кризис идентичности, деформация сознания, распад социальных институтов, разложение морали.

Любая попытка сохранения собственной государственности встречается со стороны развитых государственных стран неприкрытой враждебностью.

В этих условиях возникает вопрос о понятии «суверенитет» и его значении в жизнедеятельности государства.

Любое самостоятельное и самодостаточное в своей деятельности государство основывается на понятии «суверенитет». Суверенитет символизирует верховенство и независимость государственной власти в реализации внутренней и внешней политической деятельности страны. Внутри общества государственная деятельность оказывает авторитарное воздействие на все стороны и сферы социальной жизнедеятельности с целью обеспечения правопорядка в обществе и придания прогрессивной динамики ему. А в международных отношениях суверенитет позволяет государству позиционировать себя как самостоятельный и независимый субъект международного права, обладающий правом на полное самоуправление, не подчиняющийся какой-либо иной власти при определении внешнеполитического курса, принятии и проведении в жизнь политических решений.

Основными признаками, характеризующими внешний суверенитет государства, являются целостность и неделимость ее территорий, невмешательство во внутренние дела, самостоятельность и свобода в определении внутреннего и внешнего политического курса страны, право выбора экономического, социального и политического направления развития.

Однако такой подход к пониманию суверенитета подвергают критике. В социально-философской и политико-правовой литературе можно выделить, по крайней мере, три мировоззренческих позиции, которые находятся в оппозиции по отношению к концепции суверенитета.

Первая позиция, «технологическая», согласно которой утверждается, что в условиях развития информационно-технологического общества происходит техническое совершенствование способов коммуникации, благодаря которым все человечество оказывается вовлеченным в единое информационно-коммуникативное поле. Соотнесенность людей разных культур на основе коммуникативной деятельности детерминирует их сближение и в других областях жизнедеятельности, что естественно приводит к отказу от замкнутости и стиранию границ между государствами, которые служат тормозом в дальнейшей интеграции человечества в глобальное сообщество.

Вторая позиция, «юридическая», которая исходит из понимания, что в условиях международного экономического и политического взаимодействия государств между собой и возникновения транснациональных экономических

корпораций понятие «суверенитет» создает противоречивые ситуации в системе международных договоренностей, это ведет к формированию юридических предпосылок для отказа от использования термина «суверенитет».

Третья – «антропологическая», которая начала формироваться в рамках теоретической деятельности Римского клуба, исследования которого ориентированы на изучение глобальных проблем современности, вызванных ускоренным развитием современной техногенной цивилизации. Согласно этой позиции, современные проблемы, возникшие в связи с хозяйственно-экономической деятельностью человека, столь масштабны, что для их решения требуются консолидированные усилия мирового сообщества. Необходимо создание новой гуманистической идеологии, в основе которой должны лежать идеи ответственности за происходящие на планете процессы, соучастия в решении глобальных проблем, взаимопринадлежности к единому мировому сообществу. Следовательно, понятие «суверенитет» в условиях интеграции мирового сообщества и возрастания глобальных угроз постепенно изживает свой первоначальный смысл и перестает функционировать как политико-идеологический и правовой инструмент.

В идеале, конечно, можно было бы предположить, что на современном этапе развития человечества политическим императивом и ценностным основанием новой эпохи должно стать понимание всеобщей взаимозависимости, которое приходит на смену представлениям о независимости и суверенности государств. Это, в свою очередь, неизбежно привело бы субъекты международной политической деятельности к отказу от собственной суверенности в пользу межгосударственных и интернациональных структур управления.

Однако современная реальность такова, что в международной политической практике Америка выступает как «мировой жандарм», определяющий характер политико-экономических отношений между государствами и устанавливающий мировой порядок, и явно стремится навязать правительствам других стран те принципы существования, которые отвечают ее национальным интересам.

Французский политический философ и теоретик права 16 века, родоначальник концепции суверенитета Жан Боден в своей работе «Шесть книг о государстве» определяет суверенитет как абсолютную и постоянную власть государства над своими гражданами и подданными. Суверенитет, по его мнению, постоянен, един, неделим, абсолютен и самодостаточен. Он предполагает независимость государства от внешних авторитетов и некоторый набор функций, обеспечивающих эту независимость: исключительное право издавать законы, решать вопросы войны и мира, творить суд, наказывать и миловать, собирать налоги и пр. По мнению Бодена, носитель суверенитета не связан законами, которые он сам создает [1; 199].

Мировое сообщество не может быть подчинено нескольким развитым странам и обслуживать их интересы. Каждая страна имеет право развиваться в соответствии с национальными интересами и следовать во внешней политике позитивному международному праву. При этом основополагающей характеристикой государственной организации общества должен являться суверенитет, который обладает приматом над законом, легитимностью и неработающим

международным правом, идущим вразрез с национальными интересами. Проблема суверенитета возникает, как правило, тогда, когда и закон, и легитимность, и международное право оказываются недееспособными. В такой ситуации, полагает Шмитт, государственный лидер вправе вывести страну из-под власти неэффективно действующих юридических норм. Политический компонент бытия позволяет, по мнению Шмитта, провести границу «свой – чужой». Отличительная функция политики, согласно ученому, состоит в том, чтобы проводить демаркационную линию между «другом» и «врагом» и определять, имеет ли место экстремальная ситуация, которая может вести к войне или к другим чрезвычайным последствиям типа приостановки действия конституции [3; 66]. Однако при проявлении самостоятельности к определению суверенитета собственной страны, политические лидеры этих стран встречают сопротивление извне. На этой почве происходит ущемление прав менее развитых стран более могущественными государствами. Вмешательство одних государств во внутреннюю политику других нередко становится причиной затяжных кризисов. Примерами этого может служить политическая нестабильность в ряде стран, чей суверенитет был нарушен США. Именно Соединенные Штаты в последние десятилетия провели целый ряд военных операций, получивших название «гуманитарных интервенций». Сегодня, анализируя концепцию государственного суверенитета, невозможно найти ответ на вопрос, при каких условиях является законным осуществление гуманитарной интервенции одним государством по отношению к другому.

Очевидным фактом является то, что во все времена западные страны относились и относятся к России враждебно и с неприкрытой опаской. В этих условиях страна должна укрепляться, и имеет для этого достаточные основания. Речь здесь идет как о технических средствах защиты, так и о духовных. Создавая и укрепляя техническую сторону безопасности, нельзя упускать и духовно-культурную. К ним в первую очередь относятся такие базовые принципы и ценности, как служение народу, развитие личности, социальная справедливость, развитие социальной и экономической сферы, суверенитет, национальная и культурная идентичность, духовность, культура, самобытность.

Суверенитет государства конституируется на основе этих принципов и ценностей. Каждому народу соответствуют своя духовность, пространство, свой культурный быт, который выражает исторически накопленный опыт людей, опыт, систематизировавшийся веками. Духовная и культурная специфика определяют самобытность нации, ее страны. Этим объясняется то, почему нельзя механически навязывать или некритически заимствовать чужой опыт или иные «культурные образцы». Именно поэтому западные эксперты вынуждены были признать в середине 2000-х годов, что ни одна западная экономическая модель не прижилась в России вследствие их отторжения национально-культурными особенностями народа.

Не следует ли из этого, что России не стоит гнаться за моделью общественно-государственного и социально-экономического устройства западных стран, а необходимо выработать свой путь развития, сочетающий достижения

западной и азиатской цивилизаций и национальную культурно-историческую специфику?

Безусловно, Россия должна реагировать на современные вызовы, учитывать специфику развития технологически продвинутого западного мира и отвечать на требования глобализации. Однако из этого вовсе не следует, что Россия должна раствориться в западноевропейском мире. Она никогда не отождествляла себя с этим миром, не относила себя в полной мере к культурной европейской общности, но, оставаясь всегда самостоятельной общеисторической и специфически духовной целостностью, сочетала в себе прогрессивные тенденции развития европейской технологической цивилизации и традиционно-консервативную ориентацию азиатской культуры. И это давало ей возможность, оставаясь суверенной державой, выступать одним из ключевых субъектов историко-культурного процесса и международного мирового порядка.

Развитые страны Запада заявляют, что они обеспокоены социально-экономическим и политическим положением населения в других странах; чтобы поднять их жизненный уровень до цивилизованного, они экспортируют свои модели образа жизни. Однако напрашивается вопрос: почему экспортирование демократии и западных стандартов происходит именно в те страны, которые богаты естественными природными ресурсами? Не видно, чтобы Америка со своими союзниками по НАТО была обеспокоена положением населения и состоянием развития Монголии. Нынешний политический кризис в Украине и защита своих национальных интересов Россией показали, насколько важна политическая воля государственного лидера, поддержка президента народом и самодостаточная политика государства в целом на международной арене. Этот кризис также продемонстрировал, насколько агрессивно западноевропейское сообщество во главе с Америкой, которое лоббирует свои экономические и геополитические интересы далеко за пределами своих национальных территорий. Насколько открыто неприязненное, аморальное и агрессивное отношение к тем странам, которые становятся преградой на пути к реализации их геополитических и экономических интересов. По отношению к таким странам используются самые разные методы: от «бархатных революций» до прямого вооруженного вмешательства в суверенные дела страны. Цель вмешательства одна – получить доступ или к энергетическим источникам, или к ценным природным ресурсам, или же «завладение территорией» путем установления иной власти в стране, отвечающей их интересам. Маловероятно, что западный мир настолько обеспокоился бы судьбой Украины, если бы она не располагалась на берегу Черного моря. Для Запада очень важно было в перспективе расположить свой флот на Черном море, чтобы Россия была окружена НАТО со всех сторон.

Сказанное позволяет нам актуализировать проблему суверенитета, сформулировать вопрос «Какую роль играет суверенитет государства в социальной, политической, экономической и духовной сферах общественной жизни и осуществлении внешнеполитической деятельности?». Рассматриваемый вопрос не относится к числу тривиальных. Он заслуживает к себе серьезного внимания в период глобальных социальных процессов и тиражирования Западом своего образа жизни по всему миру, используя для этого понятия «демократия», «об-

щечеловеческие ценности», «высокий и качественный уровень жизни», «полноценное удовлетворение потребностей» и другие, и создания видимой «добровольности» принятия «новых стандартов жизни» другими странами. Если же последние сопротивляются интервенции чужого жизненного опыта в пользу сохранения национального, самобытного, то возникает реальная угроза вмешательства извне во внутренние дела суверенного государства.

Что же лежит в основании такого агрессивного отношения к другим странам, не разделяющим их ценности? В первую очередь «рыночный фундаментализм», который в условиях современности распространяется не только на промышленные товары и услуги, но и на взгляды, идеи, мировоззренческие ориентации и ценностные установки, создавая невыносимые условия выживания для менее развитых стран в жесточайшей рыночной борьбе. Иными словами, идет целенаправленный процесс расширения экономического пространства для дальнейшего наращивания капитала и реализации в скрытой форме геополитических интересов стран Западного мира во главе с Америкой. Для этого используются самые разные формы и способы давления или смены политической власти в других странах.

Наиболее развитые государства Западного мира, преследуя свои геополитические цели, вовлекают в экономические, политические и военные союзы (ВТО, ЕЭС, МВФ, ОБСЕ, НАТО) слаборазвитые страны, чтобы иметь гарантированное влияние на правительства этих стран при принятии ими решений относительно внутренней и внешней политики. Как правило, став членами таких союзов, эти страны теряют свой реальный политический, экономический и государственный суверенитет в независимом определении внутренней и внешней политики. Суверенитет в этих странах существует только формально. При этом происходит беспрецедентное усиление суверенитета самой Америки. В деле реализации своих национально-геополитических интересов и укреплении своего суверенитета Америка может не считаться даже с самыми близкими своими союзниками по НАТО.

Россия не осталась в стороне от этих процессов. В 90-х годах минувшего столетия, с приходом к власти западно-ориентированной политической элиты, России была навязана Западом идеология неолиберальных и демократических «ценностей». Под напором этой идеологии в стране начинается «модернизация» общества, в буквальном смысле слова означающая разрушение всех сфер общественного производства и уклада привычной жизни людей. С космической скоростью появляются новоиспеченные олигархи, которые смогли воспользоваться смутной ситуацией 90-х годов в плане захвата себе национальных богатств страны и вдобавок наделения себя некоторыми функциями государства. Права на принятие решений, касающихся внутренней политики и развития основных сфер жизнедеятельности общества, оказались присвоенными себе олигархами, проповедующими космополитическую идеологию и сросшимися с политикой. Этому явлению было дано следующее обоснование: при построении «гражданского общества» государство как социальный институт утрачивает свое значение в организации социальной жизни. Это привело к потере государ-

ством своих функций, низведению его роли в регулировании общественной жизни и десоверенизации.

В результате этих негативных процессов к началу нового столетия Россия, формально, внешне оставаясь суверенной страной, реально перестала быть таковою. Ярким выражением потери признаков суверенитета стала трагедия новейшей атомной подводной лодки «Курск», когда Россия не смогла на международном уровне адекватно отреагировать на этот факт и назвать причину случившегося, когда целиком оказалась зависимой в проведении внутренней и внешней политики от мнения и реакции государств Западного мира.

Поэтому суверенность остается одним из базовых принципов развития государства. Незыблемость суверенитета превыше всего. Все межгосударственные вопросы должны решаться исходя из принципа суверенности, так как отношения между странами, по утверждению Ганса Моргентау, постоянная борьба за власть и престиж [2; 8]. Международное право, утверждает он, само по себе мало что определяет во взаимоотношениях стран. Решающее значение принадлежит силе, которой обладают некоторые из них. При определенных условиях некоторая группа мощных государств может принять удобные им «правила игры», заставляя остальных «игроков» следовать таким нормам. Поскольку сила или мощь государств достаточно динамичны, а союзы «силовых гарантов» международных договоров изменчивы, исполнение норм международного права также оказывается зависимым от этой изменчивости. В конечном счете, выполняются те договоры, которые либо выгодно выполнять, либо сила принуждения оказывается непреодолимой [4; 82].

Идея суверенности, реализуемая в нашей стране, характеризует способность России не просто выступать в глобальном социуме независимым субъектом политической деятельности, но и обладать автономией в выборе способов реализации демократических принципов внутренней политики. Такая интерпретация идеи суверенности не противоречит национальным интересам и способна ориентировать Россию на осуществление равноправной внешней политики в условиях взаимной соотнесенности государств на международной арене, а также при определении и реализации социальных, экономических, политических, научных, технических, экологических и многих других проектов в глобальном социальном пространстве. Проведение такой политики невозможно в условиях отсталой страны. Для этого требуется сильное государство, способное консолидировать общество, поднять свой державный статус и укрепить суверенитет, разработать национальную идею и идеологию, в которой обозначены тактические и стратегические цели и задачи прогрессивного развития России.

Библиографический список

1. Бусыгина, И. Политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М. : Издательство Московская школа политических исследований, 2006.
2. Лукьянов, Ф. М. В выжидании будущего / Ф. М. Лукьянов // Огонек. – 2013. – № 47.

3. Мусихин, Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия суверенитет / Г. И. Мусихин // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 3.

4. Тамбовцев, В. Л. Международное публичное право: неинституциональный подход / В. Л. Тамбовцев // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 3.

И. Р. Хамзин
(ОГТИ (филиал) ОГУ, г. Орск, Россия)

Российско-британские противоречия в Центральной Азии во второй половине XIX века

«Большая Игра» – термин, который закрепился за противостоянием Российской и Британской империи в регионе Центральной Азии. Авторство термина принадлежит английскому офицеру Артуру Конноли [3], и впоследствии он стал традиционным для обозначения комплекса дипломатических противоречий между Англией и Россией в центрально-азиатском регионе.

На фоне современных геополитических противоречий и споров, вопросы геополитики, возникающие между Россией и странами запада на разных этапах истории, становятся одними из наиболее актуальных тем для исследования.

Историография «Большой Игры» в основном состоит из работ английских и российских историков, наиболее значимыми работами по данной проблеме являются работы «Россия и Англия в Средней Азии» М. А. Терентьева [2], «Политика России в Средней Азии» Н. А. Халфина [1], «Большая Игра против России» П. Хопкирка [3].

События «Большой Игры», происходившие во второй половине XIX века, во многом стали ключевыми в развитии данного исторического процесса. В этот период были сделаны крупные внешнеполитические шаги со стороны обеих империй, направленные на регион Центральной Азии.

В 60-70-х годах XIX века Российская империя осуществляет присоединение среднеазиатского региона. Результаты данной политики можно обобщить следующим образом:

1) Россия утвердила свои позиции на южных границах и расширила их путем присоединения завоеванных территорий.

2) Россия укрепила свои дипломатические позиции на международной арене после проигранной Крымской войны.

Во многом причины наступления в Среднюю Азию, по нашему мнению, лежат в ограниченности проведения внешнеполитического курса в западном направлении по условиям Парижского договора 1856 года – прежде всего в отношении «восточного вопроса». Данные обстоятельства подтолкнули Россию решать проблемы европейской дипломатии путем усиления своих позиций в Центральной Азии.

Масштабные геополитические изменения на карте мира, произошедшие после российского утверждения в среднеазиатском регионе, укрепили позиции Российской империи как «Великой державы» XIX века.

Английская колониальная политика эволюционировала в том же направлении и к концу XIX века достигла своего максимально развития. Индийские колониальные владения уже не обеспечивали полностью потребности английского капитализма и развивающейся индустрии. Необходимы были новые рынки сбыта, что привело к расширению английских колониальных владений в сторону севера Индии, Тибета, Китая и Афганистана [3]. Последний, по нашему мнению, представлял собой скорее геополитический интерес для британского правительства – как союзное государство, защищающее индийскую империю от российского наступления.

Итогом дипломатической борьбы между Англией и Россией на данном этапе стало заключение соглашения 1885 года о разделе афганских границ, обусловившее собой завершение очередного этапа «Большой Игры», но не всего противостояния в целом.

Таким образом, события «Большой Игры» второй половины XIX века определили позиции конкурирующих держав в Азии к началу XX века. Англия и Россия разделили регион на сферы влияния, что стало предпосылкой к заключению политического союза в дальнейшем (1907).

Библиографический список

1. Халфин, Н. А. Политика России в Средней Азии (1857-1868) / Н. А. Халфин. – М. : Издательство восточной литературы, 1960.
2. Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии / М. А. Терентьев.
3. Хопкирк, П. Большая Игра против России: азиатский синдром / П. Хопкирк. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 640 с.
4. Мейер, К. Э. Турнир Теней: Большая Игра и гонка за империю в центральной Азии / К. Э. Мейер, Ш. Б. Бризак. – N. Y. : Basic Books, 2006.
5. Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений. Лондон, 29 августа-10 сентября 1885 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1952.
6. Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. СПб., 18/31 августа 1907 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1952.
7. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России : сборник документов. – Ашхабад : Туркменское гос. изд., 1946.
8. Записка генерал-адъютанта М. Д. Скобелева о походе в Индию / М. Скобелев. – Люли-Бургас. – 17 января 1878 г.
9. К. П. Кауфман – А. В. Богданович, Самарканд. 3 июля 1878 г. Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. – 2003– № 2 (62).
10. Маслов, А. Россия в Средней Азии : очерк наших новейших приобретений / А. Маслов // Исторический вестник. – № 5.

Меморандум 16 августа 1999 года как предпосылка установления партнерских отношений России и Японии

Взаимоотношения России и Японии имеют давнюю историю, и история эта непроста: от добрососедского взаимного сотрудничества до военных столкновений.

Сегодня эти отношения, как никакие другие, испытывают на себе груз негативных последствий трагических событий начала и середины XX века. Вследствие этого и сегодня сохраняются противоречия между двумя странами по ряду вопросов геополитического, экономического и политического характера. Поэтому и Россия, и Япония крайне заинтересованы в построении, расширении и укреплении всесторонних дружественных межгосударственных связей.

На наш взгляд, в немалой степени этому может способствовать обращение к историческому наследию российско-японских отношений, позитивному опыту сотрудничества. Глубокие исторические изыскания в этой области провели В. Э. Молодяков [3], А. А. Кошкин [1], Джеймс Л. Мак-Клейн [2], которые в своих трудах подробно рассматривают внешнюю политику Японии и спорные дипломатические вопросы, которые возникали между Россией и Японией.

XX век ознаменован достижением определенного уровня развития российско-японских отношений, о чем свидетельствуют подписанные в 1990-х годах меморандумы и соглашения между правительствами обеих стран. Эти отношения активно развиваются в различных сферах: политической, включая вопросы заключения мирного договора; экономической, в ней приоритет отдается торгово-экономическому сотрудничеству; в сфере международного сотрудничества на двусторонней и многосторонних основах, а также в других практических областях.

В данной статье мы хотели уделить внимание роли Меморандума о создании основ для развития диалога и контактов между Министерством обороны Российской Федерации и Управлением национальной обороны Японии в развитии российско-японского сотрудничества.

16 августа 1999 года в г. Москва был подписан Меморандум о создании основ для развития диалога и контактов [5; 276]. Данный документ был подписан министром обороны Российской Федерации И. Д. Сергеевым за Министерство обороны Российской Федерации с одной стороны и начальником Управления национальной обороны Японии Хосэй Норота за управление национальной обороны Японии с другой стороны.

В августе 1999 года при подписании Меморандума были выделены две основные задачи, которые раскрываются в первом и втором пунктах документа соответственно: это осуществление диалога и контактов в рамках законодательства и бюджета обеих стран и сотрудничество между оборонными ведомствами с приложением усилий к поиску новых сфер сотрудничества, расширению и углублению взаимодействия [4; 278].

Основой рассматриваемого документа стала подписанная ранее, в 1993 году, Токийская декларация, дополненная Московской декларацией об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией, подписанной Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным и Премьер-министром Японии К. Обути в Москве 13 ноября 1998 года.

Меморандум содержал положения о продолжении визитов представителей двух стран с целью поддержания политических отношений, о консультациях по вопросам безопасности, мер доверия, контроля над вооружениями для поддержания мирных отношений, об участии в семинарах для обсуждения проблем, связанных с региональной и национальной безопасностью, об обмене делегациями войск, кораблей для совместных учений и тренировок с целью предотвращения инцидентов на море и в воздушном пространстве.

Данный документ был большим шагом в развитии российско-японских отношений, так как он решал немаловажный вопрос о сотрудничестве обеих сторон по трем важным вопросам, а именно политическом, безопасности и вооружения. Обе стороны подписанием Меморандума подтвердили важность диалога между правительственными органами как Российской Федерации, так и Японии по широкому кругу вопросов, так как развитие отношений между государствами способствует углублению взаимопонимания и доверия, а также «укреплению мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [5; 277].

Меморандум о создании основ для развития диалога и контактов между Министерством обороны Российской Федерации и Управлением национальной обороны Японии наряду с такими документами, как Совместная декларация СССР и Японии 1956 года, Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 года, Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 года, составляет базу для переговоров с целью заключения мирного договора.

Отношения России и Японии движутся в сторону поиска взаимовыгодных и взаимоприемлемых решений. В целом, можно говорить о том, что обе стороны создали прочные предпосылки для установления партнерских отношений. Позитивное развитие отношений России и Японии в конечном итоге позволит подписать мирный договор и решить сложные территориальные и дипломатические вопросы. Это одновременно будет способствовать укреплению международного авторитета России, а также созданию благоприятных внешнеэкономических условий развития страны.

Библиографический список

1. Кошкин, А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век : учебное пособие / А. А. Кошкин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 480 с. – ISBN 5-2240-4451-0.

2. Мак-Клейн, Л. Джеймс. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век / Л. Джеймс Мак-Клейн. – М. : АСТ, 2011. – 895 с. – ISBN 978-5-1703-7223-2.

3. Молодяков, В. Э. История Японии XX век : учеб. пособ. для студ. вузов / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. – М. : Крафт+, 2007. – 528 с. – ISBN 978-5-8928-2295-4.

4. Панов, А. Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы) / А. Н. Панов. – М. : ФГУП Издательство «Известия» : Управления делами Президента РФ, 2007. – 317 с. – ISBN 5-2060-0695-5.

5. Такэхиро, Того. Япония и Россия в XXI веке / Того Такэхиро // Экономика и международные отношения. – 1997. – № 5. – С. 16-26.

Научное издание

РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

***Материалы IV Всероссийской конференции
с международным участием***

(15-16 мая 2014 г.)

Ответственный редактор

И. А. Шебалин

Ведущий редактор

Е. В. Кондаева

Корректор

Т. С. Коледенкова

Ведущий инженер

Г. А. Чумак

Подписано в печать 25.04.2014 г.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 10,3.

Тираж 55 экз. Заказ 73/1281.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15 А